

СТАРЫЕ ДУШИ

ТОМ ШРОДЕР

- Перевод was-6ornin.livejournal.com при коллективном участии сторонников движения за разумное общество dzro.org
- Распространяется без разрешения автора и издательств.
- Движение за разумное общество за свободный и некоммерческий обмен информацией.

"Увлекательно... Это наука. Шродер оживляет ее, акцентируя читательский интерес на детских историях и воспоминаниях... Эта книга подрывает основы нашего мировоззрения и требует расширения наших представлений о мире".

- *Клэр Дуглас, Вашингтон Пост*

"Книга стоит чтения, хотя бы за множество тревожных вопросов, которые она поднимает".

- *Патти Торн, Рокки Маунтейн Ньюс*

"Верите вы или нет, но путешествуя с Томом Шродером, вы будете в хорошей компании, особенно, если вы родились скептиком.."

- *Чикаго Трибун*

"Журналистская объективность Шродера делает его материалы исключительно ценным инструментом при обсуждении вопросов, отношение к которым зачастую пренебрежительно".

- *Паблицерс Уикли*

"Шродер, журналистский опыт которого делает из него беспристрастного наблюдателя, выдает незабываемые истории... В то время как верующие люди найдут здесь множество подтверждений бессмертия души, скептики будут наслаждаться, наблюдая осторожного исследователя касающегося необъяснимого".

- *Киркус Ревьюс*

"Том Шродер написал фантастическую и волнующую историю своего опыта работы с психиатром Йеном Стивенсоном, десятилетиями изучающего детей, вспоминающих о своих предыдущих жизнях. *Старые души* это увлекательный отчет Шродера о совместных путешествиях со Стивенсоном по Ливану, Индии и Вирджинии в поисках подтверждения непрерывности существования сознания после смерти".

- *Нью Йорк Пресс*

"Пользуясь журналистским даром, Том Шродер оживляет эту сухую документалистику. Он написал об исследованиях Стивенсона таким образом, что удивлены будут как верующие, так и скептики".

- *Флорида Таймс Юнион*

Старые души:
Научные свидетельства
прошлых жизней

Том Шродер
Симон и Шустер Пейпорбекс
Нью-Йорк, Лондон, Торонто, Сидней

Симон и Шустер Пейпорбекс
Рокфеллер центр
1230 Авеню оф Америкас
, Нью-Йорк 10020
, www.SimonandSchuster.com

Copyright © 1999 by Tom Shroder
, Все права защищены, включая право
на полное или частичное воспроизведение.

СИМОН И ШУСТЕР ПЕЙПОРБЕКС и колофон (wtf?) являются
зарегистрированными торговыми марками Саймон и Шустер Инк.

Дизайн ДЕЙДРА С. АМТОР

Произведено в США

10

В Библиотеке Конгресса каталогизирована как издание в твердом
переплете:

Шродер, Том.

Старые души: научные доказательства прошлых жизней / Том
Шродер.

р. см.

Включая библиографические ссылки.

1. Реинкарнация - тематические исследования. 2. 2. Память у
детей - разное. I. Заголовок

BL515.S46 1999

99-1270599-12705

133.9'01'35—DC21

CIP

ISBN-13: 978-0-684-85192-1 ISBN-10: 0-684-85192-X ISBN-13: 978-
0-684-85193-8 (Pbk)

ISBN-10:

0-684-85193-8

(Pbk)

eISBN: 978-0-743-21892-4 978-0-743-21892-4

*Есть много в небесах и на земле такого, что нашей мудрости,
Гораций, и не снилось.*

- Шекспир, *Гамлет*, акт 1, сцена 5

Содержание

Часть 1: Пролог - Дети: память прошлых жизней

Глава 1: Вопрос

Глава 2: Живешь один лишь раз

Глава 3: Человек за занавесом

Часть 2: Бейрут - дети войны

Глава 4: Книга Даниеля

Глава 5: Скорость убивает

Глава 6: Любовь ее жизней

Глава 7: Еретик

Глава 8: Во имя семьи

Глава 9: Нью-Джерси - состояние души

Глава 10: Остановить поезд

Глава 11: Простых ответов не бывает

Часть 3: Индия - дети нищеты

Глава 12: Молочник

Глава 13: Город стекла и гламура

Глава 14: Отмеченные жизнью

Глава 15: Сумитра здесь больше не живет

Часть 4: Соединенные Штаты - дети по соседству

Глава 16: Земля Дикси

Глава 17: Грань науки

Глава 18: Куколка

Благодарности

Избранная библиография

Часть 1

Пролог

Дети: память прошлых жизней

Вопрос

Уже поздно, почти темно. Дым от миллионов навозных костров висит в фарах нашего микроавтобуса марки Марути, прыгающего по узкой, испещренной колдобинами асфальтированной дороге в индийской глубинке. Мы по прежнему во многих часах езды от отеля, островка цивилизации в бурлящем океане третьего мира, и вероятность того, что мы никогда не попадем туда, маячит перед нами также, как обшарпанный, чудовищно перегруженный пикап, который яростно подсакивая, несется к нам навстречу по середине дороги. Используя последние дюймы обочины мы еле успеваем уклониться. Через тонкие кузовные панели нашего Марути я ощущаю его вибрацию, запах смерти врывается с выхлопными газами. Облегчения не чувствуется. Мы выезжаем с обочины и сразу же нагоняем гроыхающую деревянную повозку, запряженную волами с огромными рогами. Наш водитель, уткнувшись в руль, описывает такую кривую, что мне остается только молиться, чтобы наш микроавтобус не перевернулся, подмявая под себя пассажиров и этих животных. Я стараюсь не думать об отсутствии ремней безопасности и о том, что повозка, в которую мы чуть не врезались, находилась в полудюйме от двери переднего сиденья - по-моему, в *Одинокой Планете* я читал статью, что смертельных аварий на дорогах Индии происходит в сорок раз больше, чем на дорогах Америки. Не думать о том, что в эту статистику только что мог быть включен западный путешественник, который нанял машину с водителем в Северной Индии, только для того, чтобы в итоге разбить себе голову в столкновении с грузовиком и прийти в сознание в больнице, с потерянным паспортом, деньгами и страховкой. Я стараюсь не думать о смерти за десять тысяч миль от дома, о том, что могу не увидеть свою жену и детей, что вся их дальнейшая жизнь пройдет без каких-либо следов моего присутствия. Стараюсь не думать о полной темноте.

Но даже окруженный этими страхами, я осознаю иронию положения. На заднем сиденье, нисколько не смущенный пронесшейся мимо нас двухтонной, забрызганной грязью торпедой, сидит высокий человек с седыми волосами, ему почти 80 лет, и он утверждает, что собрал достаточно твердые данные, показывающие, что физическая смерть не обязательно станет концом для меня или любого другого.

Его зовут Йен Стивенсон, он врач и психиатр. Целых 37 лет он собирал данные о детях, которые предоставляли детальную и точную информацию о жизни людей, умерших до их рождения, утверждая при этом, что они и были этими людьми. В то время как я борюсь со страхом смерти, он борется со своим собственным страхом аннигиляции: что дело всей его жизни не получит признания со стороны большинства его коллег.

"Почему? - спрашивает он третий раз за вечер. - Почему ученые отказываются принимать доказательства, которые подтверждают реинкарнацию?"

Прошедшие 6 месяцев Стивенсон показывал мне, что он понимает под "доказательством." Он позволил мне сопровождать его в полевых исследованиях, сначала в окрестностях Бейрута и теперь здесь, в Индии. Он ответил на мои бесконечные вопросы и даже пригласил принять участие в опросах, которые являются основой его исследований. Доказательства, о которых он говорит, не имеют ничего общего с модным течением New Age, с шарлатанами по чтению прошлых жизней или регрессивным гипнозом, после которого испытуемые рассказывают, как они были невестой во Флоренции в 16-м столетии или солдатом в Наполеоновских войнах, ведь собрать такие подробности можно после пары часов чтения любовных романов. Свидетельства детей, которых опрашивал Стивенсон проще и значительно более конкретны. Одна девочка, например, вспоминала, чтобы была подростком по имени Шейла и шла косить траву для скота, когда был сбита автомобилем; другой вспоминает жизнь молодого человека, который умер от туберкулеза с именем своего брата на устах; третья помнит как она была в больнице в Вирджинии и пыталась дозвониться своей дочери, перед неудачной операцией на сердце. Дальше - больше: эти дети сообщают названия деревень, в которых они жили и имена своих родственников, профессии и родственные связи, отношения и эмоции. Такую информацию о каждом умершем, которую вполне можно считать уникальной и которая часто даже неизвестна их семье. И хоть люди, про которых вспоминают дети, уже умерли, но детские воспоминания могут быть проверены или опровергнуты множеством свидетелей.

Вот чем занимался Стивенсон почти 40 лет, вот что мы делали в Ливане и Индии: изучение записей, опрос свидетелей и оценка результатов на предмет альтернативных объяснений. Я видел вблизи, насколько убедительными могут быть некоторые случаи - не только в плане фактического совпадения, но также

и в эмоциях, которые вырывались из глаз и голосов тех людей и членов их семей. Я видел и слышал удивительные вещи, вещи которым у меня нет простого объяснения.

Сейчас мы близимся к концу нашего последнего совместного путешествия, возможно, последнего путешествия Стивенсона в его карьере. В шумном, грохочущим в ночи микроавтобусе меня осеняет, что вопрос Стивенсона далеко не риторический. Он вопрошает *меня*, стороннего наблюдателя, скептически настроенного журналиста, работающего с ним не первый день. Как могут ученые, противники догматизма, убежденные сторонники разумных доказательств, отвергать разумные доказательства, которые он им предоставил?

Я пускаюсь было в пространственные рассуждения о том, что в отсутствии каких-либо знаний о механизме передачи индивидуальности, личности и памяти от одного тела к другому весьма непросто говорить о доказательствах. Но потом мой пыл пропадает. Я слышу свое бессвязное бормотание и наконец осознаю, что он в действительности у меня спрашивает: после всего, что я видел и слышал, верю ли я наконец?

Меня! Человека, который всегда был смертным до мозга костей, кто заглядывая внутрь никогда не чувствовал биения, не слышал шепота ничьей жизни, кроме своей собственной, кто видел близких людей уходящих со смертью в ужасающее, финальное путешествие, кто всем своим смертным нутром усвоил, что постоянно лишь непреодолимое ощущение угасания. Что я думаю?

Он хочет знать. Он спрашивает меня. Он заслуживает ответа.

Живешь один лишь раз

Непрост этот ответ и начинается он за 10 лет до заданного вопроса, в маленьком и удобном врачебном кабинете, в нескольких кварталах от моего дома в Майами Бич. Комната слабо освещена. Напротив меня доктор Брайан Вейс, руководитель отделения психиатрии Маунт-Синай госпиталя. У него мягкий, необычный голос, который то звенит как колокольчики над дверью, то воспаряет как дым от курительной палочки - идеальный голос для гипноза. Он в очках и белом халате, искреннее и открытое лицо обрамляет большая грива седых волос. Рассказывает историю:

В 1982 он проводил сеанс гипноза молодой женщины. Она лежала на спине с закрытыми глазами, легко уйдя в транс, представляя, что кутается в воображаемое одеяло белого цвета. Он приказал ей вернуться к источнику тех воспоминаний, что вносили тревогу в ее жизнь.

Вейс лечил эту женщину от острых фобий. Сеансы были один или два раза в неделю на протяжении уже полутора лет, но гипноз он применял только второй раз. Первая гипнотическая сессия открыла значительный массив воспоминаний о сексуальном насилии, которому она подверглась со стороны отца-пьяницы, но улучшения ее состояния не произошло. Вейс находил странным, что такой прорыв не принес облегчения. Может было что-то еще более глубокое, скрытое в глубинах ее памяти?

Вейс решил переходить к прямому внушению. Голос зазвучал твердо и начальственно: "Вернись в то время когда появились страхи".

В глубоком трансе она заговорила хриплым шепотом. Речь была прерывистой, как-будто воспоминания были трудными или болезненными. "Я вижу белые ступеньки ведущие к дому, большой белый дом с колоннами... На мне длинное платье, сделанное из грубой мешковины. Меня зовут Аронда. Мне 18..."

Вейс записывал, не сильно вникая в то, что происходит. Шепот продолжался: "Я вижу рынок. Корзины. Ты несешь корзины на плечах. Мы живем в долине. Здесь нет воды. 1863 г. до н.э."

К концу гипносессии Аронда умерла в результате наводнения, будучи в отчаянном ужасе и захлебываясь, словно по настоящему.

Это был переломный момент для той женщины, сказал Вейс. Ее страхи утопления и темноты ушли после этого. Последующие месяцы гипноза

открыли еще больше, ее хриплый шепот зазвучал сквозь столетия истории. Ее будут звать Йоханн и она перережет себе горло в Голландии в 1473; она будет Эбби, мелким клерком в Вирджинии 19-го столетия; уэльским моряком-христианином; немецким летчиком; мальчиком с Украины, чей отец был казнен в тюрьме в 1758г. В промежутках между жизнями, плавая в сияющей пустоте, она была хозяином для бестелесных духов, которые открывали ей тайны вечности. И что важно, сказал Вейс, она поправилась.

Потом Вейс напишет книгу об этой женщине, дав ей вымышленное имя Кэтрин. "*Many Lives, Many Masters*" [*"Мы не умираем, мы рождаемся вновь"* в русск. пер.] станет международным бестселлером и признанной классикой течения New Age.

В 1988 году, глядя на эту книгу, бодро лидирующую в списках местных бестселлеров, я решил написать историю про Вейса, для городского воскресного журнала *Tropic* в г. Майами (*Miami Herald's Sunday magazine*), в котором я потом стал редактором. Собственно, меня интересовал сам Вейс: Он был далек от течения New Age. В свои 44 года он был выпускником Йельской Медицинской Школы, признанным экспертом в психофармакологии, химии мозга, в лечении болезни Альцгеймера, алкогольной и наркотической зависимости. Он рассказал, что выжидал 4 года, прежде чем написать эту книгу, боясь остракизма со стороны своих коллег. Наконец он набрался храбрости опубликовать свой отчет, впрочем его страхи не оправдались, по крайней мере не публично.

Перед тем, как брать у него интервью, я позвонил президенту госпиталя и услышал отрывистый комментарий: "Брайан Вейс высококласный и многоуважаемый специалист, знаток своего дела". Когда я поинтересовался, может ли его репутация быть испорчена книгой, президент ответил коротко: "Нет".

Все прочие были согласны с этим мнением. "Если бы кто-то другой написал эту книгу, я бы ни за что не поверил, - высказывался его коллега. - Но ему я верю, потому что знаю Брайана, это проницательный клиницист, исследователь и диагност".

Тот факт, что обычно консервативные медики принимали необычные доказательства Вейса о прошлых жизнях, меня серьезно заинтриговал. Это не убедило меня, но сделало историю более захватывающей.

Первое, на что я обратил внимание, при чтении его книги, был недостаток скептицизма. Женщина воображала себя египтянином по имени Аронда. Само по себе, это не казалось мне достаточно убедительным, ведь это могли быть

лишь ее фантазии. И все же, Вейс был абсолютно убежден. Я не понимал этого.

В этой первой встрече в его офисе, я не скрывал своего замешательства. Я сказал Вейсу, что хотел бы удовлетворить свое любопытство в отношении этой истории, а это означает, что мне придется задавать много неудобных вопросов. Вейс пожал плечами и скромно улыбнулся. "Тут поле непаханое, - ответил он. - Начинай откуда хочешь".

Он сидел за своим столом, охрипший после ток-шоу в Питтсбурге, с последующей бессонной ночью в душном отеле и терпеливо разъяснял свою логику: он лечил Кэтрин, лаборантку из своего госпиталя, в течении полутора лет. За время терапии Кэтрин никогда не демонстрировала своей веры в оккультное и не пыталась манипулировать им каким-либо образом. Единственной необычной вещью в ее лечении было отсутствие прогресса. Так что, если Кэтрин все выдумала, то она должна была быть невероятно терпеливым мошенником: в ожидании гипнотерапии ей пришлось имитировать наличие психологических проблем в течении полутора лет, продемонстрировать свои детские травмы на первом сеансе, и только лишь на втором начать рассказы о своих прошлых жизнях.

Вейс добавил, что тысячи часов общения с множеством пациентов сделали его неплохим наблюдателем, и что внутренний "детектор лжи" у него работает как надо. С Кэтрин он был по настоящему уверен, что перед ним пациент, который хочет избавиться от беспокоящих страхов. Она была простой, искренней женщиной, католического вероисповедания, не шизофреник и не психопат, не склонна к маниакально-депрессивному психозу или раздвоению личности. Ее мышление не было бредовым.

Кроме того, потом Кэтрин сама рассказала, что она думает по поводу своих прошлых жизней. Она чувствовала себя неуютно. Эти воспоминания вступали в противоречие с ее католической верой и она чувствовала себя неловко из-за этого. Но она была взволнована быстрым улучшением своего состояния, и поэтому решила продолжить гипнотерапию пока не вылечится окончательно. В ней не было ничего, чтобы указывало на ее интерес к своим прошлым жизням, она лишь хотела вылечиться. Она нерешительно согласилась подписать книжный релиз, не получив при этом ни копейки. Даже сейчас, когда они случайно сталкивались в стенах госпиталя, она не выказывала ни малейшего интереса к метафизическому подтексту своего опыта. По этим причинам, Вейс верил, что Кэтрин не сумасшедшая и не актриса.

Что еще убедило его, так это то, что эти воспоминания были довольно обыденными, прозаичными и это было правдоподобно. Она была слугой, рабочим, прокаженным. В глубоком трансе, она фокусировалась на таких вещах, как запах цветов или великолепии свадьбы, на которой ей не позволили присутствовать - обычных, повседневных вещах. Временами, ее воспоминания были весьма подробны: в одной жизни, она подробно описала процесс взбивания масла, в другой процедуру бальзамирования тела. Эти описания, хоть и не являлись технически сложными, тем не менее, лежали далеко за пределами обычного диапазона знаний Кэтрин. Однажды, вернувшись из Чикаго, Кэтрин рассказала ему, что была поражена своим собственным поведением, когда на экскурсии в музее экспонатов Древнего Египта она не смогла удержаться от того, чтобы поправить экскурсовода.

Я, конечно, был впечатлен искренностью Вейса, но не его доказательством. Он добавил, что разыскал того экскурсовода и тот ему сообщил, что углубился в историю с тем экспонатом и понял, что Кэтрин действительно была права, а он ошибался. Тем не менее, ни в одном из воспоминаний своих прошлых жизней, воспроизводимых с такой тщательностью к деталям, Кэтрин не говорила на архаичных языках, не упомянула ни одного имени, людей, чье существование можно было проверить.

"Я был так ошеломлен тем, что она рассказывала, что не обратил внимания на эти вещи, - ответил Вейс. - Когда я пытался направить ее внимание к этим вещам, она игнорировала меня. С этим определенно стоило бы разобраться. Я лишь положил начало процессу. Кэтрин всего лишь история одной болезни".

Чем больше я об этом думал, тем находил эту историю все менее убедительной. В гипносессии, когда Кэтрин вспомнила жизнь Аронды, она применила термин до н.э. (до нашей эры) - термин, которые древние египтяне знать не могли, а перевод в эту систему дат требовал профессиональных знаний. И еще, из отчета Вейса я заметил, что Кэтрин была украинским мальчиком ровно в тоже время, когда она была испанской проституткой.

Ничего из этого не могло поколебать веры Вейса: "Нужно смотреть в целом, - сказал Вейс, - эти противоречия только добавляют интриги. Есть много такого, чего мы не знаем".

Слишком много, подумал я.

Во время нашего интервью к нему приходила пациентка. Она была терапевтом, работником социальной сферы, занималась людьми с раздвоением личности и в своей работе использовала техники регрессивного гипноза. Она приходила к Вейсу, так как была убеждена, что в ее прошлом

есть травма, которая ей досаждала. Под гипнозом, углубившись в прошлое, она рассказывала следующее:

Я в темноте и вокруг одна темнота, я понимаю, что на моих глазах повязка. Затем, я вижу себя со стороны. Я стою на вершине башни, это одна из башен каменного замка. Мои руки связаны за спиной. Мне чуть больше 20 лет и я знаю, что я среди тех, кто проиграл сражение. Затем, я чувствую невыносимую боль в спине. Я скрежещу зубами, напрягаю руки и сжимаю кулаки. Меня проткнули копьем, я чувствовал его в спине, но я не хотел кричать из гордости. Затем, я падаю и воды рва вокруг замка смыкаются надо мной. Я всегда боялся высоты и утопления. Когда я очнулся, я был все еще потрясен и провел пару дней в агонии - я не мог коснуться своего лица, боль была слишком велика - но на следующее утро, когда я проснулся я подумал, "Что-то изменилось." Что-то очень сильно изменилось.

И теперь она была готова пройти еще один сеанс гипнотической регрессии, а я был готов наблюдать. Она легла на ковер в кабинете Вейса и поддавшись внушению, оказалась в другой жизни, в которой увидела себя прилюдно повешенной.

Опять же, в ее описаниях не было ничего примечательного, никаких архаичных слов или знаний, ничего такого, что не было бы доступно любому выпускнику колледжа. Наблюдая за этой женщиной, я пришел к само собой разумеющемуся выводу: передо мной был пример свободного полета фантазии на средневековую тематику.

Впрочем, возможно, я мог что-то упускать, что могло быть обнаружено в субъективных переживаниях. Я спросил у Вейса, может ли он порекомендовать мне гипнолога для регрессивного гипноза. Я нашел этот процесс расслабляющим, успокаивающим и, как ни странно, очень приятным, но он полностью исключал любую возможность открыть в памяти воспоминания предыдущих жизней. Вместе с этим, я делал все возможное, чтобы помочь гипнологу в ее работе. Я ждал образов, всплывающих в сознании и затем пытался поместить их в соответствующую обстановку - ровно так я действовал когда писал книгу или отходил ко сну. Когда я расслабился сильнее, более глубоко погрузился в измененное состояние сознания, образы стали приходить

без малейших усилий с моей стороны. Но даже тогда, они несли в себе не больше смысла чем обычные, послеобеденные сны.

Когда я снова встретил ту женщину-терапевта, я поделился своими впечатлениями. Без всякой задней мысли, она простодушно открыла мне скрытый мотив своих гипнотических переживаний:

"Знаете, для меня никогда не имело смысла, что вот сейчас мы здесь, живем какое-то короткое время, а потом бац и... ничего," - сказала она.

Ну и кто из нас не чувствовал того же в глубине души? Бытие в небытие; свет в темноте. Щелк, щелк выключателем - все это кажется не очень-то правильным. Скажем даже более точно, это выглядит несправедливым.

Следуя рекомендации Вейса, я посетил экстрасенса, который специализировался на "чтении" прошлых жизней. Даже находясь под впечатлением от услышанной истории, я все равно не был настроен серьезно.

Экстрасенс работал в офисе, на втором этаже супермаркета Майами-Бич, на противоположной стороне шоссе А1А шумел океан. Она сидела напротив, оживленная, взволнованная перспективой работы. В чарующем исступлении она указала на знаки и предзнаменования в астрологических картах. "Я разогреваю правое полушарие, - сказала она. - Жду когда начнется".

И вскоре началось - оказалось, что я был алкоголиком, пропивающим последние деньги почтенного семейства южан после гражданской войны; стареющим японским мудрецом с искривленными артритом пальцами и сидящими вокруг учениками; черной ямайской колдуньей, австралийским фермером, немецким врачом. В моих жизнях было множество возлюбленных и множество детей, сражений и побед, человеческие судьбы и дальние страны. С самых ранних времен и в каждом уголке планеты. Моя жена и дочь, я знал их раньше. И я узнаю их в будущем. Снова и снова.

Это звучало очень здорово: никогда не говоришь "прощай"; душа не заперта в этой клаустрофобной конструкции времени и обстоятельств одной жизни, единственной жизни.

К сожалению, эта женщина не сказала мне ничего, чтобы вызвало отклик в моей душе. Зарисовки этих жизней относились к кому-то другому, не ко мне. Единственная вещь которая была мне понятна, это то насколько сильным в принципе является желание верить, как сильна мотивация самообмана. Я отогнал эту мысль прочь, оставив ее на потом.

Сперва я был неслабо шокирован тем, что Вейс рекомендовал мне эту женщину, но идя в своих размышлениях дальше, подумал, что это может свидетельствовать о неисправности его "детектора лжи" и что феномену

регрессивного гипноза должно быть другое объяснение. Другие психиатры, у которых я брал интервью, не были готовы подтвердить выводы Вейса, но были весьма заинтригованы.

"Те из нас, кто практикует гипноз, не были сильно шокированы его книгой, - сообщил мне один из них. - У многих есть пациенты, которые возвращаются к чему-то. Я не готов утверждать, что это именно прошлые жизни. Я полагаю у нас есть интерес к этому феномену, но нет особого желания публично освещать его".

Один психолог, широко известный специалист в гипнотерапии при работе с множественными расстройствами личности заявил: "У меня было множество пациентов, которые испытывали яркие, эмоционально насыщенные переживания прошлого с глубочайшим постэффектом в настоящем. Я не могу быть уверенным, что эти переживания были воспоминаниями прошлых жизней. Вполне вероятно, это лишь фантазии рождающиеся из памяти - своего рода попытки описания психологической проблемы. Например, человек, утверждающий об изнасиловании в прошлой жизни фактически говорит о детском воспоминании инцеста. Целеустремленность к бессознательному. Чтобы там не происходило в этих воспоминаниях о прошлых жизнях, я не верю в то, что это просто притворство".

"Совсем недавно, - сказал он, - у меня была пациентка, она проснулась в 2 часа ночи. «Голодной» (famished) и очень встревоженной. И никак не могла уснуть. Я загипнотизировал ее и велел вернуться к источнику расстройства. Внезапно, на ее лице появилась широкая улыбка. «Ну конечно, - она заявила. - Я была там».

Она говорила о "Хрустальной ночи" с которой берет начало Холокост в Германии. За неделю до этого в прессе было много материала посвященного 50-й годовщине террора нацистов против евреев.

Меня поразило то, что она продолжала использовать слово "голодный", хотя оно было довольно необычно для ее лексикона. Здесь любопытно то, что слово *fa-misht* на идиш означает что-то типа "бардак, все смешалось" - хорошее описание хаоса царящего той Хрустальной ночью. Когда я спросил ее об этом, она ответила что не понимает, что заставило ее выбрать это слово, что обычно она им не пользуется. В общем, могу добавить, что я продолжаю исследовать это. Как ученый, я должен быть открытым".

Как говорят старые скептики: "Если вы слишком зашорены, ваш мозг усыхает". Вот какова была позиция тех врачей и я склонялся к этому же. Например, доктор Джек Капчан, клинический психолог в университете Майами,

с особенным интересом в области парапсихологии, был обеспокоен научными притязаниями книги Вейса. Где конкретные доказательства? Где тщательная проверка прошлого пациента?

"Все что Вейс описал в своей книге может быть объяснено традиционным образом", - сказал он, подразумевая внушение, фантазии, диссоциативные расстройства. В таких случаях, сказал Капчан, неприлично давать объяснения связанные с "паранормальным". Женщина под гипнозом, придумывающая сцены из прошлого - какой смысл в том, чтобы "объяснять" этот довольно простой набор фактов, придумывая такие сложные феномены, как душа, загробная жизнь, воплощения? Ведь это все не может быть проверено объективными средствами. Такого рода объяснения, очевидно, могут быть использованы в последнюю очередь, лишь после того как исключены более простые объяснения.

Я решил найти эксперта среди экспертов, человека который написал статью о регрессивном гипнозе, своего рода *Энциклопедию Британника* среди гипнологов. Это был доктор Мартин Орни, впоследствии профессор психиатрии в университете "Медицинская школа Пенсильвании", старший психиатр в городском госпитале, редактор *журнала клинического и экспериментального гипноза*. У него было что сказать:

"В таких случаях я чувствую себя Гринчем, который крадет Рождество с Санта-Клаусом. Люди, которые продвигают эти идеи, не злонамеренны, просто они очень хотят верить. Люди думают, что когда что-то происходит под гипнозом, это намного больше походит на правду, хотя на самом деле все наоборот. Гипноз может создавать псевдовоспоминания. Воспоминания о прошлых жизнях по сути ничем не отличаются от воспоминаний похищения пришельцами, которые дают люди под гипнозом. Я называю их "честные лжецы". Гипнологи обычно приказывают своим пациентам вернуться к причинам их психологических проблем. Это то, что множество людей находят весьма затруднительным, и если они не найдут эту причину в этой жизни, они будут искать ее в следующей - в своей фантазии, конечно".

Хорошо помню чувство удовлетворения, после того как я повесил трубку. В очередной раз, а такое было уже много раз в моей карьере журналиста, я видел как кажущаяся невероятной история при ближайшем рассмотрении получала вполне реальное объяснение.

Классический пример с "лицом на Марсе". В 1970-х, после облета и фотографирования планеты Марс, на снимках поверхности были обнаружены контуры, напоминавшие человеческое лицо, огромное количество печатных и

интернет-источников утверждало, что это монументальное архитектурное сооружение, подтверждающее присутствие инопланетной цивилизации. Некоторые видели даже более - присутствие самого бога.

Большинство ученых настаивали на том, что за лицо принимают всего лишь складки местности и игру теней. Однако, были и другие, обвинявшие первых в тупости, желании сохранить незыблемость научных представлений о вселенной или утверждающие наличие всемирного заговора, с целью скрыть существование инопланетной цивилизации.

Однажды, весенним утром, газетные заголовки принесли интригующие новости, что очередной космический аппарат NASA был направлен прямо к этому "лицу", чтобы сделать снимки высокого разрешения. К полудню, подытоживала заметка, снимки окажутся в Интернете и каждый из нас своими собственными глазами сможет увидеть, подтверждают ли эти фотографии существование инопланетного разума.

Я догадывался, что произойдет. Я знал, что фотографии покажут только то, что и должны показать: естественное геологическое образование, а люди, которые хотели увидеть лицо бога, будут горько разочарованы.

Я видел сюжетное сходство с историей Вейса: "Заслуженный психиатр и объективный ученый предоставляет неопровержимые доказательства реинкарнации," - да, да, но все-же это был бы слишком простой ответ на вопрос "есть ли жизнь после смерти?" В общем, я был полностью удовлетворен. Вейс был зачарован интересным феноменом и стал искать быстрые объяснения, найдя их в сверхъестественном, тогда как в действительности мы имеем дело лишь с богатым человеческим воображением. (Кстати, через несколько лет после выхода его книги *"Мы не умираем, мы рождаемся вновь"* я снова брал интервью у Вейса, он уже отошел от идеи, что регрессия подтверждает существование реинкарнации. Что его волновало и о чем он мне сразу сообщил, так это то, что эти регрессии несли положительный результат, даже, если они были фантазиями, они чрезвычайно помогали в терапии. В его практике было много случаев, когда традиционная терапия не справлялась и только регрессии приносили положительный результат. Я спросил его, документировал ли он подобные случаи. Он ответил что нет, но надеется, кто-нибудь этим займется.)

В тоже время, если бы всплыла другая Кэтрин, расшифровывающая египетские иероглифы без специального образования, или скажем сообщив то, что в 1947 говорила на смертном одре своему сыну какая-нибудь бостонская вдовушка, а сын потом подтвердил бы это и поклялся, что кроме него этого

никто не мог знать - вот тогда бы, я был готов объявить этот день днем победы на реинкарнационном фронте.

Однако...

Я пробежался по статье о докторе Йене Стивенсоне, профессоре психиатрии в университете Медицинская школа Вирджинии, который расследовал случаи воспоминаний о прошлых жизнях полученных другим способом: стихийные воспоминания очень маленьких детей, без всякого гипноза. Эти отчеты часто включали имена, адреса и сугубо личные подробности жизни тех людей, о существовании которых дети не имели ни малейшего представления. Вдобавок ко всему, эти детские воспоминания могли быть подтверждены членами семьи умершего. Множество этих воспоминаний исходя из записей Стивенсона достаточно убедительно проходили проверку реальностью.

Что меня поразило, исследовательский багаж Стивенсона состоял из более чем двух тысяч задокументированных случаев, со всего мира. Признаюсь, сперва я подумал, что он какой-то фрик, хранящий дома остатки креста на котором был распят Иисус и слушающий радиопередачи цивилизации кроваво-красных гномов с 5-го спутника Юпитера. Но вчитываясь дальше, понял что все не так просто. Я нашел статью 1975г., авторитетного *Журнала Американской Медицинской Ассоциации*, (JAMA) констатирующую, что Стивенсоном "были собраны данные, которые тяжело объяснить каким-либо образом [кроме реинкарнации]".

Статья в JAMA также цитировала книгу, в которой Стивенсон обобщил свои данные. Я посетил несколько книжных магазинов, но среди авторов книг о регрессивном гипнозе и подобных тем, Стивенсона не было. Публичная библиотека сообщила о нескольких томах Стивенсона, но мне удалось обнаружить только один. Я взял ее домой и начал читать. Его академический стиль был очень труден для восприятия, читать его было так же нелегко, как антропологические заметки в выпускном классе колледжа. Однако, выяснилось что это стоит затраченных усилий: собранные доказательства были весьма убедительны, я был поражен вдумчивостью и беспристрастностью Стивенсона. Здесь было именно то, чего так не хватало книге Вейса; Стивенсон собрал свидетельства, которые были конкретными, определенными и верифицируемыми, воспоминания о прошлых жизнях были такого характера, что исследуемый субъект не мог их угадать или узнать заранее.

Я задался вопросом, почему я раньше никогда не слышал об этом человеке и его работе? Как это возможно, что один весьма неубедительный материал о

гипнотической регрессии стал основой для бестселлера, в то время как сотни неопровержимых свидетельств требуют целого дня поиска в библиотеке?

И наконец, я удивился последнему: почему я написал о Брайане Вейсе, а не о Йене Стивенсоне?

Мне потребуется целое десятилетие, чтобы убедиться в правоте последнего.

Человек за занавесом

В течении нескольких лет меня продолжала преследовать идея выследить Стивенсона и написать про его исследование. Время от времени, оказываясь в книжной секции New Age и пролистывая взглядом индексы книг по реинкарнации, я находил несколько страниц посвященных ему. Оттуда я узнал основные детали его биографии: В 1943 г. он получил медицинское образование в университете McGill в Монреале, был лучшим выпускником в своей группе. Он практиковался во внутренней медицине и выпустил несколько работ по биохимии, но в основном, специализировался в психиатрии. В 1957г., в возрасте 39 лет, Стивенсон стал главой департамента психиатрии в медицинском университете Вирджинии, именно оттуда он начал свое исследование. В конце концов, он снял с себя административное бремя и полностью ушел в свои исследования паранормального, а его директорское кресло занял Честер Карлсон, кстати, тот самый человек, который изобрел ксерокопию.

Кроме довольно общего, часто некритичного упоминания о его деятельности, в популярной литературе не было серьезных дискуссий на тему его исследований. За исключением того раннего обзора в *JAMA*, фундаментальная наука полностью игнорировала Стивенсона. Я стал просматривать подшивки менее известных журналов, типа *The Journal of the American Society for Psychical Research* и *The Journal of Scientific Exploration*.

Эти журналы, о существовании которых я был до этого в неведении, стали для меня откровением. Они были наполнены обсуждениями странных явлений, одержимостей, НЛО, психокинеза, космических аномалий - но не в той полуистеричной манере, которую я привык видеть в литературе с полок New Age. Эти отчеты, по большей части, были серьезны как онкологические исследования. В каждом из них была заложена своя методология, наблюдения были тщательно систематизированы, обсуждение было трезвым и впечатляюще бесстрастным, с осторожными выводами.

Фактически, это были клоны отчетов Стивенсона - здесь не было места для совпадений. Каждый раз, авторы отдавали дань уважения Стивенсону, который не побоялся исследовать области реальности табуированные научным мейнстримом. Один автор даже сравнил его с Галилеем. Ну и

наконец, здесь была критика Стивенсона, статьи тех авторов, что сами проводили подобные исследования.

Эти исследователи подготовили отчеты практически идентичные отчетам Стивенсона, хотя их выводы были более осторожны: исследования показывали высокую вероятность того, что некоторые из этих детей не имели доступных возможностей узнать деталей жизни умершего человека. Как правило, они отмечали, что хотя результаты и могут быть интерпретированы как доказательство реинкарнации, необходимости в этом не было: вполне могло быть другое объяснение из области паранормального.

Эта сдержанность согласовывалась с группой статей других авторов, взявших за основу исследования Стивенсона, но руководствуясь при этом своей логикой, они подвергали сомнению его заключения. В этом было больше смысла, они видели причины в некой супер-экстрасенсорной способности.

Я вспомнил как читал одну их таких статей ночью и смеялся, но не от того, что статья была смешная, а от того, что она была потрясающая: по сути, ее автор свалил Стивенсона с пьедестала, утверждая о существовании экстрасенсорного восприятия, мощного сродни всеведению.

Тональность этих статей тоже была достаточно интересна. Во-первых, эти парни были очень, очень *умными*. Это вам не псевдо-интеллектуаллы, мощь их ума практически осязалась. Вот четыре абзаца из статьи Стефана Броуди, руководителя кафедры философии в университете Мэриленда, опубликованной *Журналом научных исследований* в 1992.

Многие задавались вопросом, вразумительна ли сама идея выживания [жизни после смерти]. И, как читатель успел понять, некоторые решили, что нет и отвергают гипотезу выживания априори.

Я не являюсь таким оппозиционером "по убеждению". Просто в большинстве случаев, тщательно отобранные эмпирические свидетельства покоятся на неустойчивых философских положениях, и эти положения часто ослепляют исследователей, заставляя их делать альтернативные интерпретации данных. Тем не менее, некоторые из этих "априори" доводов являются более основательными и убедительными, нежели обычные споры о вразумительности этой идеи выживания.

Что особенно важно, из этого достаточно просто выстраивается идеальная конструкция, которую нельзя не принять

(или на худой конец, воспринимать серьезно), что жизнь после смерти своего рода факт, как бы сильно это не расшатывало наши обычные представления о реальности. Возможность сделать такие выводы, говорит о том, что нельзя легковесно отбрасывать существующие доказательства. Более актуальным вопросом можно считать то, насколько фактические примеры близки к реальности.

Ведь даже лучшие из приведенных примеров, вместе с теоретическими построениями, лицом к лицу сталкиваются с непреодолимыми концептуальными препятствиями. Как мне кажется, даже самые убедительные доказательства переселения душ могут трактоваться в рамках сугубо земной реальности, скажем, как неисследованные возможности человеческой психики.

Другими словами, сталкиваясь с работой Стивенсона, многие умные и весьма уважаемые ученые говорили - *Вам дают два выбора: реинкарнация или ясновидение.*

Закончим с этим. Весной 1996, я обнаружил телефонный номер, по которому звонил Стивенсону в 1988г., с целью получить отзывы о Брайане Вейсе. Я позвонил, в полной уверенности, что обнаружу ученого давно отошедшим от дел.

К моему удивлению, трубку снял сам Стивенсон. Я напомнил ему, что брал у него интервью и объяснил мой продолжительный интерес. Мы немного поговорили. Он отметил, что в данное время продолжает свои исследования и не может себе позволить от них оторваться. "Кроме того, - добавил он, - боюсь, с меня достаточно этих интервью".

Положив трубку, я написал ему письмо, с просьбой пересмотреть свое решение. Я написал, что я гораздо более заинтересован в работе с ним, нежели в интервью (которые, как я понял, являлись для него особенно надоедливыми) и что основной моей целью было показать, что его работа заслуживает гораздо больше внимания, чем если смотреть на нее с позиций скомпрометировавшего себя регрессивного гипноза или, что еще хуже, публичных обсуждений реинкарнации.

Если вбить в строке поиска "исследование реинкарнации", в первых строках поиска появится вот это:

Благодаря "Технологиям Нового Поколения" невысказанное стало не только мыслимым, но и выполнимым. Хотите освободить себя от

извечных страхов? Хотите умереть в полной уверенности, что все будет хорошо? Если ваш ответ "Да", тогда получите свой собственный набор от компании "Реинкарнационные системы фонтан юности". Мы вышлем его вам с подробными инструкциями о том, что нужно сделать, чтобы собрать себя или любимого человека. Это так просто. Но, пожалуйста, не тяните слишком долго, только с нами вы сможете воистину "упокоиться с миром".

Часто задаваемые вопросы

Q. Как быстро после смерти начинается процесс реинкарнации?

A. Немедленно.

Q. Почему мне нужно покупать этот набор?

A. Набор гарантирует безопасность вашей души на "той стороне" и возвращение в наш мир. Без него, ваша душа может неприкаянно бродить в поисках убежища. Это называется "переход."

Эй, приятель, давай будем откровенны. Когда человек умирает, согласишься, уже немного поздно изучать наши инструкции. Когда вся твоя жизнь начнет мелькать перед тобой, ты не сможешь нажать паузу и все остановить. Кто из нас может предвидеть, что случится через час, через день или через неделю? Может, имеет смысл предусмотреть все заранее? Не потеряй свою душу. Верни ее себе снова, с набором от компании "Реинкарнационные системы фонтан юности". Просто вышли нам чек или денежный перевод на сумму 399\$:

Компания "Реинкарнационные системы фонтан юности."

Или, еще было такое, из колонки Лос-Анджелес Таймс, опубликованное после того, как два подростка из Арканзаса открыли огонь по своим одноклассникам в 1988г.:

В бойне на школьном дворе виновны перевоплощенные души Бостонского Душителя и Джека Потрошителя, сообщил эксперт гомеопатии из городка Лагуна Бич в Калифорнии. В своем интервью службе новостей Wireless Flash News Service, Фредерик Белл утверждает, что это работа давно умерших серийных убийц,

которые будут реинкарнировать, покада духовный мир их не исправит. Белл сказал, что неплохим решением является курс регрессивного гипноза для всех дошкольных малышей, чтобы убедиться в том, что они не являются кровавыми маньяками в своих прошлых жизнях. Также он предложил надевать им специальные пирамидальные шапочки, чтобы "нейтрализовать воздействие негативных энергий."

Стивенсон удивил меня еще раз, ответив на мое письмо и предложив напомнить о моем предложении в конце года, когда он немного разгребет завалы в своей работе. Я написал ему снова в декабре. В этот раз, Стивенсон пригласил меня в Шарлоттсвилль, чтобы переговорить с глазу на глаз.

В январе 1997, я встречался со Стивенсоном в его кабинете *Отдела личностных исследований*, расположенным не очень далеко от ротонды Томаса Джефферсона украшающей величественный кампус Вирджинского университета. *Отдел личностных исследований* располагался в старинном двухэтажном доме, зажатом между многоквартирным домом и высотным паркингом. Я припарковался там, где когда-то был задний двор и вошел через крыльцо совмещенное с маленькой кухней. Что-то в хлопнувшей позади двери напомнило мне о друге детства, с которым мы зависали у него дома, когда я учился в средней школе. Ждать пришлось в приемной, переделанной из старой гостиной. За спиной секретаря было помещение картотеки с шкафчиками в которых хранилось более чем 2,5 тыс. материалов, собранных Стивенсоном за годы его исследований. На стене была развернута большая карта Соединенных Штатов. Она была буквально утыкана кнопками с красными, черными и белыми шляпками, с краю карты находилась легенда: красный - случаи реинкарнации; черный - околосмертный опыт; белый - призраки/полтергейст.

На втором этаже, в конференц-зале вокруг большого деревянного стола, одновременно перекусывая, толпились коллеги Стивенсона. Все они были исследователями, работающими над различными проектами *Отдела личностных исследований*. Один из них, работающий в университетском центре здоровья кардиолог, занимался изучением пациентов, которые сообщали о мистическом, внетелесном опыте, вызванном медицинскими кризами. После того как мы представились друг другу и он сообщил чем занимается, я у него спросил: "Чего вы пытаетесь добиться?"

Он проглотил остатки своего сэндвича с ветчиной и ответил: “Мира во всем мире, - а затем, в повисшей тишине, добавил. - Я весьма серьезно. Если убрать страх смерти, мир бы перевернулся. Не было бы никаких причин для войн”.

Я начал сомневаться в своих предположениях о царящем здесь здравомыслии.

Сам Стивенсон был высокий и худой, с седыми, слегка взъерошенными волосами. Одетый в синий костюм и белую, хорошо выглаженную рубашку, он, казалось, источал какую-то ауру вокруг себя. Я спросил его, что означает название *Отдел личностных исследований*. Он засмеялся и ответил: “Это просто вывеска, для прикрытия того, что творится за ширмой”.

Когда я его спросил, что он думает по поводу “доказательств” реинкарнации, ответ был следующим: “Я не уверен, что в науке вообще существуют доказательства, за исключением, пожалуй, математики. Однако, из того, что мы имеем на сегодня, по крайней мере, в нескольких случаях, реинкарнация это лучшее объяснение, что мы можем придумать. Есть огромный массив доказательств и он продолжает увеличиваться. Я думаю на этой базе разумный человек вполне мог быть поверить в ее существование”.

Мне понравилась эта осмотрительность, его скромность и расчетливость. “Мир во всем мире” отступили на задний план и я решил пощупать его немного, чтобы убедиться, не прячется ли за этим фасадом очередная идеология *Новой Эры*.

“Что мне непонятно с этой реинкарнацией, - сказал я, - так это то, как в рамках этих представлений можно объяснить взрыв населения. Сейчас на земле живет больше людей, чем за всю историю человечества. Неужели, души есть только у некоторых из них? А если нет, то откуда приходят новые души?”

Мы сидели в креслах напротив друг друга. Было в этом что-то на манер прошлого - старый дом, фраки, неторопливая беседа как у настоящих джентльменов с бокальчиком послеобеденного бренди. Он ничего не ответил, но обрел сосредоточенность. Я понял, что он реально *думал* над заданным вопросом и осознал, насколько редко встречаются такие люди.

“На этот вопрос ответить не так просто, - сказал он наконец. - Некоторые полагают, что души приходят с других планет, во Вселенной миллиарды планет земного типа. Другие говорят, что созидание душ никогда не прекращалось. В любом случае, ни для одного из этих тезисов у меня нет каких-либо доказательств”.

И снова я был восхищен. Тем не менее, просто наслаждаться временем проведенным со Стивенсоном было непозволительно: ему нужно было знать зачем я здесь. И я сказал, что я хотел бы присоединиться к его исследованиям в качестве стороннего наблюдателя, что я мог бы немного оживить его сухие научные отчеты при помощи своего журналистского опыта и сделать их более доступными для читателя. Но, что важнее, я мог бы наблюдать за поведением опрашиваемых им детей, проверяя, насколько правдоподобны их свидетельства. Я сказал, что несмотря на то, что собранные им свидетельства это всего лишь данные, которые можно впоследствии обрабатывать, тем не менее, без личных наблюдений оценка его исследований была бы неполной.

Он кивнул, что понял меня. Были однако проблемы, во-первых, приближалась пенсия и в его планах осталось лишь два путешествия. Причем, в места столь экзотические, что он беспокоился за меня, смогу ли я их выдержать, особенно в первый раз.

Что он не сказал, но о чем точно подумал, так это то, что он не мог знать, какого рода оценку я вынесу его исследованиям и насколько предвзято я к ним отнесусь. Говоря на языке азартных игр, мое приглашение было чрезвычайно рискованной игрой с высокими ставками.

Он не дал согласия, но и не сказал “нет”.

В последующие месяцы, пока я ожидал от Стивенсона приглашения или отказа, я наткнулся на свежую книгу “Реинкарнация: критический анализ” профессора философии *Новой школы социальных исследований* из Нью-Йорка Пола Эдвардса. Наконец-то, это была первая публичная работа посвященная исследованию Стивенсона. И так вышло, что вся книга была посвящена развенчанию его работы от “А” до “Я”. Вот что писал автор во вступлении:

В этой книге автор наиболее часто подвергает критике профессора Йена Стивенсона из университета Вирджинии. Пресекая возможные инсинуации, отмечу, что в этой критике нет ничего личного. Я не знаком с профессором Стивенсоном и никогда не встречался с ним. Лишь изредка, я запрашивал разрешения на публикацию отрывков из его работ и всегда получал учтивые разрешения. Никто, кроме него не написал про реинкарнацию более разумно и обстоятельно и это единственная причина, по которой я уделяю ему так много своей критики.

Эдвард оказал мне большую услугу, собрав и обработав энциклопедический список возражений против реинкарнации. Тем не менее, несмотря на титанический объем работы, сквозь нее проглядывали явные предубеждения. Так, например, он описывает ставший знаменитым в 1950-х случай с Вирджинией Тай, когда находясь под гипнозом, Вирджиния рассказала, что она ирландка по имени Брайди Мэрфи и поведала много деталей ирландского быта 19 века, однако позднее, Вирджиния отказалась от своих воспоминаний, выразив сомнения в их достоверности. Отмечая это отречение, Эдвард, совершенно беспочвенно утверждает следующее:

Вирджиния здесь выглядит весьма здравомысляще, подобно большинству простых американцев, разительно отличаясь от безумных или полубезумных поклонников оккультизма.

Сама возможность реинкарнации должна быть отринута лишь потому, что это понятие “нелепо”: “Поклонники реинкарнации подвержены абсурдной идее существования астрального или спиритического тела, и, что еще более абсурдно, верят в то, что это “тело” вторгается в материнскую

утробу в момент зачатия или спустя некоторое время.

С его стороны это то самое “априори” отрицание, о котором говорил Стефан Броуди, нетрудно представить, как бы он отреагировал на его же слова *“жизнь после смерти своего рода факт, как бы сильно это не расшатывало наши обычные представления о реальности”*.

После всего, что он написал, это означало стать безумным. Или полубезумным...

Тем не менее, даже эта степень предвзятости не делала его книгу бесполезной. Он высветил один факт, на который я раньше не обращал внимания - существовали работы, удивительно схожие с исследованиями Стивенсона, в которых, удивительным образом, авторы приходили к таким же выводам. А что еще интереснее - финансировались эти исследования самим Стивенсоном.

В общем, пишет Эдвард, случаи Стивенсона хорошо выглядят лишь в целом, обнаруживая “неустранимые недостатки” при ближайшем рассмотрении и цитирует бывшего коллегу Стивенсона, критикующего его за наводящие вопросы, поверхностные расследования, “непогрешимость” допрашиваемых свидетелей и приукрашивание выводов.

Свои же выводы он изложил весьма лаконично:

Что более вероятно - что существуют астральные тела, которые вторгаются в тела будущих мам, а также, что дети могут помнить события, из жизни других людей, которые уже умерли? Либо, все-таки то, что дети Стивенсона, их родители, свидетели и прочие информаторы намеренно или ненамеренно не говорят правду: они или лгут или их память и внимательность ненадежны, что и подводит их к ложным заявлениям и недостоверной идентификации.

Намерения Эдварда были очевидны, сделать так, чтобы любые доказательства Стивенсона в пользу реинкарнации выглядели абсурдными. Однако, я заострил внимание на противоположном: что если эти доказательства не были продуктом лжи или ненадежной памяти, что если все участники были честны и предельно точны в своих свидетельствах - разве это не было полностью правдоподобным доказательством?

Эдвард и сам пытается выбраться из этого допущения спустя несколько

страниц, где он пишет: “Стивенсон без сомнения будет утверждать, что он и его коллеги совершенствуют свою методологию. Быть может, но все-же недостаточно. Будь это так, в основе его работы лежал бы другой базис, то что я называю «грозная презумпция против реинкарнации»”.

Но, что Эдвард действительно хочет нам сказать, так это следующее: поскольку некоторые проблемы не находят общепринятого понимания, то очевидно они ложны и недостойны рассмотрения.

Это позиция догмы, не науки.

Неужели предубеждение против реинкарнации может быть так велико, удивлялся я, что не стоит усилий кого-нибудь независимого от Стивенсона? Какого-нибудь здравомыслящего скептика, пожелавшего для себя разобраться с вопросом. Я не имел ни малейшего представления о том, выдержат ли случаи Стивенсона тщательную проверку “под микроскопом”. Но учитывая то, что на кону была ставка жизнь после смерти - стоило хотя бы попытаться.

Часть 2

Бейрут - дети войны

Книга Даниеля

Ливан. Разве это было не то, что сказал Стивенсон в январе? Он планировал поездку в Ливан. Осенью.

Я смутно вспомнил свое недоумение, после того как услышал об этом в первый раз, подумав, что вероятно неправильно расслышал. Последний раз, когда я слышал о Бейруте, столице Ливана, этом трагическом уголке мира, он был синонимом слова *ад на земле* - тотальная гражданская война, в которой воевали все без исключения. Убийства, похищения, казни, неизбирательные обстрелы жилых кварталов, заминированные автомобили, террористы-смертники... Ливан был местом, из которого в ужасе бежали даже американские морские пехотинцы и солдаты израильской армии.

Тогда в январе, перспектива сопровождать Стивенсона выглядела туманной абстракцией. Сейчас, за столом регистрации, все было предельно конкретным: передо мной журнал записей, передо мной ручка. Моя рука выводит подпись в нижней строке.

Он правда говорил *Ливан*?

Я вспомнил электронное письмо Стивенсона, который он прислал мне за несколько месяцев. Там было следующее: "Я планирую две поездки в ближайшие месяцы - осенью в Ливан, а в начале следующего года в Индию."

Я открыл Интернет и зашел на страницу Государственного Департамента, посвященную рекомендациям в путешествиях. О Ливане там было написано следующее:

Американский Госдепартамент предупреждает всех американских граждан об опасности поездок в Ливан. У вас должны быть крайне убедительные основания, если вы все-таки решитесь на поездку. Американцы много раз становились жертвами террористических актов в Ливане. Организаторы этих терактов не пойманы и по-прежнему находятся в Ливане, сохраняя возможность повторить свои деяния. Ограниченный персонал американского посольства и небезопасные территории ограничивают перемещения официальных лиц по территории Ливана. Американское посольство в Бейруте не оказывает

консульских услуг и не в состоянии оказывать поддержку американским гражданам, путешествующим по Ливану. Также, работники американского посольства не работают с международным аэропортом Бейрута в силу его небезопасности для пассажиров. Разрешение на поездку в паспорте не должно быть истолковано таким образом, что Госдепартамент считает путешествие безопасным.

Я вспомнил, как в нашей весенней беседе Стивенсон посмеивался от моих вопросов - сталкивался ли он с “бандитами и разбойниками” за годы своих путешествий. Приближалась дата вылета, но несмотря на события происходящие вокруг Стивенсон и бровью не повел. А происходило многое. В Иерусалиме, всего лишь в 150 милях к югу, жестокие акты терроризма и насилия превратили Израильско-Палестинский мирный процесс в марш смерти. В Ираке, всего лишь в 200 милях восточнее, Саддам Хуссейн готовился выслать из страны американский состав международной комиссии ООН, который утверждал о наличии в стране биологического и химического оружия массового поражения. Ответный удар американцев мог произойти в любое время. И кто знает что случится потом?

Но, по крайней мере, на данный момент, Ливан был в стороне от крупных проблем и Стивенсон, чей календарь был расписан по дням, не собирался откладывать эту поездку: он не был в Ливане 16 лет, гражданская война и последующая разруха прервали его исследования. И мне нужно было знать, почему он так стремится вернуться туда.

Из своих путешествий Стивенсон обрел друзей и группу поддержки в Бейруте, для которых нынешние трудности были не более чем пятном на экране монитора. Главной среди них была женщина, Мадж Абу-Издедин, работающая как переводчик и научный сотрудник. Имя, как я выяснил, было гораздо более трудным для произношения, чем это казалось. Фишка была в том, чтобы произнести три слога *Ма-Дже-Ду*, как один *Мадж*. Стивенсон был знаком с Мадж более 20 лет, с тех пор как один профессор из Американского Университета в Бейруте поручился за нее и порекомендовал как способную студентку. После того, как война прервала исследования Стивенсона, она осталась в Бейруте, прячась от бомбежек в подвалах и наблюдая как город превращается в руины. В 1985 она наконец выехала в Америку и основалась в Шарлоттсвилле, недалеко от Стивенсона, выращивая овощи для магазинов и ресторанов. Но, прошлым летом, они вернулись в Ливан, ее муж Файсал

специалист-садовод занял пост в Ливанском министерстве окружающей среды, а их десятилетний сын променял знакомую ему полупровинциальную жизнь Вирджинии на неопределенность многоэтажек Бейрута.

То, что Мадж была в Бейруте стало для Стивенсона подарком судьбы. Она знала все вокруг и была абсолютно бесстрашной. Она и ее муж Файсал были из очень известной семьи общины друзов. Друзы исповедуют *друзизм* разновидность шиитского направления ислама, хотя считают свою религию совершенно отличающейся. Поколениями, их верования оставались труднодоступными, но одно из отличий между друзами и традиционными мусульманами заключалось в том, что друзы верили в реинкарнацию: верование, которое подкреплялось тем, что множество детей друзов вспоминали свои прошлые жизни.

Я встретил Стивенсона в Париже, в зале вылета аэропорта Шарля де Голля. Посадка на наш рейс уже началась. Стивенсон летел бизнес-классом, я эконом-классом, тем не менее, он меня ожидал, высокий и представительный. В одной руке он держал портфель с латунной замком-защелкой; пальто было перекинуто через другую. Седые волосы были слегка взъерошены, как и во время нашей встречи в Шарлоттсвиле, а плечи чуть согнуты, как будто предстояло пройти через низкие двери. Мы едва успели пожать друг другу руки, прежде чем разошлись по разным салонам.

Я снова подумал, нет ли у него задних мыслей, не думает ли он, что поторопился, пригласив журналиста, которого едва знает, для совместной работы? Я надеялся, что это был не безрассудный поступок, а вполне ответственное решение, вынесенное исходя из полной уверенности в том, что исследование достойно выдержит скептическую оценку.

Самолет был полон на три четверти, борт предоставлял отличное обслуживание и питание. Моими соседями были, в основном, ливанцы, международные бизнесмены в итальянских костюмах и их женщины, в дизайнерских платьях, сверкающих драгоценностями. Это было мое первое знакомство с возрождающимся Ливаном - страной, столицу которого до войны называли Парижем Ближнего Востока, и сейчас она торопилась вернуть себе это звание.

Ночь стояла над Средиземным морем и наконец мы увидели мерцающую сеть городских огней Бейрута. Сеть была большой, но, что странно, с темными пустотами. Я не мог понять что это, пока не наступил рассвет: оказывается, это

были разрушенные кварталы либо уже расчищенные участки под реконструкцию.

На земле высился стальной каркас нового здания аэропорта, сразу позади повывавшего ужасы войны серовато-коричневого терминала. Еще до того, как я познакомился с Мадж воочию, она с мелодичным акцентом успела мне сообщить по междугороднему телефону: “Аэропорт очень плох, ужасен. Это все из-за строительства.”

Также, к чрезвычайной озабоченности моего турагента, она сообщила, что нет нужды заранее беспокоиться о Ливанской визе, так как я смогу легко получить ее по прибытии. И точно: заплатив 17 долларов, мы побродили по основному терминалу и через 10 минут у нас уже стоял штамп в паспорте.

Махмуд, водитель Мадж, стоял в густой толпе за дверями терминала. Его толстое, округлое брюхо едва не разрывало короткую рубашку с расстегнутым воротом и выступающей из под нее майкой. Лицо было полноватым и располагающим, черные усы и густые брови оттеняли седые волосы. Он не видел Стивенсона два десятилетия и сейчас был искренне рад встрече.

Махмуд реквизировал у нас багажную тележку и повел нас через толпу к черному мерседесу. С заднего сиденья появилась Мадж, маленькая симпатичная женщина с резкими чертами лица и короткими черными волосами. Она обнялась со Стивенсоном, а мне пожала руку.

Багаж загружен, Стивенсон неловко засунул свое долговязое туловище на заднее сиденье, я разместился на переднем. Махмуд (Мадж произнесла его имя как нечто среднее между выговором южан “My mood” и немецким “mach mood”) вырулил через ворота, кивнув головой охранникам, стараясь смотреть им прямо в глаза и мы направились к центральной площади Бейрута.

Пролистав свои заметки Мадж услышала вопрос Стивенсона, как идет ее обустройство на новом месте. “Это довольно трудно уехать из (она хотела сказать “цивилизованной”, но поправилась) благополучной страны, в неблагополучную. Все эти годы война меняла людей, это самое худшее”.

Затем, быстро сменив тему разговора, она оживленно сказала: “Хорошие новости. Все те, кого вы хотели видеть 16 лет назад все еще живы и проживают там же. И все они будут рады видеть вас, разве это не чудо?”

Стивенсон преследовал несколько целей в своей поездке. Он хотел посетить тех людей, о которых он узнал ранее, но не успел задокументировать.

Также, он искал и новые случаи, в которых испытуемые были бы еще детьми, но не для себя, а для исландского психолога по имени Эрлендур Харальдсон, который тестировал детей Стивенсона в Шри-Ланке и хотел

расширить поле деятельности до Ливана. И наконец, Стивенсон хотел еще раз навестить тех людей, с которыми он встречался 30 лет назад, чтобы кое-что добавить к своему пониманию их воспоминаний, а также выяснить, как некоторые особенности их поведения повлияли на жизнь, прожитую за это время.

Я думаю, что на самом деле, он просто хотел сказать “прощай” им. Множество раз до этого он клялся, что это было его последнее путешествие. В этот раз я почему-то верил, что это было действительно так.

Автомобиль повернул и стал взбираться в гору. Из окружающей пустоты внезапно вынырнула и устремилась в небо высокая, узкая башня.

- Это то, что раньше было центром города, - сказала Мадж, - война здесь все разрушила.
- А это здание новое? - Стивенсон показал на одинокий небоскреб, стоящий прямо по ходу движения.
- Нет, это было самое высокое городское здание до войны. Ожидалось, что его можно восстановить, но нет. Оно повреждено слишком сильно. - Мадж поморщилась, а когда мы поравнялись с ним, добавила. - Во время войны снайперы стреляли с верхних этажей, здесь было очень, очень опасно.

Мы выехали с пустыря и попали в паутину узких, забитых гудящими автомобилями улиц, с множеством зарешеченных витрин. Кавальер Отель располагался в конце узкой улочки, напротив разбомбленного здания, частично загораживающего проход в Ру-Хамра, один из главных торговых кварталов Западного Бейрута. Гостиничное фойе было маленькое и неказистое, диван и два мягких кресла вокруг кофейного столика между административной стойкой и лифтом. Стивенсон, как я понял, был не из тех, кто тяготится от смены часовых поясов и пр. Было далеко за полночь, но он выглядел на ура. Мы договорились встретиться в фойе в 8-30 утра и разошлись.

Я появился в назначенное время. Стивенсон уже сидел в кресле и просматривал толстую папку с документами. Мадж еще не было. “То, что она ездит на Мерседесе - это хороший знак, - заметил Стивенсон. - Когда я был здесь раньше, она оставляла Мерседес дома и передвигалась на маленькой, старой развалюхе, потому что солдаты на блок-постах забирали те машины, которые им нравились. Хозяину везло, если он оставался жив, потому что сильно невезучие владельцы пропадали навсегда”.

Одно из дел, к которому Стивенсон хотел снова обратиться, был случай Даниеля Джирди, который вспоминал жизнь Рашида Хаддижа, механика, погибшего в автокатастрофе в возрасте 25 лет. Стивенсон и Мадж брали интервью у Даниеля 18 лет назад, когда тому было 9 лет.

Прочитав описание дела, я был удовлетворен: в нем было множество деталей, которые, если рассматривать их под микроскопом, должны были оказаться весьма впечатляющими. Для начала, и это общая особенность всех дел Стивенсона, воспоминания Даниеля были совершенно обычны, практически рутинны: никому не известный, одинокий, неженатый, бездетный мужчина погибает в обычной аварии - не самый популярный предмет для подростковых фантазий. Что важно, обе семьи отрицают то, что как-то связаны друг с другом. Если это правда, тогда действительно трудно объяснить, как ребенок способен воспроизвести такие точные подробности жизни незнакомца, жившего в другой общине и умершего за год до его рождения. Более того, Даниель начал рассказывать об этом, как только начал говорить и это исключало почти любое мошенничество. Все меняется, по мере того, как дети взрослеют, набираются новых слов, входят в контакт со все расширяющимся миром. Я сам отец и могу засвидетельствовать, что уже к 5-летнему возрасту, дети набираются самой разнообразной информации и потом выдают такие перлы, что родители недоумевают: “Как они могли такое выдумать?”

Но поверить в то, что ребенок мог выучить и повторить сложную и точную биографию в том возрасте, когда его сверстники учат названия цветов, было по меньшей мере абсурдно.

Дело Даниеля, однако, имело одно слабое место, свойственное практически всем остальным случаям профессора: две семьи могли встретиться друг с другом до того, как их опрашивал Стивенсон. Он не присутствовал на той первой встрече и не анализировал реакцию ребенка, когда тот рассказывал про свою предыдущую жизнь. В этом случае, было невозможно проверить эти свидетельства и приходилось полагаться на отчеты свидетелей и их честность.

Одно дело читать оценки Стивенсона, насколько бы они не были здоровыми и тщательными. И совсем иное - оценивать все самому, наблюдать за окружающими обстоятельствами и всеми присутствующими, слушать их интонации, наблюдать за реакцией на лицах и др. факторами.

Когда приехала Мадж, они сели со Стивенсоном в холле, обсудить детали поездки, а я, тем временем, пробежался по делу Джирди и наткнулся на стенограмму беседы, которая Мадж вела в 1979, когда мальчику было 9 лет. Она расспрашивала его об обстоятельствах автомобильной аварии, в которую попал Рашид:

Мадж: Сколько вас в машине?

Даниель: Шестеро.

Мадж: Кто ведет?

Даниель: Ибрагим.

Мадж: Он старше чем ты?

Даниель: Да, на 4 года.

Мадж: Ты встречаешь его теперь?

Даниель: Нет, а если увижу - убью.

Мадж: Как дела в школе?

Даниель: Хорошо. Я отличник по математике.

Мадж: В какой компании ты работал?

Даниель: Датсун? Нет, Фиат!

Мадж: Где ты работал?

Даниель: В Бейруте.

Мадж: Как произошла авария?

Даниель: Пока мы были в машине, мимо проехала другая и ее водитель обругал нас, Ибрагим развернул машину и хотел его преследовать, но автомобиль занесло и мы врезались. Потом, они подняли моего друга, который сидел рядом, а меня оставили. Все, кто был в машине, были найдены снаружи и еще я помню, что падал с балкона. Это все что я помню.

Я перечитал запись несколько раз. Я был в восторге и попытался разобраться в его причинах. Для начала, в книгах Стивенсона этих бесед не было, только упоминания о них и я впервые воочию увидел, как мальчик подробно, отвечая на вопрос за вопросом, ведет разговор от имени умершего человека. Мне понравилась та невозмутимость, с которой идет разговор, как в

случае с автомобильной аварией, так и когда мальчик рассказывает о своих успехах уже в этой жизни.

Также я заметил несколько расхождений между свидетельствами Даниеля и других источников. Так, например, мать Рашида, сказала, что людей в машине было четверо, а не шестеро. Когда его спросили, где он работал, он сперва сказал Датсун, а затем быстро исправился, это походило на ошибку школьника, зазубрившего текст и наводило на подозрения. Его падение с балкона вообще было нигде не зафиксировано.

Меня предупреждали, что в ноябре в Бейруте бывает довольно холодно, но когда мы вышли к нашему мерседесу было тепло и солнечно. Мы сели в машину. Я спросил у Стивенсона про балкон. Он ответил, что в то время, когда они брали это интервью, он не преследовал целей глубоко углубляться и искать какие-то нестыковки, потому что к этому моменту, семьи были уже давно знакомы и у них даже сложились определенные отношения. В связи с этим, Даниэль мог много раз слышать и потом повторять все подробности, которые члены семейств много раз обсуждали в своих дискуссиях. Все подобные заявления Стивенсон полагал испорченными, он отдавал высший приоритет тем детским свидетельствам, которые подтверждались до контакта между семьями. Кроме того, не стоило рассчитывать на безупречность памяти, ведь она часто подводит еще в этой жизни, не говоря уже про то, чтобы сохраниться в следующей.

Изучая дело, я обратил внимание, что согласно записям, основные заявления Даниэля были сделаны им задолго до встречи семейств. Он часто повторял слово “Ибрагим”, ставшее одним из его первых слов. Сначала родители не могли понять, почему он так часто его произносит, но затем, по мере взросления Даниэля, они поняли что в его разуме это как-то связано с авткатастрофой. Когда Даниэлю было 2,5 года, на семейном пикнике кто-то из взрослых пытался сказать Кфармата “Kfarmatta”, (для американского слуха это выглядело как fur-mat-ta), название маленького городка, недалеко от них. Родители Даниэля были весьма удивлены, когда он объявил это звучание неточным и произнес чуть по другому. Когда семейство вернулось домой, отец спросил Даниэля, откуда он знал город. “Я оттуда,” - ответил Даниэль.

Некоторое время спустя, когда Даниэль с матерью были в Бейруте, они проезжали мимо военного пляжа, мальчик закрыл глаза ладонями и стал плакать, всхлипывая: “Я здесь умер.” Еще позднее, он заявил, что был механиком и описал инцидент более подробно, рассказав что вылетел во

время столкновения и разбил себе голову.

Отец Даниэля, будучи городским другом, не очень-то верил во все эти истории с реинкарнацией, но поведение его сына произвело на него впечатление. Они отправили в тот городок своего знакомого, чтобы тот выяснил, есть ли там кто-то, кто подпадает под описания Даниэля; тогда они еще не знали ни имени Рашид, ни фамилии Хадеж. Тем не менее, деталей оказалось достаточно - имя Ибрагим, место аварии и род занятий покойного связали их с семьей покойного Рашида.

В 1979, во время интервью, обе семьи в голос сказали, что Даниэль мгновенно признал сестру Рашида и назвал ее по имени.

Это был впечатляющий отчет. Тем не менее, мне не давали покоя некоторые непоследовательности в нем и я не склонен был так просто отказываться от "упал с балкона". Поэтому, я решил дожать Стивенсона, как только представится такая возможность.

Первый раз я видел Берут в дневном свете. Стоит заметить, что никаких светофоров и скоростных магистралей в городе нет. Городское движение представляет собой массивную перманентную пробку из автомобилей, грузовиков и военных транспортных средств. Кроме того, воздух буквально наэлектризован взаимной водительской ненавистью, возникало ощущение, что каждый из них полагал 9/10 дороги своей личной собственностью.

Беспредел на дорогах сначала отвлекал мой туристический интерес, но как только мы углубились в город, стало ясно, что вокруг повсеместная разруха. Стены домов были побиты осколками и зияли пустыми глазницами окон, здания без крыш, с остатками балконов, торчащих на стальной арматуре, груды щебня и обломков разбросанных по разломанным тротуарам. Но, немного освоившись, я стал замечать движение в этом запустении. Развалины были живы. По улицам, среди мусора и щебенки, сновали по своим делам пешеходы. Лотки и лавки пополняли свои прилавки, суетились и кипели жизнью кафе и ресторанчики, в магазинах шли оживленные споры с покупателями электроники и дорогих игрушек. Снова и снова на глаза попадались здания с разбитыми крышами и открытые в них же роскошные бутики, хозяева которых, по видимому, не особо тревожились о тоннах нависшего над ними бетона.

В какой-то момент, мы застряли в чадящей пробке и мой взгляд привлекло что-то яркое. На углу улицы торговцы устроили импровизированный рынок. Спелые желтые бананы, красные яблоки, выпадающие из плетеных корзин,

зеленые лимоны выстроенные в линию, словно шары для боулинга, переполненные коробки фиников и фиг и здесь же прохожие, привлеченные крикливыми продавцами.

Я кинул взгляд повторно: вся эта аккуратно разложенная продукция странно контрастировала с окружением из груд щебенки, мусорных куч и бетонных развалин. Коробки были разложены на упавшей бетонной плите, бананы были развешаны на ржавой гнутой арматуре, торчащей из обломков. Люди выбирали фрукты, спокойно стоя в пыли и тут же расплачивались. Мы тронулись и эта картина была заслонена другим зданием.

Я продолжал смотреть на развалины. Из щелей, трещин и глубоких расщелин прорастали мох, сорняки, кустарник и даже небольшие деревья. Приглядевшись, в одном из провалов я заметил белье! Шорты, трико, штаны, платья висели в линию и неслышно похлопывали на ветру. На зазубренных обломках балконов зеленели высаженные в горшках растения. Извивались и ныряли в черные провалы электрические кабели. Тут и там, в развалинах я видел проблески электрического света. В одном большом провале, похожим на небольшую пещеру, стоял автомобиль с открытым капотом и согнутый человек над моторным отсеком.

Мне бы хотелось почувствовать что-то типа: круто, жизнь кипит, торговля и человеческий быт утверждаются даже среди этих развалин. Однако, я ощутил печаль. Часть меня хотела поставить здесь надгробье, с надписью “Слишком много” или “Никогда больше”, высеченной на каком-нибудь бетонном обломке. Вместо этого, приходилось смириться с тем фактом, что люди могут сделать свою собственную жизнь хуже, чем она была до этого и продолжать жить дальше, как будто ничего не произошло.

Мерседес спустился к набережной. Там и тут, вокруг разрушенных бомбардировками мечетей стояли строительные леса, выглядевшие так, словно они стоят годами и будут стоять еще столько же. Весь остальной центр города был плоским, словно автостоянка и его необъятная пустота перемежалась огромными котлованами, из которых, может быть, когда-нибудь вырастут новые здания. В это утро не было признаков строительства и я увидел множество древних мраморных колонн, собранных в одном месте - Ионического, Дорического, Коринфского стиля. На окраине этой огромной строительной площадки стояло белое шестиэтажное здание, с расположенной рядом огромной гитарой высотой до 3-го этажа. Найд-Рок Кафе Бейрута. Может быть город, в котором есть запрос на моду в стиле кожаные штаны а-ля Джим Моррисон не так уж и опасен?

Мы покинули центр и направились на юг, к прибрежному шоссе, затем повернули на восток, в горы. Я ожидал изменения пейзажей, но увидел все то же - развалины, стройки и блок-посты ливанских или сирийских военных, с выстроившимися на обочинах танками и бронемашинами. Подъехав к предгорьям, Махмуд ускорился и мы рванули вверх по центральной полосе (если можно считать что на дороге вообще были полосы) мимо нескончаемой колонны тяжелых грузовиков, военных транспортов и легковых автомобилей. В то же время, те, кто ехал навстречу, следовали, судя по всему, той же стратегии и заняв середину дороги отчаянно сигналили перед каждым слепым поворотом, в надежде избежать столкновения. Пустые, неоправданные надежды, казалось мне.

Когда мы поднялись в Кфарматту, картина разрушений стала еще выразительней. Этот город, центр друзской общины Ливана, на протяжении многих лет подвергался интенсивным обстрелам. Бетонные строения и дома из карьерного камня, изуродованные взрывами и пожарами, усеивали крутые склоны, причудливо соседствуя с новыми стройками.

Почти двухчасовая езда по асфальтированной дороге перед самым городком сменилась тряской по грунтовке. Мы ехали вдоль немногочисленных магазинов, расположенных на первых этажах двух и трехэтажных зданий, наполовину разрушенных и посеченных осколками. У подножия холма дорогу преграждала массивная траншея. Что это было - наследие войны или проделки строителей, осталось неизвестным. Махмуд аккуратно объехал яму, едва не цепляя мерседесом пыльные витрины магазина.

В годы войны это место было отмечено массовым убийством друзов христианским ополчением. Насилие совершалось обеими сторонами, но именно друзы пострадали как никто другой. И сейчас, дети рожденные уже после войны, с интересом наблюдали за нашим пыльным мерседесом.

В конце главной улицы дорога свернула направо и снова потянулась в гору. На выезде из деревни, Махмуд опустил окно и окликнул мужчину на обочине, наклонившегося над велосипедом. Мы искали Наджлу Хаддидж, старшую сестру Рашида, но мы никогда не нашли бы ее по имени. "Вы должны знать имя ее отца и тогда вам покажут дом, - объяснила Мадж. - Даже если он умер 40 лет назад, все знают это имя".

Это оказалось правдой. Наим Хаддидж, отец Рашида ушел на войну с Израилем в 1948г. и не вернулся, его семья не знает что с ним случилось. Но как только Мадж упомянула его имя, мужчина развернулся и показал в ту

сторону откуда мы приехали, на здание у выкопанной траншеи.

Дом был из голых бетонных блоков с наружной лестницей. Мадж вышла из машины, осторожно прошла по краю траншеи и надолго исчезла внутри. Наконец она появилась и объявила, что Наджла сейчас в Бейруте, но в доме есть Муна, младшая сестра Рашида.

“Я узнала о новом случае, вот почему меня не было так долго,” - сказала Мадж. Оказалось, что старшая дочь Муны 21-летняя Ульфат, вспоминала о том, что была женщиной, убитой христианскими ополченцами во время гражданской войны.

Стивенсон был разочарован возрастом девушки, но меня эта новость взбодрила. Мой первый день, наша первая встреча и сразу такая удача. Это казалось невероятным, чтобы быть правдой. Мы зашли в дом вслед за Мадж.

Муна, невысокая женщина средних лет, в темной юбке, футболке и в белом платке *мандила* (отличительный религиозный знак у друзов) восторженно приветствовала нас. Я был предупрежден о том, что не следует здороваться с ней за руку, друзская женщина в таком платке не должна касаться чужих мужчин, кроме членов своей семьи.

Мадж объяснила, что это место являлось “летним домом” семьи Хаддидж, здесь они спасались от летней жары и пыли Бейрута. Большие семьи и порядки наследования не делали второй дом признаком богатства в Ливане, в отличии от Америки.

Несмотря на внешнюю разруху, внутреннее убранство было, пусть и скромным, но вполне достаточным: первый этаж был просторным, с высокими 5-метровыми потолками, по краям комнаты на длинных проводах свисали голые электрические лампочки. Из соседней комнаты виднелся телевизор с видеоманитофоном на тумбочке.

Муна пригласила нас присесть на изношенные диваны в передней и исчезла на кухне. Вскоре она вернулась, держа в руках потускневший серебряный поднос с тремя отдельными чашками ананасового напитка и соломинками. Пока мы потягивали напитки, Муна оживленно пересказывала Мадж яркое воспоминание ее дочери о предыдущей жизни; о том, как она была заколота ножом, а потом на ее груди вырезали крест. Она помнила как страдала перед смертью.

Когда Ульфат была ребенком, у нее была сильная фобия ножей. Еще она вспоминала, что у нее был друг-христианин, по имени Ида, и когда ее пытали, она видела его в окне и позвала на помощь, но он не пришел. Когда Муна рассказала это, у нее на глазах показались слезы. В то время, люди часто

бросали друг друга в беде, ради собственной безопасности. Трупы оставались непогребенными, пока христиане не уходили.

Из детских воспоминаний Ульфат ее семья пришла к выводу, что речь идет об убитой девушке, в городке под названием Салина.

“Вам была известна эта семья до этого,” - был мой вопрос. Мадж перевела, Муна отрицательно покачала головой.

Открылась входная дверь и в комнату вошла прекрасная девушка, с длинными, спадающими на плечи темными волосами. Ульфат. Вслед за ней появились два подростка, ее брат с другом, одинаково одетые в джинсы, футболки и бейсболки - типичные американские тинейджеры, только что вернувшиеся из развлекательного центра. На Ульфат была надета черная рубашка с черными джинсами под походные ботинки; серебряные серьги и макияж делали ее необычайно женственной.

Муна объяснила зачем мы здесь и спросила у дочери, не будет ли она против того, что мы зададим ей несколько вопросов.

Ульфат повернулась к нам: “Я не против. Можете спрашивать на английском.”

Это было не то, что я ожидал. Я представлял себе, что мы встретим людей, в деревенских одеждах, домики с земляными полами, в общем типичную деревенскую жизнь с ее обычаями.

Я знал, что некоторые критиковали Стивенсона за использование переводчиков, полагая, что возможны искажения смысла при использовании перевода либо упирая на то, что он мог не уловить смысловой контекст чуждой культуры. Но здесь, я чувствовал себя не более чужим, чем, скажем, в доме моего соседа кубинца, который едва говорил на английском, тогда как его дети слушали на нем “хэви металл”. И вот сейчас, перед нами стоял субъект исследований, у которого был видеомаягнитофон в соседней комнате и предлагал общение на хорошем американском английском.

Ульфат села в кресло напротив своей матери и мы приступили. Она сказала, что учится в колледже в Бейруте и пока не знает, чем займется после его окончания.

Помнит ли она еще предыдущую жизнь?

“Не очень, только имена. Когда я была ребенком, я часто говорила об этом, помнила свое имя и всю семью, дату смерти и ее обстоятельства, но потом все забыла”. Имя она помнила - Игбаль Саид.

- Мне запомнилась одна вещь в тот день, когда я умерла.
- Расскажи нам, что ты помнишь, - попросил я.

- Была ночь. Я куда-то шла. Было опасно идти через долину, но не было другого выбора. Меня заметили четверо вооруженных мужчин и сразу начали стрелять, попали мне в ногу. Я не могла идти от боли, они поймали меня и долго пытали. Нашли драгоценности, которые я прятала вот здесь. - Она показывает на верхнюю часть груди. - Потом они убили меня. С тех пор, я помню это. Помню о той ночи.
- Сколько лет тебе было? - спросил Стивенсон.
- Двадцать три.
- Ты помнишь себя в том возрасте? Или кто-то сказал тебе, сколько лет было Игбал когда она умерла?
- Я помню, что умерла молодой, но мне сказали, что мне было двадцать три.
- Ты ходила в школу в предыдущей жизни?
- Я не помню ничего насчет школы.

Я строчил в блокноте, замороженный. Она была немного сумрачной, но похоже искренней.

- Что ты чувствуешь в связи с этими воспоминаниями, - был мой вопрос.
- Они тревожили меня,- выпалила она и выдержав паузу, продолжила, - когда я была маленькой мне снились сны, что кто-то приходит и убивает меня. Сейчас уже не снятся.

Стивенсон повернулся к Мадж и сказал ей спросить у Муны, знает ли она кого-нибудь в городке Салина, там где убили Игбал. "Нет, - ответила Муна, - это слишком далеко от нас".

"У тебя есть родимые пятна?" - спросил Стивенсон. Это был не праздный вопрос, а один из ключевых, которые всегда были в фокусе его внимания. По его наблюдениям, родовые отметины были связаны с ранами или дефектами предыдущих жизней.

Ульфат отрицательно покачала головой: "Нет".

- Фантомные боли?
- Нет.
- Другие физические трудности?

Я наполовину был уверен, что Ульфат что-то выдумает, чтобы удовлетворить его настойчивость, но она продолжала отрицательно качать головой. "Ничего такого," - заявила она наконец.

"Следующий вопрос для Муны, - объявил Стивенсон. - Были у Ульфат проблемы с тем, чтобы научиться ходить?"

Нет, она пошла в 11 месяцев. Муна продолжала говорить, Мадж

переводила: Муны не было в стране, пока Ульфат была маленькой. О том времени и о том, какие воспоминания были у маленькой Ульфат нужно спрашивать ее сестру Наджлу. Многие из того, что рассказывала нам Муна рассказала ей ее сестра Наджла. В одном из таких инцидентов, Ульфат, будучи еще малышкой, услышала что в деревню приехали христиане. Она прибежала и спряталась за диваном со слезами: “Они пришли убить меня (с этими словами она нарисовала крест на груди), как и раньше”.

Мадж едва поспевала за Муной, но та разошлась и ее уже было не остановить. Она наклонилась к Мадж и стала рассказывать ей истории о реинкарнации: о том, как один друг, вынужден был отказаться от свадьбы, потому что девочка предназначенная ему в жены, оказалась его сестрой в прошлой жизни. А еще, она слышала историю про женщину, чей ребенок внезапно заговорил на неизвестном языке, который никто не понимал. Но, затем, гуляя по улице, они натолкнулись на группу индийцев. Ребенок подбежал к ним и бегло заговорил с ними на хинди.

Но это было у всех на слуху и Муна не могла дать никакой информации о том, как связаться с семьями этих людей. Я решил задать свой вопрос из воспоминаний Даниэля про падение с балкона. Не желая задавать наводящие вопросы, я попросил у Мадж выяснить не было ли у Рашида каких-либо несчастных случаев в детстве. Муна удивилась и разразилась быстрой речью. У нее не было воспоминаний о падении Рашида, но с балкона падала она сама - ей было одиннадцать, она выпала из окна со своей крошечной сестрой на руках. Ее сестра Линда умерла в результате.

Стивенсон выглядел раздосадованным моим вмешательством: “Это был вопрос для Наджлы, она должна была ответить”.

Я был удивлен, неужели он подумал, что я пытаюсь затыкать дыры в истории Даниэля? Он ведь уже сообщил мне, что как доказательство это интервью не подходит. Но я был заинтригован - падение детей с балконов не такое уж частое явление.

Могла ли боль от потери маленькой сестры быть такой сильной, чтобы занять место в воспоминаниях Даниэля? Или же, все-таки, он услышал про это уже после того, как их семьи познакомились, пообщались и органично вплел это в воспоминания об аварии?

Мы перепрыгнули через траншею и заняли места в мерседесе. Махмуд тронулся в горы. До этого, мы ехали на юг вдоль побережья, затем на восток в горы. Сейчас, мы направлялись на северо-запад, обратно к Бейруту, через горы Шуф. Пунктом нашего назначения был Алей, довольно большой город, с

широкой главной улицей, многочисленными каменными зданиями, магазинами, ресторанами и офисами.

По дороге мне было о чем подумать. Во-первых, я был впечатлен Ульфат, ее утонченностью и невозмутимостью. Определенно, она не была в восторге от того, что ей пришлось рассказывать нам свои воспоминания. Я видел печаль на ее лице и слышал звук ее голоса. Ее воспоминания не принесут ей ни статуса, ни известности - ничего особенного среди ее ближайшего окружения. И даже когда Стивенсон спросил ее про фантомные боли, фактически, это было прямым приглашением приукрасить свою историю, она сказала "нет", решительно и без колебаний.

С другой стороны, ужасные подробности ее воспоминаний - спрятанные драгоценности; друг-христианин, который не пришел на помощь; крест, вырезанный на груди были действительной болью и страданиями того времени и места, в котором ей довелось родиться. Можно представить ребенка, живущего в атмосфере окружающего горя и ужаса. Разве не могло быть такого, что часть этого страха и страданий могли осесть внутри нее. Может, она случайно подслушала историю об Игбал и ее убийцах, впечатлившись настолько, что стала видеть их в своих снах.

Ее утверждения поднимали множество вопросов, на которые были сотни разных ответов. Я осознал, как только что стал свидетелем начальной фазы расследования, это был ответ на вопрос - как Стивенсон находит этих людей. Видимо, в горах друзов Ливана это было не так сложно. Фактически, они просто заходят в парадную дверь.

Когда мы уехали от Муны, было около часа дня. Я устал и был голоден, но про обед никто не упоминал. С самого начала нашего путешествия стало очевидным, что Стивенсон не намерен попусту разбрасываться деньгами.

До Алея было 10 миль по прямой, но мы ехали бесконечными зигзагами и приехали только через час. Масштабы здешних разрушений не шли ни в какое сравнение с тем, что мы видели раньше: в руинах лежали целые кварталы, а все, что не было разрушено до основания, разбиралось людьми до фундамента. Я спросил Мадж, она что-то невнятно пробормотала про Нью-Джерси.

- Что-что?
- Нью-Джерси. Американский крейсер стоял у берега и ровнял с землей это место. Поэтому так много разрушений.

Я выразил недоверие, что американский флот бомбил мирные кварталы.

“Христиане ввели американское командование в заблуждение, относительно того, кто здесь находился,” - ответила она.

Удивительно, как многого могут не знать американцы, находясь в комфорте и безопасности по другую сторону океана. Когда я вернулся в Штаты, я спросил у своих коллег, слышали они что-нибудь про американский крейсер у берегов Ливана. Они ответили “нет”. Любопытствуя, я полез в Интернет и нашел такое сообщение на доске объявлений бывших членов команды крейсера:

“Кто помнит 8 февраля 1984? На палубе в тот день не было ни пылинки!”

Ответ был таким: “Да, в тот день мы знатно пофестивалили, скажу тебе!”

Я просмотрел газетные архивы за ту дату и обнаружил следующее:

16-дюймовые орудия крейсера Нью-Джерси и 5-дюймовки эсминца Карон выпустили более 550 снарядов по холмам восточнее Бейрута, заявил пресс-секретарь Пентагона в Вашингтоне. Для военно-морских сил это была крупнейшая операция со времен Вьетнамской войны. Официальные лица США заявили, что обстрел был ответом США дружским повстанцам, которые ранее обстреляли резиденцию американского посла и дворец президента Ирана, с контролируемых Сирией территорий. Сирия в ответ заявила, что в зоне обстрела не было никаких повстанцев и обвинила США в убийстве мирных жителей: “убито множество гражданских - женщин, детей и стариков”.

Но все это я узнаю позже, а пока мы проехали эпицентр разрушений и припарковались у 5-этажного здания с балконами, с видом на извилистую долину, плавно переходящую в равнину Бейрута. 27-летний Даниэль Джирди жил здесь со своими родителями, женой и новорожденной девочкой. Поднявшись по наружной лестнице на самый верхний этаж мы попали на балкон, совместный для несколько квартир. Плотный молодой человек с округлым приятным лицом открыл нам двойную дверь и просиял: “Доктор Стивенсон! - сказал он по английски. - Вы совсем не изменились!”

Он повел нас в большую комнату с витиеватыми креслами и диванами вокруг персидского ковра. Цилиндрический газовый отопитель стоял у дивана, подключенный к газовой магистрали красным шлангом.

Даниэль был одет так, словно пришел на танцы в кантри-бар: черная ковбойская рубашка, вышитые белой ниткой черные джинсы, белые носки с черными кожаными туфлями. На правом виске черных как смоль волос выделялось седое пятно.

В квартире было много комнатных цветов и растений, на стенах висело множество семейных фотографий в рамках. Жена Даниэля, похожая на куклу женщина с огненно-рыжими волосами и фарфоровой кожей (восхитительно красивая на своем свадебном фото на стене), поприветствовала нас по очереди, каждый раз повторяя: “Добро пожаловать в наш дом”.

Даниэль плюхнулся в кресло у двери. Его отец, изысканный и привлекательный седой мужчина с темной кожей, сел в кресло напротив, рядом с женой Даниэля.

Стивенсон щелкнул застежками своего тяжелого портфеля и достал множество папок. Некоторое время он перебирал их, затем нашел нужную и мы приступили.

Сохранились ли воспоминания до сих пор?

“Конечно, - Даниэль пожал плечами. - Много. Все”.

Он рассказал, что по-прежнему навещает свою “другую” семью один или два раза в месяц. (“И мою тоже, - засмеялась его жена. - У меня две свекрови и два свекра”). Мать Даниэля из “прошлой жизни” приходила недавно и принесла подарок для их двухмесячной дочери. Он навещал их здесь в Бейруте даже во время гражданской войны и оставался ночевать в специально приготовленной для него комнате.

Хорошенькое дельце, подумал я. На протяжении всей человеческой истории единственная поддержка, которую человек мог получить, могла прийти лишь из семьи. Чем больше семья - тем лучше. Основным способом расширить

семью считался брак. Однако, друзья нашли другой вариант: семья расширялась, если находились подтверждения детским воспоминаниям о предыдущей жизни.

Это не означало обязательной фальсификации, но по крайней мере, здесь присутствовал реальный смысл, участники этого действия могли сознательно или бессознательно вовлекаться в него.

С другой стороны, это же означало, что семьи всего Ливана знали цену этим детским воспоминаниям и имели достаточно причин, чтобы относиться к ним настороженно, но тем не менее, некоторые из них все равно безоговорочно вступали в пожизненные межсемейные отношения.

Был момент тишины, когда Стивенсон листал свои папки. Он остановился на одной из них, где описывались показания информатора, что Даниэль в детстве боялся гоночных автомобилей. Предположительно, это можно было связать со смертью Рашида в мчащейся машине.

Много раз у Стивенсона дети демонстрировали страхи, которые тем или иным образом можно было связать с их воспоминаниями. Стивенсон был заинтригован этим. Это же, кстати, объясняло его скептицизм в отношении регрессивного гипноза, якобы “переживая” под гипнозом травмы прошлой жизни, человек освобождается от страхов в этой.

“Большинство детей, которых я изучал, очень детализированно воспроизводят прошлые травмы, - сказал он мне. - Однако же, их страхи никуда не деваются”.

Когда он спросил Даниэля о предполагаемой боязни автомобилей, тот невыразительно ответил: “Я люблю гонки Формулы 1”. Стивенсон выждал паузу и продолжал: “Кто вел машину, когда произошла авария?”

Даниэль взглянул на него с видом выражающим “Ведь это и так все знают”.

“Ибрагим, - сказал он, казалось, улыбаясь своим мыслям, - я встретил его за 5 лет до аварии”.

- Ибрагим?
- Да. Я был в Кфарматте, с Акмудом (двоюродный брат Рашида), хотел побывать на могиле Рашида. Я видел Ибрагима и узнал его. Я сказал Акмуду: “Смотри, это Ибрагим”.
- Что ты чувствовал в этот момент?
- Я был совсем не в восторге от его присутствия.

Стивенсон повернулся ко мне и сообщил: “Раньше Рашид говорил: «Если ты хочешь умереть - езжай с Ибрагимом»”.

“Что ты помнишь об аварии?” - спросил я. Он не стал ждать перевода:

- Это был кабриолет, - ответил он, - я говорил Ибрагиму: “Притормози, не газуй”. А потом бац - я уже лежу на земле.
- Ты говорил, что был на могиле Рашида. Какие ощущения это вызвало? Молчание. Улыбка. “Я полагаю смерть не такая страшная штука”.

Я решаю, что сейчас самое время задать вопрос про падение с балкона, о котором он вспоминал когда ему было девять лет. “Я не имел в виду Рашида (тот умер за полтора года до рождения Даниэля), - сказал Даниэль, - это была другая жизнь”.

“Промежуточная жизнь,” - уточняет Стивенсон. Даниэль извинился и вышел из комнаты, вскоре он вернулся с фотографией молодого человека - Рашида. В полосатом костюме с галстуком, он выглядел настоящей голливудской кинозвездой.

“Когда ты смотришь на это фото, - спросил я, - есть ощущение, что ты смотришь на самого себя?”

“Да, конечно”.

Дальше Даниэль рассказал, что он закончил школу и получил степень Бейрутского университета в области бухгалтерского учета.

И как у него сейчас с автомобилями?

Он засмеялся: “С автомобилями не складывается”.

Когда мы ушли от Даниэля, было темно. Мне казалось, что прошло целых несколько дней, с момента завтрака в отеле. Махмуд рванул автомобиль вниз с горы, а мой мозг, такой же уставший, как и я, занялся борьбой с последним услышанным от Даниэля: тот сказал, что не очень хорош с починкой машин.

Если бы это был действительно случай реинкарнации, то поднимается вопрос, какая часть Рашида вернулась. Даниэль не приобрел ни навыков Рашида, ни его способностей. Его воспоминания были фрагментарны, не более чем осколки после 25 лет жизни.

Но, все-же он смотрел на фотографию Рашида и говорил “это я”. Он испытывал родственную привязанность к семье Рашида. Он узнал Ибрагима.

Последнее, кстати, было новым обстоятельством, о котором Стивенсон не слышал прежде. Случай произошел 5 лет назад. Там был свидетель - его мы и должны были найти.

Скорость убивает

Листок бумаги находился в картотеке Стивенсона в Шарлотсвилле на протяжении многих лет. Он хранил список действий, которые нужно было сделать, в случае Даниэля. Среди них был один пункт: проверить местные газеты, не публиковался ли отчет об аварии и смерти Рашида. Если бы мы нашли эту архивную заметку, сухие газетные строки которой подтверждали бы воспоминания Даниэля, это добавило бы достоверности эмоционально-окрашенным свидетельствам членов обеих семей.

Сперва, однако, такой архив должен быть найден, а это было совсем непросто. Большинство газет, существовавших в 1968 г., вряд ли пережили последующие десятилетия войны, а те немногие, что сохранили свои архивы - так называемые "морги" - наверняка были повреждены войной, как и большинство городских зданий. Мадж прибыла в отель утром во вторник, с адресом наиболее солидной из сохранившихся - утреннего ежедневника *Le Jour*. Как оказалось, редакция оказалась всего в нескольких кварталах от отеля и мы решили пройтись пешком. Следуя лабиринтом разбитых, а местами и вовсе несуществующих тротуаров, мы подошли к заднему входу невзрачного здания и поднялись на 4-й этаж в крошечном, потрепанном лифте. Архив располагался в небольшой, захлавленной и прокуренной комнате, в которой за столами, заваленными кипами бумаг, сидели двое мужчин и женщина. Мадж объяснила им что мы ищем: отчет об автомобильной аварии 10 июля 1968г. с пострадавшим Рашидом Хаддиджем, около Военного пляжа в Бейруте. Один из мужчин нехотя подошел к картотеке и после нескольких минут копания, вытащил кассету с пленкой, которую вставил в допотопное устройство для просмотра диафильмов. Он быстро пролистал страницы до 11 июля. Слишком быстро, подумал я.

Он повернулся к Мадж и сказал что-то, что впрочем не потребовало перевода. Он говорил, что ничего не найдено. Мадж пространно обратилась к нему, в ее тоне присутствовали нотки выговора. Мужчина пожал плечами и снова пошел к проектору, прокручивая страницы еще быстрее, затем вернулся и отрицательно покачал головой.

"Не думаю, что он действительно искал, - сказала Мадж, когда мы вышли на улицу. - Вы видели, как быстро он прокручивал пленку?"

Она полезла в сумочку за своим сотовым, открыла его и сделала серию звонков. Мы стояли рядом. Я начал нетерпеливо расхаживать, взвешивая ценность этого документа против наших шансов найти его и возможно потраченного времени. Даже если архивы сохранились, с таким хаотичным трафиком как в Бейруте, смертельные аварии могут происходить ежедневно и нет никакой гарантии, что о каждой пишут в газетах. Но Стивенсон не проявлял никакого беспокойства, он стоял слегка сгорбленный, невозмутимый, как ломовая лошадь на привязи и выглядел так, словно время не имеет никакого значения.

“Хорошие новости, - сообщила Мадж, пряча телефон обратно в сумочку. - В Американском университете Бейрута есть микрофильм с выпусками основных газет 1968г., даже тех, которых уже нет сегодня. У меня есть университетское удостоверение, мы сможем пройти”.

Стивенсон решил остаться в отеле, чтобы прочитать некоторые примечания. Махмуд, тем временем, отвез нас в Американский университет, захватывающий дух оазис террас и цветущих садов, спускающихся скалистыми обрывами прямо к морю, тенистых дорожек, огибающих неповрежденные здания с современными компьютерами и галдящими студентами в дизайнерской одежде Palo Alto. Единственным видимым свидетельством войны был массивный строительный проект восстановления старейшего здания университета именно в том самом виде, каким оно было до того как было разрушено бомбой. Проект был близок к завершению - с Мавританскими колоннами, арочными окнами и часовой башней, обретающей форму за решеткой строительных лесов. Невидимой утратой университета был его президент, Малькольм Керр, убитый в 1983г. Как обычно, убийц не нашли. И как обычно, было невозможно понять, какая из группировок стоит за этим: христиане, шииты, израильтяне или палестинцы.

Мы были направлены в отдел микрофильмов, располагавшийся в сверхъестественно чистом зале, с четко пронумерованной картотекой и новенькими проекторами. По сравнению с архивом Le Jour мы, казалось, попали на другую планету. Учтивый человек, с внешностью и акцентом Энтони Хопкинса из фильма “На исходе дня” подвел нас к проектору и удалился. Нам предстояло просмотреть 6 газет. Я прокручивал пленку, пока Мадж читала. Ничего. Газета Аль-Джарида, 11 июля 1968: Вражеские бомбы сожгли детей с их матерями в Египте. Ничего. Я крутил дальше, ситуация становилась безнадежной, вдруг Мадж крикнула: “Останови, я нашла!”

Я остановился. В самом низу страницы было маленькое фото: полиция

сгрудилась вокруг помятого Фиата с разорванной крышей. Мадж перевела: “Смертельная авария в Корнич Аль-Манара. Вчера вблизи Манара-Корнич произошла автомобильная авария со смертельным исходом, - начиналась статья. В ней говорилось, что Ибрагим сидел за рулем, а собственник автомобиля Рашид Наим Хаддидж за ним на пассажирском сиденье. - Ибрагим пытался совершить обгон на высокой скорости, автомобиль занесло и машина несколько раз перевернулась, что привело к смерти Рашида”.

Я не ожидал такого потрясения. Перед нами была газета, изданная за полтора года до рождения Даниэля Джирди и за три года до того, как он начал вспоминать о своей смерти, в которой была типичная заметка об автомобильной аварии, которая почти полностью совпадала с детскими воспоминаниями: пляж, большая скорость, Ибрагим за рулем Фиата, Рашид выпавший из автомобиля. Он говорил все эти подробности.

“Мадж, здесь говорится, что он пытался обогнать другую машину, - возбужденно сказал я. - Это то, что говорил Даниэль”.

Мадж пристально смотрела на экран. “Нет, подожди, - сказала она, - я ошиблась. Перевела слишком быстро. Здесь не идет речь о другой машине. Здесь говорится пытался вписаться в поворот на высокой скорости”.

“Они могли просто не знать о другой машине, - ответил я, - это не значит, что ее там не было. Но есть некоторые подробности, которые противоречат тому, что он нам рассказывал. Он говорил про кабриолет. Здесь не очень четкая фотография, но достаточно четкая, чтобы понять, что автомобиль с крышей. Она почти оторвана, но она есть. И еще, он говорил, что Ибрагим был хозяином машины, а здесь говорится, что это был Рашид”.

“Газета должно быть что-то напутала, - ответила Мадж, - семья Рашида говорила, что у него не было автомобиля”.

Мы сделали копию заметки и поехали обратно в отель. Был почти полдень, когда мы вернулись. Всё утро мы посвятили выполнению лишь одного пункта из целого перечня в одном лишь деле, а ведь таких дел было тысячи. Это может занять целую жизнь, у Стивенсона не было столько времени.

Он поглядел на статью, улыбаясь уголками рта и молча выслушал Мадж.

“Хотелось бы побольше документальных подтверждений, - рассеянно сказал Стивенсон, засовывая копию в свой толстый портфель. - Даже самые лучшие случаи нуждаются в них”. С этими словами, он направился к двери.

У нас была назначена встреча с Хаддиджами, в доме Мунтахи, матери Рашида, в центре Бейрута, недалеко от выровненного, как автостоянка исторического центра.

Пока мы ехали, Мадж и Стивенсон склонились над картой. Наконец, они скомандовали Махмуду прижаться к обочине. Мы вышли из машины и шли полквартала по узкому тротуару. У переулка Мадж остановилась: “Это здесь”.

Нырря через низкий дверной проем кованных железных ворот, мы попали в голый бетонный двор, с рядами пластиковых горшков, зеленевших пророщенным луком, и галереей неполных кувшинов с водой.

Сын Муны и племянник Рашида, которого мы уже встречали в Кфарматте, открыл нам дверь и повел нас вниз в гостиную с голубой подкрашенной местам штукатуркой. Единственными элементами декора здесь были похожие на крышки подарочных коробок картонки, с изображением цветов на темном фоне, висевшие вплотную на стенах. На столе в центре комнаты, окруженном несколькими стульями и двумя продавленными вельветовыми диванами, стояла свадебная фотография Даниэля Джирди в рамке. Сына, которого, как они верили потеряли в аварии и вновь обрели после его перерождения.

Муна встретила нас как старых друзей. Стройный, лысеющий молодой человек, строго одетый во все черное, сел напротив нас на подлокотник кресла. Мадж обменялась с ним приветствиями. Я обрадовался, узнав кто он: это был Акмад, двоюродный брат Рашида, который был с Даниэлем, когда тот опознал Ибрагима на кладбище. Я полагал, что он заговорит с нами, но он молчал. Сын Муны раздал всем апельсиновый сок и первой заговорила Муна. Мадж переводила:

Незадолго до того как погиб Рашид, Мунтаха (мать Рашида) начала вязать свитер. Однажды, после того как они уже начали общаться семьями, Даниэль спросил у нее: “Ты когданибудь закончишь этот свитер для меня?” Мунтаха немедленно нашла этот недовязанный свитер, который она забросила подальше после смерти Рашида, распустила его и перевязала на размер маленького Даниэля.

Как только она закончила рассказывать эту историю, отворилась задняя дверь и в комнату зашла женщина в никабе [женский головной убор с прорезью для глаз]. Мунтаха. Муна взяла ее под локоть и усадила в мягкое кресло.

Затем она продолжала: “Мать, я и моя сестра были здесь, когда прибежала соседка с криком, что Рашид попал в аварию. Мать спросила: «Он жив?» Та не знала. Мы помчались в больницу, но все было кончено”.

Муна взглянула вокруг, на старые стены, пол из черно-белой плитки, изношенный ковер: “Мы были здесь, все вместе в этой комнате,” - сказала она вспоминающим голосом.

Я вспомнил, что Даниэль говорил о том, что ударился головой после того

как вылетел из машины.

“Врачи сказали вам как он был травмирован?” - спросил Стивенсон.

“Нет, - ответила Муна, - он был уже мертв. Мы не спрашивали. Но мы видели его тело, на голове была повязка”.

Через несколько лет после этого семья услышала от знакомого, что Рашид переродился и пошли навестить его. Это было в 1972г. Муна пошла с сестрой и другом. “Даниэль не узнал меня, наверное я сильно изменилась, но он узнал Наджлу и назвал ее по имени”.

“Каким образом ты изменилась?” - спросил я.

Она ответила. Мадж кивнула и наклонилась ко мне: “Перед тем, как Рашид умер, она не была такой религиозной. Одевалась как я - джинсы, блузки, высокие каблуки. Но, после его смерти, она начала носить платок и длинные платья. Она думает, что Даниэль не узнал ее в этой одежде.”

“Семья Джирдис знала, что вы придете?” - продолжал я.

“Нет, мы не договаривались. Мы их не знали. Нам просто показали где они живут. Даниэль был очень счастлив, когда нас увидел. Он сказал своей матери: “Принеси бананы и сделай кофе, это моя семья”. Мы были поражены. Рашид любил бананы так сильно, что мать и Наджла перестали их есть после его смерти, потому что они напоминали о нем”.

Снаружи внезапно громыхнул гром и большие капли дождя забарабанили по стеклам.

Ахмад, который учтиво сидел все это время, прокашлялся и заговорил: он был бы рад присутствовать, но ему вскоре нужно было уходить. Он служил в армии и должен был быть на службе. Поэтому, мы обратили на него свое внимание, решив выслушать его версию встречи Ибрагима и Даниэля. Даниэль говорил, что видел Ибрагима на пути к могиле Рашида, в то время как Ахмад сказал, что Даниэль интересовался, где живет Ибрагим. Кладбище было рядом, но Ахмад не помнит, чтобы Даниэль упоминал о нем. “Мы прошли несколько кварталов от дома, когда я увидел Ибрагима, копающегося в моторе. Я не сказал ничего. Я хотел проверить Даниэля”.

Но Даниэль немедленно сообщил: “Это Ибрагим.” Ахмад, продолжая хитрить, сказал, что Даниэль ошибся и это не Ибрагим, но Даниэль настаивал, что это был он. Ибрагим пригласил их в дом, не догадываясь о Даниэле.

“Я не представил их. Когда Даниэль спросил Ибрагима, помнит ли тот, что случилось с ним в 1968г. Тот сказал, “нет”, но потом вспомнил: «Да, точно, помню была авария и погиб мой двоюродный брат». Тогда Даниэль сказал: «Я твой двоюродный брат». Ибрагим был ошеломлен и плакал 15 минут. Он

слышал про Даниэля, но никогда не видел его”.

“Ибрагим уехал после аварии. Полиция, ничего не расследовала,” - сказала Муна, делая кислое лицо и вытирая об платье руки, как будто запачкала их.

Спустя некоторое время после аварии к ним приходил полицейский, неофициально, как друг семьи. Он признался кое в чем: он и его напарник видели этот Фиат, несущийся с нарушением скоростного режима и он сказал напарнику: “Давай догоним их, - но тот ответил: «Не надо. Дай им умереть»”.

Длительное время Мунтаха не разговаривала с Ибрагимом. До этого, она неоднократно говорила ему: “Не гоняй, Рашид мой единственный сын”. Она смогла изредка видеть его только во время войны, когда обе семьи бежали из Бейрута в горы.

Я вспомнил несоответствие воспоминаний Даниэля и газетной информации: “Это был автомобиль Рашида?”

“Это была машина Ибрагима, - ответила Муна, - у Рашида не было автомобиля”.

Оказавшись на улице, мы столпились под навесом, стараясь не намочнуть. Махмуд, стоявший там же, где мы вышли, завел машину и поехал к нам.

“Муна сообщила мне кое-что интересное, когда мы уходили, - сказала Мадж, - он обручился за 5 дней до аварии”.

Сплошные странности, подумал я. Даниэль многое помнит о жизни Рашида, но не помнит что был обручен. В очередной раз, я был поражен кусочной природой этих воспоминаний о прошлых жизнях. Это было похоже на плохую копию - видны были слова, иногда даже фразы, но невозможно было понять смысл всего текста.

Это заставило меня вспомнить ответ Стивенсона за обедом, когда на мой вопрос, почему в абсолютном выражении воспоминания о прошедших жизнях были весьма редкими, даже среди друзей.

“Может быть воспоминания это дефект, - сказал он. - Может быть мы должны забывать, но иногда что-то сбоят и часть воспоминаний остается”.

Возвращаясь в Алей следующим утром мы проехали вдоль набережной и уперлись в пробку. Дорога Бейрут-Дамаск была закрыта перед парадом Независимости Ливана. До парада было еще три дня, но бесконечное количество танков, бронемашин, артиллерии, пожарных автомобилей и даже машин скорой помощи, выстроились вдоль маршрута прохождения. Техника была совсем не блестящая, а покрыта густыми слоями грязи и пыли, как будто только что вернулась из битвы.

Мы торчали в пробке почти полтора часа, прежде чем Махмуду удалось найти лазейку и выехать на объездную дорогу. Двумя часами позже мы снова стояли у квартиры Даниэля на 4-м этаже. На северо-западе в дымке скрывался полуостров Бейрута, своим острием с видом указывающим прямо на Европу. Мы пришли увидеть Латифу, мать Даниэля, но ее не оказалось дома, поэтому мы решили расспросить Даниэля. Стивенсон хотел уточнить некоторые подробности ранее рассказанных историй: что Даниэль говорил в детстве, что было во время первой встречи с Хаддижами.

После возвращения Латифы и короткого обмена любезностями, состоялась небольшая дискуссия.

“Она говорит, что в США сейчас много друзей,” - перевела Мадж.

“Это правда, - согласился Стивенсон, - может быть, нам нужно поискать и там. Мы могли бы оставить уведомление в *Информационном бюллетене друзей*. Когда Мадж перевела это на арабский, Латифа заметила: “Они не знают об этих вещах. Их дети в детских садах и они не слышат историй, которые дети рассказывают”.

“Ну, может и нет,” - ответил Стивенсон, разворачивая карту города и намереваясь двигаться дальше. Он попросил Латифу указать на карте место где Наджла и Муна первый раз встретились с Даниэлем. Она показала на точку всего в двух километрах от дома Хаддижей. После той встречи Латифа взяла Даниэля и пошла к матери Рашида.

“Та часть города была нам незнакома, - сказала Латифа. - Мы припарковали машину на главной улице и остаток пути Даниэль вел нас”.

Они не спрашивали дорогу у Муны или Наджлы, так как думали, что у них только один дом в Кфарматте. О том, что есть дом в Бейруте, они узнали от соседей в Алее, которые, так вышло, знали и Хаддижей тоже.

Я взглянул на Стивенсона, интересно, он думал о том же, что и я? Наиболее убедительны его дела были тогда, когда семьи не имели контактов перед тем, как ребенок начинал вспоминать. Если семьи не встречались и не имели общих друзей, то наиболее вероятные объяснения детским воспоминаниям исключались. Дело Даниэля попадало в эту категорию, однако теперь, условия было нарушено - потенциально, между ними существовала связь.

Латифа, которая уловила наши сомнения, попыталась их развеять. Сосед был знаком с ее матерью, но никогда не посещал ее дома.

“Он снимал квартиру рядом с ее домом, здесь в Алей. Но я уверен, что Даниэль никогда не видел их до того, как начал вспоминать, потому что мы

были в Бейруте в это время”.

- Даниэль когда-нибудь ходил к своей бабушке в Алей, когда он был маленьким? - спросил я.
- Да, но я была с ним и он никогда не видел соседей.

Даже если это правда, подумал я, вода все равно была мутная. Чистота эксперимента была под сомнением. Легко представить как это могло произойти: Знакомые Хаддижей незадолго до рождения Даниэля рассказали его бабушке историю о том, как в Бейруте случилась авария. Затем, когда Даниэль находится у бабушки в гостях, он играет, представляя, что едет на машине, так как это делают почти все его сверстники. Бабушка видит это и говорит, что надеется он будет водить безопасно когда вырастет, потому что она не хочет потерять его, как потеряла своего сына ее знакомая соседка. Она легко могла забыть сказанное, в отличии от Даниэля.

Но, опять же, вряд-ли такое извилистое и запутанное объяснение имеет место. Практически невероятно, чтобы двухлетний ребенок оказался в состоянии запомнить такое количество деталей - имя водителя машины, что автомобиль потерял управление в результате превышения скорости, что авария произошла около воды, вблизи пляжа, что мать Рашида вязала ему свитер. И уж точно, ни одна бабушкина история не сможет объяснить то, что Даниэль узнал дорогу к дому Хаддижей, узнал Наджлу, Ибрагима и др.

Стивенсон продолжил допытываться о первых признаках необычности Даниэля. Латифа сообщила, что она припоминает шишку, размером с небольшой лимон прямо на голове новорожденного Даниэля, в том месте где была травма у Рашида. В то время, мы были серьезно обеспокоены этим и повезли его к доктору. Доктор сказал, чтобы мы не беспокоились, это шишка вызвана сдавливанием в результате долгих схваток. И действительно, через три месяца шишка рассосалась.

“Я бы не хотел принимать шишку, в качестве доказательства,- сказал Стивенсон вполголоса, - гематома в результате долгих схваток достаточно разумное объяснение”.

Когда Даниэлю было два годика, сказала Латифа, он сказал: “Я хочу домой.” Еще через несколько месяцев он сообщил: “Это не мой дом. Ты не моя мама. И папы у меня нет, потому что он умер.”

“Он никогда не называл Юсуфа папой, - добавила она, - он всегда называл его по имени и говорил: «Мой папа - Наим»”.

- Что он говорил про аварию? - спросил я.
- Он говорил, что сидел дома и ел *лубию* [бобовый соус], когда зашел

Ибрагим и предложил съездить искупаться. Говорил, что Ибрагим ехал очень быстро. Он сказал ему притормозить и сбавить ход, но Ибрагим не слушал его, а потом потерял управление. Он говорил: “Я вылетел из машины и ударился головой.” Потом, он слышал как люди вокруг говорят, что нужно убрать пострадавших, а когда они подошли к нему, он услышал как они сказали: “Оставьте этого, он мертв”.

Позже, когда Даниэль стал старше и ходил в семью Рашида, было вот что. Двоюродный брат Рашида иногда навещал свою бабушку по соседству с ними. Его звали Джихад, он и Рашид любили вместе охотиться. Даниэль никогда не видел его до этого.

В один из дней, Джихад стоял на третьем этаже с другими людьми и смотрел вниз, ожидая, когда Даниэль выйдет играть. Когда он вышел, один из присутствовавших позвал Даниэля, тот поднял голову вверх и произнес: “Джихад, и ты здесь? Ты еще охотишься?”

“Я стояла прямо позади Даниэля, - сказала Латифа, - никто не предупреждал нас, что они затеяли”.

В детском садике, Даниэль постоянно говорил воспитателям, что его зовут Рашид Хаддидж. Однажды, руководство садика звонило ей и выясняло, почему Даниэль так странно себя ведет и ей пришлось выдумать целую историю, лишь бы не рассказывать правду. Видимо, подумал я, даже в Ливане общество не сильно склонно к мистицизму.

В школе Даниэль баловался и однажды, подкравшись к самой красивой учительнице ущипнул ее и отпустил какую-то шутку.

“Меня вызвали в школу и мне пришлось рассказать все, - говорит Латифа, - я рассказала им всю историю”.

Я попытался представить себе каково это быть родителем ребенка, который ведет себя как Даниэль. Как бы я себя чувствовал, если бы один из моих детей со спокойной уверенностью заявил мне, что я не его отец.

“Когда Даниэль отверг тебя, ты чувствовала себя несчастной?” - спросил я.

Латифа обдумывала перевод Мадж перед ответом.

“Она говорит, что не была расстроена, она говорит, что больше была «раздражена». Нет, не «раздражена» - разочарована.

Латифа продолжала: “Когда он сказал эти слова, я начала переубеждать его, говорить: «Я твоя мама». Он ответил: «Моя мама - *шейха* [религиозная женщина, которая носит головной платок]». Я никогда не носила платок, но его носила моя мама и поэтому, она нравилась Даниэлю. Когда ему было 3 года, он указал на нее и сказал: «Моя мама похожа на нее».

Я знала, что он говорит о предыдущей жизни. Я знала, что есть и другие дети, вспоминающие, что они жили раньше, но все равно - это было очень необычно”.

“Вам известно, что мать Рашида говорила с Даниэлем, когда он был маленьким, он поинтересовался насчет недовязанного свитера и она потом перевязала его на Даниэля?”

Латифа засмеялась: “Я хранила этот свитер все эти годы, - сказала она, - но мы были вынуждены все бросить и уехать во время войны, а когда вернулись уже ничего не осталось”.

Латифа сказала, что она регулярно навещала Хаддижей. “Они не имели ничего против, - сказала она, - а я испытывала облегчение от того, что знаю кем был он и его семья. Ради него же”.

Вернувшись в отель, я надел единственную белую рубашку и галстук, которые взял с собой, только потому, что Стивенсон предупредил о возможности праздничных столов, как сегодня: празднование у Мадж в его честь. Рубашка давила мне шею, а пиджак был непростительно измят в чемодане. Стивенсон, напротив, выглядел так, будто он родился в своем темном костюме и не ощущал ни малейшего неудобства.

Мадж жила на верхнем этаже многоэтажки, недалеко от Бейрутского университета. Квартира принадлежала ее родителям, которые были за границей. Мадж, Фейсал и их сын жили здесь, пока шел ремонт их квартиры внизу. Это было неплохое местечко: просторные, богато обставленные комнаты, выходящие на широкий балкон с видом на исторический центр и Средиземное море. Безупречно выдержанная мебель, изысканные картины на стенах и роскошные полы, делали квартиру похожей на резиденцию посла, и возможно, так оно и было: список гостей был представлен бывшими дипломатами, послами и делегатами ООН, министрами и профессорами университета Бейрута.

Больше всего я заинтересовался теми, кто был приглашен, в связи с их интересом к работам Стивенсона. Среди них был христианский психиатр Эли Карам, настойчиво утверждавший, что общественность недостаточно следит за работами Стивенсона в Ливане.

Гости сидели по кругу, как в совете и участвовали в беседе. Эли спросили, почему он, христианин, интересуется делами друзей.

“Человечество может потерять ценную возможность получить доказательства реинкарнации, - объяснил он. - Друзы быстро примут западные

ценности и вольются в светское общество. У нас хватает времени, чтобы доказывать что реинкарнация это миф, но его очень мало чтобы доказать, что она является правдой. Если это правда, люди должны знать”.

Другой христианин, эколог Рикардо Хабре, который работал с мужем Мадж над проектами восстановления окружающей среды, ворчливо заметил: “Я был бы рад уверовать в реинкарнацию, но это не поддается логике. Почему так много случаев среди друзей и нет ни одного среди христиан?”

“Кто знает? - вскинув руки вверх, вскричал Эли. - Может это генетическое?”

Позже, за обедом, я спросил у Стивенсона, что он думает в связи с этой диспропорцией. “Возможно, мы сами определяем себе свое будущее после смерти, - сказал он. - Возможно, наша вера предопределяет нашу судьбу: если ты веришь, что вернешься, это происходит. Если веришь, что просто исчезнешь, так и случается”.

Он пригубил вина, а затем сказал, себе под нос: “Все хотят дел из Айовы. Что же, я покажу им. Они не такие убедительные, но все же существуют”.

После обеда я увидел Рикардо на балконе и вышел к нему.

“Я думал про ваше замечание об отсутствии реинкарнации среди христиан,- сказал я. - Дело в том, если вы верите в то, что сила культурных верований достаточно сильна, чтобы создавать эти массовые заблуждения среди детей, вспоминающих специфические детали жизни умерших людей, разве не должны вы признать и то, что это работает наоборот? Что культурные верования подавляют реальные воспоминания предыдущих жизней до того момента, пока они не становятся фрагментарными и спорадическими?”

Рикардо пренебрежительно махнул: “Реинкарнация не имеет смысла, - сказал он. - Когда я был на всемирной конференции в Кайро, я спросил у одного друга: «Если мы все реинкарнируем из предыдущих жизней, как объяснить взрывной рост населения?»

Знаете, что он мне ответил? Он сказал: «Нет никакого роста населения». Рикардо от души засмеялся: “Представляете, он отрицал рост населения! В общем, это была та точка, в которой я сказал себе: «Достаточно!»”

Любовь ее жизнью

На следующий день выехали в направлении южных предместий Бейрута, петляя по горным серпантинами. В то время как Махмуд уворачивался от встречных грузовиков, я поинтересовался у Мадж как по арабски звучит реинкарнация. Я был уверен, что узнаю это слово, он часто встречалось при переводах: Такамус [takamous].

“Литературно, это значит «сменить рубашку», - сказала Мадж. - Друзья верят, что тело это как одежда для души, а реинкарнация как переодевание в другую одежду. Takamous - это общее название реинкарнации, но когда имеют ввиду кого-то, кто переродился, его называют по другому: натиг [natiq] называют мальчика, натаг [nataq] - девочку. Переводится, как “тот, кто говорит о предыдущем поколении”.

Мне потребовалась, наверное, минута, чтобы вникнуть. Вся концепция реинкарнации не выражалась в абстрактной идее - *души возвращаются в тело*, как это понималось в английском. Вместо этого, о ней говорилось с позиции людей, которые вспоминали и рассказывали как жили в прошлом. И не в каком-то неопределенном прошлом, а именно в прошлом поколении. Поколение назад. Серьезно отличается от традиционного западно-гипно-регрессивного представления о людях, вспоминающих Ватерлоо или Древний Вавилон (Брайан Вейс утверждал, что вспоминал себя вавилонским жрецом, стоящим на вершине зиккурата). И если вы собрались вспомнить свои предыдущие жизни, имейте ввиду, что проверить их будет сложно, а скорее даже невозможно, если речь идет о событиях более чем вековой давности.

Вот что удивляло в этих Ливанских случаях - они были проверяемы. Существовало *ожидание*, что высказанные воспоминания могут и будут проверены друзьями и родственниками погибшего.

Тот факт, что слова несли именно такой смысл, привел нас к неизбежному выводу - феномен детей, вспоминающих предыдущие жизни был общим для поколений.

Конечно, для многих ливанцев эта идея была в новинку, такой же новой, как и для большинства американцев. Статья 1977г. в бейрутском еженедельнике под названием *Monday Morning* дала мне отчетливое представление об отношении светского, секуляризованного общества к подобным случаям.

Статья была озаглавлена «Реинкарнация Сары Мансур», внизу была аннотация: “5-летняя Сузи Ханым заявляет, что она мать троих взрослых детей, а ее дети подтверждают это. Более близкий взгляд на эти странные семейные отношения в нашем выпуске сегодня”.

Хоть здесь и не было множества восклицательных знаков, но их фантомное присутствие ощущалось. Статья была не то, чтобы бульварная, американский читатель увидел бы аннотацию примерно такой:

Сюзанне Ханым уже 5 лет.

Она утверждает, что она не Сюзанна.

Она сообщила родителям, что она Хана Мансур, умершая после операции в США и что она хочет обратно к своим детям и мужу.

Ханумы и Мансурсы никогда не слышали друг о друге раньше. Сюзанна (Хана?) разыскала своих детей и ее дети (все взрослые люди) теперь убеждены, что их мать это 5-летняя девочка, которая живет в южном пригороде Бейрута.

Хотя, к моменту появления заметки о Сюзанне, Стивенсон работал в Ливане на протяжении десятка лет, его деятельность не получила внимания печати. Однако, сам Стивенсон внимательно просматривал всю местную прессу и спустя 8 месяцев после выхода статьи в *Monday Morning* он навестил Сюзанну.

Это была двадцать лет назад. Сейчас это была 25 летняя молодая девушка.

“Я думаю, у Сюзанны могут быть записи для воспоминаний,” - протягивая мне папку с заднего сиденья сказал Стивенсон. С пожелтевших от времени страниц я прочитал машинописную заметку:

Хана Мансур родилась в горах Шуф в середине 1930-х. Когда ей было двадцать, она вышла замуж за Фарука Мансура, своего дальнего родственника. Через год появился первенец Лейла, а следом, через два года, еще одна дочь Галари. Но затем, у Ханы обнаружили болезнь сердца и врачи не советовали ей больше рожать. Однако, совет пропал даром и в 1962 она родила сына. В 1963, в результате авиакатастрофы, погиб брат Ханы Набих, бывший довольно видной фигурой в Ливане. Среди общины друзей это обсуждалось довольно бурно. Вскоре после этого, состояние здоровья Ханы начало ухудшаться. Когда Стивенсон брал интервью у Фарука 20 лет назад, тот сообщил, что за два года до неудачной операции, Хана говорила о смерти.

“Она сказала, что собирается перевоплотиться и много рассказать о своей предыдущей жизни,” - сказал мне Стивенсон.

В возрасте 36-ти лет, Хана улетела в Ричмонд, чтобы провести высоко рискованную операцию на сердце. Лейла собиралась лететь с матерью, но потеряла свой паспорт и не успевала получить его до отлета. Хана пыталась дозвониться дочери перед операцией, но не смогла. На следующий день, в результате послеоперационных осложнений она умерла. Тело отправили обратно в Бейрут.

Десять дней спустя, после того как Хана умерла, родилась Сюзанна Ханым. Мюнира Ханым, мать девочки, рассказала Стивенсону историю, случившуюся с ней незадолго до рождения Сюзанны: “Мне снилось, что я должна родить девочку. Мне встретила женщина, я поцеловала и обняла ее. Она сказала: «Я собираюсь войти в тебя». Женщине было около 40 лет. Позднее, когда я увидела фотографии Ханы, я подумала, что это женщина из моего сна”.

Я вернул папку обратно. “Интересный сон,” - сказал я.

Стивенсон держал папку на коленях и перечитывал записи. “Боюсь, здесь есть пробел в методе, - сказал он спустя минуту. - Обычно я интересуюсь, рассказывала ли она сон кому-нибудь еще, чтобы мы могли подтвердить это, однако здесь этого нет”.

Родители Сюзанны рассказали, что ее первые слова были произнесены в возрасте 16 месяцев: она сняла телефонную трубку, как будто собираясь говорить с кем-то и раз за разом повторяла: “Алло, Лейла?”

Уже потом, когда они услышали историю о том, как Хана пыталась дозвониться Лейле, они провели связь между событиями. Но в то время, они еще не догадывались с кем Сюзанна говорит. Но, когда она стала взрослее, то заявила, что Лейла - одна из ее детей, а она не Сюзанна, а Хана.

В изумлении, родители только и смогли спросить: “Хана?” Она сказала: “Я пока маленькая, нужно подождать пока я подрасту. Тогда я смогу рассказать вам”. Когда это произошло, ей было два года, она назвала имена своих детей, мужа, имена своих родителей и братьев - всего тринадцать имен. Еще она сказала: “Мой дом больше и красивее, чем этот”. В другой раз, она заявила своему отцу Шахину: “Я люблю тебя. Ты добр ко мне, также как и мой отец Халим раньше. Вот почему я признаю тебя”.

Халим - это отец Ханы.

Как и в деле Джирди, развязка наступила, когда один из знакомых, со связями в маленьком горном городке, где жили Мансур, навел справки и оказалось, что сказанное Сюзанной совпадает с жизнью Ханы Мансур.

Мансурсы таже узнали о маленькой девочке из поселка Швайфат и пришли навестить ее.

Сюзанне было 5 лет, когда она увиделось со Стивенсоном, это произошло вскоре после публикации в *Monday Morning*. Стивенсон видел много детей до этого, но даже его поразило то, насколько необычной была привязанность к ее своим воспоминаниям.

“Это представляло определенные проблемы. Она звала Фарука, мужа Ханы, по три раза на день. Когда она приходил, она садилась на колени и склоняла голову ему на грудь. Вскоре после смерти Ханы, он женился снова, на одной из ее подруг, но был настолько встревожен реакцией Сюзанны, что скрывал это. Когда она узнала правду, она сказала: «Как же так, Фарук, ты же говорил, что никого не полюбишь кроме меня?» Думаю, Фарук никогда не признался бы, что он говорил это Ханне. Все что мне удалось от него добиться, это: «Ну, может быть и говорил что-то такое»”.

Стивенсон сочувственно хмыкнул. Фарук явно не ожидал, что его попрекнут в нарушении слова, фактически, с того света.

Мы продолжали спускаться с гор, которые обступали городок наподобие чаши. В отдалении виднелась прибрежная равнина. Швайфат был расположен на склоне, спускающемся прямо в Бейрут, фактически это был не отдельный городок, а скорее пригород. Проезжая мимо череды одноэтажных магазинчиков, Стивенсон предложил остановиться: “Возможно, нужно остановиться, чтобы Махмуд позавтракал”. Мне показалось я ослышался, неужто свершилось?

“Положа руку на сердце, я бы таже чего-нибудь перехватил,” - заявил я.

Мадж засмеялась: “Мы могли бы купить немного Ливанской пиццы, ты пробовал ее раньше?”

Я не пробовал, но знакомство оказалось очень приятным. Это был круг из свежего теста, похожего на лаваш, с оливками и зеленью, залитыми чем-то типа сырного соуса и запеченный в печи. Одна порция примерно такого же размера как “индивидуальная пицца” в Штатах. Стивенсон даже попробовал одну. За всё мы заплатили 5 долларов, включая консервированные напитки.

Было уже за полдень, когда Махмуд припарковал Мерседес в узком переулке рядом с маленькими домиками уходящими вниз по склону. Мы прошли к дому Ханымов.

Родители Сюзанны Мунира и Шахин, открыли на наш стук и провели нас в небольшую гостиную, где сидел Хассам, старший брат Сюзанны, поприветствовав нас на чистейшем английском, он протянул визитку страховой

компании, в которой он работал. Мы присели и только начали беседу, как пришла Сюзанна.

В моей памяти была свежа статья *Monday Morning* в которой говорилось, что семья Сюзанны: “видела глубокую скорбь Сюзи и жалела её”. В конце статьи автор описал, что покинул дом и: “оглядываясь назад, я видел девочку, смотревшую на меня через оконное стекло. Ее глаза были полны слез”.

Карие глаза девушки были действительно самым выразительными в ее облике, но несколько не казались печальными. Одета в голубые джинсы и зелено-голубой свитер, в солнцезащитных очках, с браслетами на обеих кистях и кулончиком в форме сердечка на шее, она спокойно влилась бы в любой из классов колледжа университета Майами, где я преподавал время от времени.

У нее было круглое, слегка печальное лицо и кожа алебастрового цвета. Она рассказала нам, что училась два года в колледже в Бейруте, а теперь преподает английский для 6-х и 7-х классов, хотя навыки языка были менее свободными, чем у ее брата.

Стивенсон, как обычно, начал интервью вопросом сохранились ли еще воспоминания о предыдущей жизни. Сюзанна заколебалась. Возможно, она не полностью поняла вопроса. Но, только Мадж начала переводить, Хассан прервал на английском: “Она не признается при нас, может быть она откроется только вам”.

Сюзанна наградила его непередаваемым взглядом. Хассан, однако продолжал объяснять нам: “Мальчик, который говорил, что он перерожденный брат Ханы, хотел увидеть Сюзанну. Она отказалась, потому что не хотела давать волю эмоциям. Потом, когда мальчик умер, она очень расстроилась”.

Внезапно, Сюзанна встала и вышла из комнаты, с таким видом, словно забыла что-то на улице. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что она плакала. Мы с Мадж обменялись непростыми взглядами. Когда Сюзанна ушла, Хассан выглядел так, будто совсем не удивлен ее поступком и продолжал: “У того мальчика был приступ и мы все подумали, что это в связи с тем, что Мансуры отказались встречаться с ним. Сейчас Сюзанна очень переживает по этому поводу. Был еще один случай, она действовала в нем как посредник между двумя семьями - предыдущей семьей, которая хотела увидеть своего реинкарнированного сына и настоящей семьей, которая не хотела этого. Ей удалось убедить последнюю позволить мальчику встретиться с предыдущей семьей”.

Мы неловко сидели несколько минут, когда открылась дверь и вновь зашла

Сюзанна, все еще расстроенная. Стивенсон спросил, не нуждается ли она в перерыве.

“Нет, - ответила Сюзанна, - я в порядке”.

Он повторил своей первый вопрос.

- Я не помню событий, но чувства все еще есть.
- Когда ты последний раз видела Фарука?
- 4 года назад. Он приходил сюда.

Стивенсон повернулся к ее родителям: “Сколько лет было Сюзанне, когда она прекратила каждодневные звонки Фаруку?”

Те заулыбались.

- Я и не прекращала, - заявила Сюзанна, - я до сих пор звоню ему.
- Как часто?
- Всякий раз, когда чувствую необходимость. Раз в неделю, может чаще.

Ее лицо разошлось в иронической улыбке: “Он боится своей новой жены”.

Она сказала это по арабски. Мадж перевела ответ. С минуту я недоумевал: новая жена? Потом до меня дошло, что она имеет ввиду ту женщину, на которой Фарук женился вскоре после смерти Ханы.

Что она чувствует при мысли о Надир, его “новой жене”?

Она рассмеялась коротким, горьким смехом, затем ответила по английски: “Ничего”.

Она простила ее за то, что та вышла за Фарука?

“Да,” - с той же усмешкой.

Я спросил у матери Сюзанны, что она чувствовала, когда начались воспоминания ее дочери?

Мадж перевела.

“Я не волновалась, - ответила Мунира. - Это достаточно распространено. Но вот когда она поднимала трубку телефона и раз за разом начинала произносить имя Лейла, своей дочери, вот тогда мне становилось очень больно за нее”.

Через несколько секунд, Стивенсон вновь обратился к Сюзанне: “Вы рады тому, что помните предыдущую жизнь?”

Учитывая то, что произошло до этого, я был немало удивлен, когда Сюзанна выпрямилась, взглянула ему прямо в глаза и жестко ответила: “Да, я рада. Моя предыдущая семья спокойна, зная что я здесь, а я снова спокойна за них”.

Я попросил Муниру и Шахина рассказать что-нибудь особенно из детства Сюзанны, связанное с ее воспоминаниями.

Шахин ответил, что когда Сюзанна была маленькая, она пересказывала прощальные речи с похорон Набиха (брата Ханы). “Когда она начала говорить о предыдущей жизни, я доставал свой магнитофон. У нас была запись с этими пересказами, но потом мы отдали ее матери Ханы, потом она умерла и кассета потерялась”.

“Когда ей было года 3 или 4, - добавил Хассан, - она рассказала нашей маме рецепт *намур* [namouga - ливанский десерт], ее любимой еды в прошлой жизни. И еще, до того как она научилась писать или читать, она нацарапала номер телефона. Мы пытались позвонить, но он не работал. Потом, побывав в доме Ханы, мы выяснили, что номер был правильный, она всего лишь перепутала местами две последние цифры”.

“Было довольно забавно, когда Елена, сестра Ханы, приходила навестить Сюзанну, она разговаривала с ней как с Ханой. Что-то типа такого: «Я разговаривала с Мирой, ну, помнишь с той девочкой, с которой мы учились в начальной школе»”.

По данным из статьи *Monday Morning* семья Мансур встретила заявления Сюзанны весьма скептически. Они были богатой, многоуважаемой семьей и подозревали семью Ханимов в выуживании денег. Но, девочка быстро развеяла их сомнения, идентифицируя фотографии в семейном альбоме. Она рассматривала фотографии на глазах репортера *Monday Morning*, который описал это следующим образом:

Сюзи выбрала всех родственников и назвали их поименно: “Это мой брат Эркюль, это мой брат Джейсон, это мой брат Плато, это моя мать... это я. Узнаю себя. Смотрите какая я худая”. Она замолчала, боль в ее глазах была очевидна: “Я была очень больна”.

Но, последним убеждающим доводом, стали слова Сюзи, когда она повернулась к Галари [младшая дочь Ханы] и спросила: “Дядя Эркюль отдал тебе драгоценности? А тебе Лейла?”

Только семья знала, что Хана отдала свои драгоценности своему брату в Вирджинии и попросила разделить их между дочерьми.

В записях Стивенсона было отмечено, что Фарук с Галари в точности подтвердили этот случай. Также, это было подтверждено людьми, которые находились в тот момент у кровати Ханы в больнице Вирджинии.

Что я мог думать обо всем этом? Час проведенный мною среди Ханимов стал веским аргументом против идеи, что все это преднамеренная

мистификация: эмоции были неподдельные, открытость и искренность семьи слишком очевидна.

Но, что насчет самообмана?

Набих Мансур конечно не Джек Кеннеди, но что если он был достаточно известен даже спустя 9 лет после смерти, до такой степени, чтобы стать причиной заставляющей маленькую Сюзанну фантазировать, что она его сестра. Или для родителей, чтобы представить, что случайные детские бормотания соотносятся с семьей павшего героя и затем, наполнить их смыслом, подставив узнанные каким-то образом имена и отношения среди семьи Мансур.

Опять же, как и в случае с Даниэлем и Хаддиджами, такая версия не объясняла все сказанное Сюзанной. Я не мог отделаться от мысли, что остается лишь одно, впрочем, довольно слабое объяснение: религиозные убеждения и вера в реинкарнацию обеих семей были настолько сильными, что все слова Сюзанны они наполняли своим собственным смыслом исходя из этих верований.

Стивенсон заявил, что в эту поездку он не планировал встречаться с Мансурами, он интервьюировал их ранее. Поэтому, не было никаких гарантий, что они согласятся встретиться с нами. Но теперь, мне отчаянно требовалось опросить их.

Последние полчаса Сюзанна сидела молча. Я подумал было, что она досадует на наше вторжение в ее жизнь. Но внезапно, без всякого принуждения, она стала рассказывать историю, которой ни с кем не делилась до этого: про мальчика, который вспоминал, что он брат Ханы и что она не просто разговаривала с ним, но чувствовала глубокую внутреннюю связь. Ее семья слушала раскрыв рот.

“Я была в деревне и ко мне подошел человек, - начала Сюзанна. - Он узнал меня, не Сюзанну, а Хану. Сказал, что он перерожденный Набих. Он помнил больше чем я. Его семья подавляла его воспоминания и может поэтому, они сохранили четкость в его памяти. Он обнял и поцеловал меня. Я плакала”.

Было почти 8 вечера, когда мы выехали обратно в отель. Вдоль дороги Швайфат-Бейрут, среди огромных лагерей беженцев вырос район подпольных предприятий. Производство и торговля, какие только можно вообразить, наводнили временную застройку, давно обреченную властями на снос и продолжающую существовать только благодаря несоизмеримо большей тяжести остальных проблем города, требующих решения в первую очередь.

- Думаешь она не замужем, из-за того, что хранит верность Фаруку? -

поинтересовался я вслух у Мадж.

- Вы заметили, что когда все вышли, я вернулась к ней? - ответила Мадж. - Я не хотела смущать ее, спрашивая при всех, но наедине все-таки спросила. Она понимает, что жизнь Ханы это прошлое, просто в этой жизни никого не встретила.

Махмуд подбросил меня и Стивенсона к отелю. Стивенсон согласился прочитать лекцию в университете Бейрута, ему нужно было переодеться и освежиться. Я воспользовался свободной минуткой, чтобы прогуляться по Эль-Хамра. Мужчины и женщины, в основном молодые и в деловых костюмах, чинно расхаживали по обеим сторонам улицы. Медленно двигались вперед такси, выискивая пассажиров. Шедшие с работы люди заполняли многочисленные кафе. В проемах магазинчиков, скрестив руки на груди или заложив их за спину, стояли лавочники, расслабленно наблюдая за городской суетой. Я просто шел. Шаг за шагом.

Я размышлял над событиями нескольких прошедших дней и своей реакцией на них. Одна вещь была несомненна: эти люди не обманывали нас. Я не мог увидеть выгод, которые они получали от своих действий. Некоторые критики утверждали, что они могли быть заинтересованы в повышении своего статуса среди окружения. Что же, среди друзей такие случаи были весьма распространены и не давали особого положения. Никто из них не ждал звонка Опры [популярная американская шоуменша].

Правда, две незнакомые семьи могли создать в некотором роде псевдосемейные отношения, но я не видел, чтобы кто-то оставался в материальном выигрыше, воссоединившись с предыдущей семьей, равно как и в эмоциональном плане ни у одной из семей не возникало особых преимуществ.

Придя к такому выводу, я стал искать какие-то бессознательные стремления и скрытые механизмы, которые могли бы привести к уже очевидным мотивам.

Но зачем все так усложнять? Почему я не готов принять наиболее очевидное объяснение, что все эти случаи подлинные?

Хотя, конечно, это была моя работа - сомневаться во всем, что вижу и слышу. Основные возражения против доказательств Стивенсона были сосредоточены вокруг идеи, что все паранормальные аспекты объясняются через обман, самообман и бессознательное исполнение желаний. Но со мной было похуже, у меня была своя собственная версия "презумпции против реинкарнации", о чем Пол Эдвардс говорил в своей книге. Мое предубеждение

основывалось на простых вопросах - если душа существует, почему ее до сих пор не обнаружили? Как она переходит из одного тела в другое, в момент зачатия или рождения? Почему процент людей вспоминаящих прошлые жизни ничтожно мал? Почему воспоминания фрагментарны? Если души возвращаются, как объяснить взрыв населения? А Эволюция? Вот какие вопросы не давали мне покоя.

Логика отрицания реинкарнации в книге Эдвардса не могла поколебать моей железной уверенности в подлинности воспоминаний предыдущих жизней. Моя реальная проблема была интуитивной. В моем сознании не было ни единого, даже слабого следа подобных воспоминаний. Пустота и небытие, вот, что было моей Вселенной. Что-то реально существующее появлялось лишь с первыми детскими воспоминаниями в *этой* жизни. А мои самые глубокие познания о смерти были связаны с людьми, которых я любил: но они просто исчезли. Их отсутствие ошеломляло, давило своей бесповоротностью. Больше десяти лет прошло после смерти моего отца, но все равно иногда я поднимал трубку и начинал набирать его номер, только для того, чтобы быть ужаленным воспоминанием, что звонить больше некому. Его не было здесь. Его не было нигде.

Если реинкарнация это факт, почему она не затрагивает мою жизнь? Почему я не могу нутром учуять ее возможность?

Стивенсон ожидал в фойе, когда я вернулся. Файсал, муж Мадж, подобрал нас на своем внедорожнике и подвез к университетскому кампусу. Я видел одинокий листок с рекламой лекции Стивенсона и не ожидал что будет много народу. Мы прибыли за час до назначенного времени, но зал был уже полон, все места были заняты, а несколько десятков человек стояли позади кресел, метров в пятидесяти от трибуны докладчика.

В своем выступлении Стивенсон держался спокойно и рассудительно. Он объяснил происхождение своего интереса к детским воспоминаниям о предыдущих жизнях и описал область своих исследований, обобщая некоторые сходства и выделяя различия среди случаев по всему миру - от Индии и Юго-Восточной Азии до Европы и обеих Америк, включая племена Канады и Аляски.

Закончив выступление, он стал отвечать на вопросы, по обыкновению, тщательно обдумывая каждое слово. "Предпринимались ли учеными попытки обнаружить некие отличия между живым и мертвым телом, что могло бы быть истолковано как наличие души?" - прозвучал вопрос с задних рядов.

“В начале века проводили эксперименты такого рода, но ничего не обнаружили,” - ответил Стивенсон. - Умиряющего размещали на тщательно сбалансированной кровати. Идея такова, что в момент смерти равновесие будет нарушено, что может быть доказательством, что душа материальна. Однако, человек умирал и ничего не происходило.

Мои собственные мысли таковы: не исключено, что в будущем науке удастся обнаружить то, что мы называем душой, но полагаю, это будет что-то за пределами настоящего понимания физической вселенной”.

Другой человек, одетый в рубашку с галстуком и серый свитер, стоял недалеко от меня: “Доктор Стивенсон, скажите пожалуйста, в чем смысл вашей работы?”

Стивенсон еще раз коротко рассказал о том, как он находил информацию, опрашивал свидетелей, увязывал данные. Когда она закончил, мужчина сказал: “Доктор, я не спрашивал про методы, я хочу понять для чего вы это делаете.”

По залу пронесся короткий смешок, но Стивенсон сохранил непроницаемое лицо и ответил, немало удивив меня, хотя и вряд ли удовлетворив вопрошающего. Он сказал, что хотел бы обратить большее внимание врачей на свою работу, так как реинкарнация проливает свет на происхождение множества страхов, родовых отметин и дефектов, которые не имеют медицинского объяснения. Впрочем, надежд на то, что это произойдет достаточно быстро он не питал, полагая, что в первую очередь, люди будут искать объяснения родимому пятну на голове Михаила Горбачева.

В то же самое время я понимал, что приходится выдержать Стивенсону - людей, которые предпочитают пророка ученому (выбирают веру вместо знания). Я помнил, как в своем автобиографическом эссе он говорил, что не хочет быть частью этого: “Мои убеждения не должны оказывать влияния на других. Каждый должен сам все проверять и оценивать самостоятельно”.

Формальная часть выступления подошла к концу и вокруг Стивенсона столпилась кучка людей. Я обратил внимание на их энергичность и стремление пообщаться со Стивенсоном. Ко мне приблизилась женщина и с приятным акцентом произнесла мое имя. Я секунду никак не мог понять кто это, покуда не осознал: Сюзанна. Непроизвольно я взял ее руку, словно мы были старыми друзьями. В другой руке она держала фотокопию статьи *Monday Morning*, в которой говорилось о ее деле.

“Мне показалось, что вас это заинтересует,” - сказала она.

Я пролистал страницы. Там была фотография маленькой,

короткостриженной девочки с красивой, улыбающейся женщиной, чуть позади нее. Сходства между ними невозможно было не увидеть, сразу представлялось, что это мать с дочерью. Но это была Сюзанна и Галари Мансур.

“Репортер ничего не напутал в статье?” - спросил я.

“Да,” - ответила Сюзанна, - он назвал моего мужа Фаидом, а не Фаруком”.

Я знал, что Сюзанна с неохотой шла на лекцию Стивенсона. Однако, казалось, она ее искренне затронула. “Это была прекрасная беседа, не находишь?” - спросила она, сверкая своими обычно хмурыми глазами.

Может быть, это сделало ее менее одинокой, подумал я, зная что сотни детей по всему миру выросли с такими же чувствами, как и она. А может быть она искала подтверждений.

“Не хотите сфотографироваться со мной и Стивенсоном?” - смущенно спросила Сюзанна, вытаскивая автоматическую камеру из сумочки. Я предложил сфотографировать их вдвоем, но она настаивала на своем. Мы поднялись на сцену и ее брат Хассан сфотографировал нас, сначала ее камерой, а потом моей. На фото, Сюзанна стоит между нами, открытая и беззащитная, с темными загадочными глазами.

Спустя 6 месяцев я буду листать папку Сюзанны в офисе Стивенсона в Шарлотсвилле и наткнусь на свадебную фотографию Ханы Мансур, где она на несколько лет моложе Сюзанны. Я увижу ровно те же, излучающие тоску и загадочность, темные глаза.

Мы уже выходили из здания, когда к нам приблизился молодой человек и сунул Стивенсону свою визитку. “Нам очень нужно поговорить, - сказал он. - Я работаю над очень интригующими случаями”.

Он рассказал, что связан с факультетом психологии и что он столкнулся с двумя случаями перерождения с необычными особенностями. Одно дело связано с околосмертным опытом одной женщины: после клинической смерти она поведала о том, что испытала ощущение выхода из тела и была готова переродиться в спальне одного дома, который она узнала. Но, внезапно, она ощутила как ее тянет обратно и вернулась в свое собственное тело. После, она рассказала всем, что она испытала. Позднее, выяснилось, что в то время, как женщина была в состоянии клинической смерти, в той семье, о которой она рассказывала, родился ребенок.

Второй случай, был связан с арабской женщиной, утверждавшей, что она была индусом в прошлой жизни. И в самом деле, она говорила на хинди, хотя выучить его ей было просто негде.

Стивенсон не выглядел сильно заинтересованным. Он знал, как никто другой, что истории из третьих рук редко оправдывают ожидания.

“У вас есть имена и контакты субъектов?” - спросил он. Молодой человек сделал шаг назад: “Я позвоню вам”. Стивенсон дал ему номер отеля и мы расстались.

“Он выглядел так, будто связан с ними, - буднично сообщил Стивенсон. - У меня целая коллекция дел такого рода. Одно из них очень похоже, женщина была без сознания и подумала, что при смерти. Когда она очнулась, то рассказала, что обнаружила себя в присутствии другой женщины, которая рожала и почувствовала, что входит в тело ребенка. Но когда она почти сделала это, она вспомнила о своей любви к семье и это потянуло ее обратно”.

“Интересно, - прокомментировал я, - что в обоих случаях речь идет о моменте рождения, а не зачатия”.

“Не так ли?” - улыбнулся Стивенсон.

Было уже больше 9 вечера. На удивление, я не чувствовал себя особенно голодным и обрадовался, когда Стивенсон пригласил меня в свой номер выпить перед ужином.

Я забежал в свой номер взять банку пива и присоединился к нему в его номере. Он достал из минибара “мерзавчик” виски и мы сели в кресла перед окном.

Стивенсон сделал глоток. “Там замешано больше чем память, - сказал он. - Допустим, маленькие дети, они говорят: «У меня есть жена», или «Я доктор», или «У меня есть три быка и две коровы». Они фактически являются предыдущей личностью и они сопротивляются навязыванию новой идентичности. Даниэль говорил Латифе: «Ты не моя мать, моя мать шейха». У меня был случай в Таиланде, человек рассказывал, что будучи ребенком вспоминал жизнь брата его матери. Он говорил, что в младенчестве воспоминания были очень четкими: когда он лежал на спине, он ощущал, что он взрослый человек и помнит всю свою жизнь. Но назойливые взрослые переворачивали его и тогда все пропадало, он становился младенцем, совершенно беспомощным в своей колыбели. Как перевернутая черепаха, изо всех сил пытающаяся вернуться в нормальное состояние”.

- В целом, - сказал я, - если реинкарнация и объясняет все эти случаи, то почему воспоминания такие неполные и разрозненные? Я имею в виду, что нет людей с целостной памятью о всей ранее прожитой жизни.
- Ну, да. По Ливану у нас около тридцати случаев и в этой перспективе это

немного. Но, как ты сам мог видеть на примере Сюзанны, некоторые сильные эмоциональные переживания сохраняются очень хорошо.

За открытым окном, семью этажами ниже, периодически сигналили такси и это действовало умиротворяюще - случайные звуки словно расставляли знаки препинания в нашей беседе.

“Я хочу спросить вас, - начал я, - вот тот вопрос на лекции насчет смысла вашей работы. Ваш ответ насчет докторов и родовых дефектов, он был, не знаю, какой-то второстепенный. Мы ведь говорим о *реинкарнации*, в конце концов? Вам не кажется, что вопрос диагностики родовых травм, он мягко говоря, слишком мелок на этом фоне?”

Признаюсь, я ожидал, что он поймет важность моего вопроса и не станет уходить от ответа на него. Однако, он с чувством и расстановкой разъяснил: “Родители, чьи дети родились с дефектами, испытывают большие страдания, не зная о причинах, которые вызвали их, а иногда даже верят в то, что они виноваты сами, так как сделали что-то не то. Убедить их в том, что произошедшее находилось за пределами их контроля, будет достаточно большой победой”.

Он замолчал, откинулся в кресле и посмотрел на меня. Он знал, что я имел в виду.

“Я стараюсь не касаться тех духовных вопросов, которые возникают при слове реинкарнация, - сказал он. - Когда я впервые был в Индии, я встретился со *свами*, членом монашеского ордена. Я рассказал ему о своей работе, как важно найти подтверждения реинкарнации, что это может помочь людям вести более нравственную жизнь, если они будут знать, что вернутся сюда после смерти. Он долго молчал, я бы сказал, ужасно долго и наконец ответил: «Что же, это неплохо, но вот здесь, в Индии, реинкарнация это факт, а воров и подлецов не меньше, чем у вас на Западе». Полагаю, мой миссионерский пыл сильно сдулся после этих слов”.

Он рассмешил меня. Я понимал, что работаю, что я журналист и мои цели соответствующие. Но, также, я все больше осознавал, что наслаждаюсь его компанией, его сдержанностью и умением расставлять вещи по своим местам.

Я решил чистосердечно поделиться с ним своими сомнениями, беспокойством в отношении того, что некоторые семьи могли совершенно непреднамеренно и бессознательно подавать информацию ребенку, а также приукрашивать его воспоминания и действия.

“Суть в том, - подытожил я, - что невозможно полностью исключить такую возможность”.

Стивенсон наклонился вперед в своем кресле: “Это, - произнес он вполголоса, - и мне не дает покоя”.

Мы договорились встретиться в обеденном зале через 15 минут, я зашел в свою комнату и переключил телевизор на канал CNN, ожидая услышать комфортное гудение родных новостей. Вместо этого я получил сурового корреспондента, стоящего на фоне машин скорой помощи с включенными мигалками. Этим утром, пока мы ездили по холмам в окраинах Бейрута, исламские боевики напали на группу туристов, совершавших экскурсию в египетской долине Королей в Люкоре, в 250 милях к западу от нас. Террористы открыли огонь из автоматического оружия, а тех туристов, которые уцелели в огневом шквале, потом добились ножами. Всего погибло 58 европейцев.

Еретик

Стивенсон ждал меня за столиком у стены в обеденном зале на втором этаже отеля. Это была длинная узкая комната с окнами по одной стороне и глухой стеной с другой. Столы были накрыты чистыми, свежевыглаженными скатертями, было видно, что персонал следит за этим и меняет их после каждого посетителя. Официанты, в форме с белым верхом, неприметно скрывались за колоннами по центру зала, появляясь перед столиками сразу, как только в них возникала нужда, словно они читали мысли. Иногда, эта магия задерживалась на одну-две минуты, впрочем, никто из присутствующих не паниковал по этому поводу.

Обслуживание в ресторане было таким же, как и в отеле: эффективным и ненавязчивым. Здесь не было вычурных манер и тарелок с золотой каемочкой. Люди просто делали свою работу, без суеты и комментариев. Глядя на окружающий хаос, на трудности работы городских служб, в городе где разрушен каждый второй дом, нельзя было не порадоваться за это заведение, которое твердо стояло на ногах. И я ценил это. Причем, и это становилось очевидным, в гораздо большей степени, чем Стивенсон, который был чрезвычайно равнодушен в отношении личного комфорта, не говоря уже о личной роскоши.

Оправившись наконец от смены часовых поясов и культурного шока, я надеялся, что наконец смогу сделать вечер продуктивным и сделать зарисовки из жизни Стивенсона. И начать я намеревался с 1989г., с лекции, прочитанной Стивенсоном в Юго-восточном университете Луизианы, в которой он объяснял почему разменял медицинские лаборатории и опыты с крысами на путешествия по миру с целью поиска детей, которые вспоминают предыдущие жизни.

Я уже просматривал эту лекцию ранее, перед тем как встречался со Стивенсоном. Она еще тогда развеяла все мои сомнения, относительно его интеллектуальных способностей. Что бы ни заключали в себе его идеи, выражены они были безукоризненно и весьма красноречиво. Лекция была словно из 19 века, из того времени, когда ученые были писателями, историками и философами, не боялись думать вслух и публично ломать голову над непредсказуемыми проблемами. Даже слог выглядел

очаровательным реликтом прошлого, настолько впечатляюще он расцветал изысканными оборотами и был усыпан многочисленными цитатами, что мне пришлось задуматься о том, насколько бедны мои творения, в сравнении с этим. Сегодня, когда Интернет открыл доступ к любым знаниям, мы впитывали их все меньше и меньше.

Но, я также был заинтригован скрытым в глубине строк оттенком горечи или, во всяком случае, недоумения. Стивенсон отчетливо чувствовал, что научный мейнстрим, в лице его коллег, игнорирует исследовательскую работу всей его жизни, а то и откровенно пренебрегает ею.

Он даже не стал ждать второго абзаца, чтобы поведать это. “Наука, - пишет он, - должна быть открыта к новым вопросам и в этой связи я встревожен тем, что некоторые ученые ведут себя так, словно ничего нового открыто быть уже не может”.

В другом месте, он наполовину в шутку, добавляет: “Многие современные ученые - прямые последователи тех теологов, которые сжигали людей за неверие в существование души, только сегодня они бы сжигали их за убеждения в ее существовании”.

В основном, однако, он описывает эволюцию своих представлений, причем с достаточной откровенностью. Возникновение изначального интереса к отношениям между духовным и материальным, он приписывает своей матери, последовательнице теософии (эзотерическое учение 19 века, которое он называет “горшечным буддизмом” для Запада).

Вот этим он меня сильно заинтересовал. Я помню этот момент, поздно ночью за маленьким столом в своей спальне, под светом настольной лампы, я читал статью пока мои глаза не начали слипаться и наконец наткнулся на это:

Когда я еще был связан с психоанализом, я стал экспериментировать с галлюциногенными (возможно, лучше называть их психоделическими) веществами. Я взял и выписал себе множество наркотиков, с целью найти такие, которые помогают психиатрам в беседах с пациентами или в психотерапии.

После одного ЛСД-трипа у меня был мистический опыт, в ходе которого я испытал чувство единства со всем существующим, всем бытием. Три дня после этого были состоянием совершенной безмятежности. Я уверен, что принимая наркотики под медицинским наблюдением (а это единственный разумный способ)

множество людей могли бы испытать то же самое, что и я.

Вот это да! Первое, что мне пришло в голову, как поступили бы с этим критики вроде Пола Эдвардса. *Парень с кислотой в башке! Его случаи реинкарнации просто одна большая галлюцинация!*

У меня и самого мог бы случиться небольшой шок, от этого факта, если бы я не знал Стивенсона лично, его трезвое и ясное мышление. К тому же, в мире не было недостатка мыслителей и писателей, описавших свой положительный психоделический опыт с галлюциногенами, от Олдоса Хаксли в 1950-х, до Роберта Стоуна в 1990-х. Был еще и мой собственный опыт, поэтому осуждать Стивенсона мне казалось верхом лицемерия. Когда я был студентом колледжа, я и сам немало перепробовал. Психоделические наркотики имели эффекты, выходящие за границы временной эйфории и к этому нельзя было относиться поверхностно. В моем случае, случае, кстати, эйфории не было вообще, это было трудное исследование самого себя, с периодическими внутренними прозрениями. Никто в своем уме не станет отрицать громадный потенциал этих веществ, хоть риск от злоупотребления ими может быть очень велик, а может и вовсе не стоит того. Мой личный опыт, как и опыт многих других людей, был полезным примерно в той степени, как это описывал Стивенсон.

Он не расписывал все это очень подробно, просто предположил, что ЛСД-трип укрепил его в ощущении того, что есть нечто за пределами человеческого сознания, наших нейронов и ДНК, некая сущность, которая может пережить физический распад тела. Что интересно, он не отказался при этом от науки, как метода подтвердить или отринуть эту идею.

“Однако, яркий, мистический опыт недоказуем, в то время как научные наблюдения должны быть подтверждены; без публичного обсуждения науки не существует. Поэтому, требовалась независимая проверка”.

Именно это и привлекло меня к работе Стивенсона в первую очередь. Он никогда не говорил: “Уверуй, ибо я верую”. Все что он говорил, это: “Взгляните, что я нашел. Проверяйте это как хотите. Придумывайте свои собственные вопросы и тесты, о которых я не догадался, и если вы найдете более приемлемое объяснение - дайте мне знать”.

Вот это и есть наука, даже если речь идет о вопросах, к которым большинство ученых не относятся серьезно.

За обедом в тот вечер, включив диктофон на запись, я пытался заполнить пробелы в истории его жизни и получше выяснить причины, побудившие его

заняться своим исследованием в далеких 60-х. Он сидел напротив, прижимая руки к белой скатерти, выпрямленный и слегка застенчивый, 79-летний человек после целого дня путешествий по Бейруту. Время от времени я задавал вопросы, но в основном говорил он.

Он родился в Монреале в 1918г., его отец шеф-корреспондент лондонской Таймс в Оттаве с оксфордским образованием.

“Это была почти официозная должность, - сказал Стивенсон, медленно вытаскивая из себя слова, - у Таймс были корреспонденты во всех столицах мира”.

Он сделал паузу и взглянул в окно, как будто пытаюсь увидеть что-то вдали. Затем повернулся ко мне: “Непросто описать то время, между двумя мировыми войнами. Про отца, пожалуй, стоит сказать, что у него был большой пост, его предшественника, к слову, даже посвятили в рыцари. Раз в два года он возвращался в Англию и брал с собой кого-то из нас. У меня было два брата и сестра, я был вторым ребенком”.

Отец Стивенсона был довольно отстраненным человеком, увлеченным больше своей работой, нежели семьей, и Стивенсон, хоть и уважал его безмерно, эмоциональную связь имел только с матерью.

“Мать была замечательной женщиной, - сказал он. - Она поощряла мое чтение, ей я обязан своим первым знакомством с тем, что сегодня называют паранормальными феноменами. У нее была большая библиотека, много книг по теософии и ориентализму, тому что сегодня зовется *Новой Эрой* [New Age], а тогда называлось *Новой Мыслью*. Сила разума над материей, разум над телом. Она немного увлекалась христианством, но была достаточно свободной, чтобы не сковывать себя одной религией”.

Стивенсон закончил школу в 16 и отправился в Англию. Он поступил в университет Св. Эндрю в Шотландии и провел там два года.

“Я увлекся историей, - вспоминает Стивенсон, - она всегда меня захватывала. Я до сих пор изучаю ее ради удовольствия. Но, уже тогда я думал, что для карьеры ее недостаточно. Журналистика тоже меня не привлекала, многое из того, что писал отец, казалось мне критическим и деструктивным. Мне же хотелось внести вклад и приносить пользу, поэтому я пошел в медицину”.

Он перевелся в медицинскую школу при университете Мак-Гилл в Монреале, закончил ее и приступил к специализированному обучению.

“Я был чахлым с самого рождения, сперва бронхит, потом он стал хроническим. Я болел пневмонией 3 раза. Один из моих профессоров сказал,

что если я не уеду из холодного климата Монреаля, то вряд ли выживу.

У моих профессоров были друзья в Аризоне и я отправился туда. В те дни болезни легких были трудноизлечимы и я совсем не был уверен в своем будущем. В Аризоне я проработал год, почувствовал себя лучше. Решил снова вернуться к медицине, но поскольку все еще боялся холодного климата (неоправданно, как сейчас выясняется), то устроился в больнице при университете в Новом Орлеане. Получил там стипендию, это не составило особого труда, так как я был среди лучших в медицинской школе. Одно время я заинтересовался было биохимией, мне она нравилась, мне всегда нравится то, что я делаю, но потом мне показалось, что этого недостаточно. Я ощущал необходимость быть ближе к людям - а сам работал с крысами. В общем, два года после этого я работал в Нью-Йоркском госпитале и медицинском колледже Корнелла, проводил исследования в области психосоматической медицины, в частности взаимосвязи эмоциональных нарушений и сердечной аритмии. Я опрашивал пациентов, подключенных к электрокардиографу, говорил с ними про стрессы в их жизни, а потом анализировал изменения на кардиограмме. Был один пациент, профессиональный поджигатель, делил вырученную страховку с владельцем здания. Сердечные сбои у него начались как раз перед поджогом. У него был очень непостоянный заработок, материально он зависел от своей сестры и ее мужа, который постоянно издевался над ним и считал его неудачником. Пока он мне это рассказывал, я видел аритмию на его кардиограмме, ритмы были очень неровные. Было интересно понять, почему в результате стресса у одних начинается приступ астмы, у других повышается давление и сбоит сердце. Некоторые мои коллеги думали, что такие реакции имеют символическое значение, предопределенное особенностями и личностью пациента, но меня такое объяснение не устраивало. Фактически, хоть многие и считают проблему надуманной, она так и осталась необъяснимой сегодня. Привлекает меня по-прежнему.

Дела в Нью-Йорке шли неплохо, но я по-прежнему опасался климата. Поэтому, когда один из моих учителей прислал приглашение в университет Луизианы, я согласился и следующие 7 лет провел там в дальнейших исследованиях. Там же я начал интересоваться галлюциногенными наркотиками. Принимал некоторые и написал несколько статей об этом, это было в начале 50-х.

Был определенный интерес к оценке действия мескалина как искусственно вызываемой формы шизофрении. В некотором смысле, тогда зародилось начало современных представлений о биохимических механизмах психических

заболеваний. Меня занимала возможность применять эти вещества с целью лечения пациентов и понимания природы их заболеваний. Я принимал их самостоятельно, а затем приглашал добровольцев для исследований.

Мы рассматривали ЛСД как “нож для психики” или как “терапевтический инструмент возбуждения памяти”. Я восстановил некоторые свои воспоминания. Вспомнил операцию обрезания, которую мне сделали в 3 года. У меня был фимоз, моя мать взяла меня и мы пошли, она не сказала куда. Мы шли по улицам, я спрашивал: “Куда мы идем?”, но она молчала. После этого, я помню четырех людей, которые прижали меня к кровати и маску с эфиром, которую надели мне на лицо. После этого я проснулся с болью после операции. Воспоминание было чрезвычайно ярким и живым. Я все-таки считаю, что ЛСД был бы весьма полезен, если бы Тимоти Лири все не испортил. Он ужасно заблуждался в своих действиях, это из-за него запретили эти наркотики.

В целом, мой опыт с наркотиками был достаточно результативен. С одной стороны, у меня поменялся взгляд на физическую красоту. Моя первая жена была художником с необычайно развитым восприятием. Я же был глух ко всему этому, никогда не обращал внимания на цвет и форму. Мескалин открыл новый мир для меня. Я не пропагандирую наркотики, они должны применяться под медицинским наблюдением, но для меня результат был весьма полезным. Это действительно непередаваемый опыт, чрезвычайно затрудненный в описании.

Интерес к паранормальному я получил от своей матери, но психоделики усилили его.

Все эти годы в Новом Орлеане я читал много литературы, которую впоследствии назовут паранормальной литературой. Ближе к концу моего пребывания там, в дополнении к отчетам и моим обычным исследованиям, я стал понемногу писать - обзоры книг и статей, публикации в медицинских журналах.

В 1957 я приехал в Шарлотсвилль, как руководитель факультета психиатрии. У меня сложилась определенная репутация, но мне хотелось изучать паранормальные феномены. На собеседовании в университете Вирджинии я сообщил об этом. Они не выглядели сильно потрясенными. У меня были и другие интересы.

Я полагаю, мое влечение к реинкарнации идет с детства, из тех книг, ведь она была центральной идеей теософии. Читал я достаточно много и вскоре стал находить множество случаев воспоминаний о предыдущих жизнях. В

газетах и журналах, книгах. Вскоре у меня было уже 44 случая. Проанализировав их, я пришел к выводу, что их объединяло: о своих прошлых жизнях рассказывали дети от 2 до 5 лет. Чтобы это понять, потребовалось собрать вместе все эти случаи. Некоторые из них были журналистскими приколами, но некоторые выглядели более чем серьезными. В ряде случаев, взрослые отнеслись серьезно и исследовали детские заявления. А в трех случаях, была даже письменная запись детских свидетельств, перед тем, как их проверили.

Цифры имеют значение в науке, и эти 44 собранных случая - я нутром ощущал, что в них что-то есть. Они были из различных источников, даже из разных стран. Был случай в Италии, отец, врач по профессии, описывал воспоминания одного из своих близнецов - довольно убедительно. Мне трудно поверить в то, что все эти случаи были сфальсифицированы.

Я пришел к выводам, что это перспективная тема для исследования, нужно найти больше случаев и исследовать их более тщательно. Думаю, я был не единственным, кому в голову пришла такая идея. Но я, по крайней мере, подал описание и запрос на финансирование в Американское общество исследований психики и выиграл его. Это произошло в 1960.

Некоторое время спустя мне позвонила глава фонда парапсихологии из Нью-Йорка, сообщила об одном случае в Индии, сильно похожем на тот, что описан в моей статье и заинтересовался, не собираюсь ли я выяснить об этом подробнее. Она выделила небольшой грант и я ушел в отпуск.

Я был чрезвычайно воодушевлен и энергичен. Я был убежден, что дела нуждаются лишь в тщательных доказательствах, ничего сложного - берем дело, изучаем заявления и проверяем их в тех местах, о которых говорит ребенок. Чем больше информаторов - тем лучше, в одном деле у меня было десять свидетелей только с одной стороны.

Когда я прибыл в Индию, для меня было собрано уже 5 случаев. А всего лишь за один месяц, к моему удивлению, появились еще 25. То же самое произошло в Шри-Ланке - вместо двух дел, заканчивать пришлось целых семь. Я не сильно обращал внимания на поведенческие аспекты тех дел. Был случай, мальчик родившийся в нижней касте, утверждал, что был брахманом в прошлой жизни и отказывался от еды в кругу семьи, говорил: "Вы всего лишь крестьяне, я брахман, я не собираюсь есть эту еду". Он объявлял голодовку несколько раз. Посуда из которой они ели, была глиняной, а не медной, что было нечистым, с его точки зрения. Они нашли женщину из соседней деревни, которая готовила для него и обманывали его, говоря, что это еда для

брахманов, чтобы он не умер с голоду. Он рос довольно печальным и когда стал постарше, родители рассказали, что больше не станут терпеть его выходки и ему надо измениться. Один из моих коллег нашел ему работу, но тот отказался, сказав, что “работа не для брахмана”.

Этот случай был на периферии моего интереса. Мне было любопытно, но внушало опасения из-за невозможности досконально проверить и изучить все его свидетельства.

В то время возникла досадная проблема. Я написал первую книгу - *Склоняясь к реинкарнации. Двадцать примеров*. Книга вот-вот выходила в печать из типографии Американского общества исследований психики в 1964, через три года после моего первого визита в Индию. И вдруг я узнаю о том, что мой переводчик по трем описанным в книге случаям - мошенник: он говорил, что защищает кандидатскую, но это был обман. Оказалось, что он социопат, он опубликовал эти случаи самостоятельно и это могло повредить моему исследованию. К счастью, он не успевал за моим темпом, поэтому я нашел других переводчиков, а в Пондичерри говорил на французском. Таким образом, этот человек испортил только три индийских случая. Однако, этого хватило, чтобы комитет по публикациям отклонил печать моей книги. Забрали прямо из под типографской машины.

Свет на это пролил известный путешественник, финансируемый одним индийским меценатом. Он покинул Индию и осел в Дареме, состоял в близком знакомстве с Дж.Б. Райном, основателем центра экспериментальной парапсихологии Дьюка, к которому я наведывался время от времени. Когда этот мошенник заявил, что можно называть его доктором, того это несказанно удивило и он заявил: “С каких это пор ты стал доктором? В Москве диплом выдали?” Тот сказал, что в Агре. Они проверили по своим каналам и оказалось, что это вранье.

Дж.Б.Райан сказал так: “Не хочется тебя расстраивать, но этот человек мошенник”. Я понял, что встрял и теперь придется расхлебывать. Он был карточным шулером, вот уж никогда бы не подумал. В любом случае, это был достаточно неловкий момент.

К этому времени я обрел поддержку Честера Карлсона, изобретателя ксерокопии и просто замечательного человека. Вместе с женой он прочел мою статью о сорока четырех случаях воспоминаний. После, приехал ко мне в Шарлоттсвилль и предложил денег. Он был полон решимости вложить свои деньги в то, что, по его мнению, принесет пользу всему человечеству. Его жена верила в свои экстрасенсорные способности, он же, напротив, был

материалистом и весьма скептичен в отношении подобных вещей. В итоге она убедила его, что эта область мало исследована. В общем, он стал спонсировать сперва Дж.Б.Райана, а затем, утвердившись во мнении, что тот иссяк в своих исследованиях, начал искать людей с другими идеями. Пришел прямо ко мне. Я говорил, что чрезвычайно занят, загружен клиническими пациентами и административными обязанностями, поэтому не могу брать каких-либо денег. В конце концов, я все-таки взял у него 600 долларов на магнитофон. Постепенно, он стал давать больше денег университету, я освободился от части пациентов и стал уделять больше времени исследованиям.

Честер Карлсон поддерживал меня в 1964, я отправил ему письмо, сообщив, что подумываю вернуться в Индию и перепроверить те “испорченные” случаи с новыми переводчиками. Хотя в действительности я сомневался в том, что тот мошенник искажал перевод, в этом не было особого смысла, ведь в любой момент можно было перепроверить информацию. Карлсон ответил - езжай и делай что требуется. Я вернулся в августе 1964 и поднял все дела. Ценность новых интервью была неоспорима.

Рукопись была готова к назначенной дате. В то же время, я побывал в Бразилии и у меня было два случая оттуда, их я добавил тоже. Типографская машина загудела и моя книга вышла в свет. Это был 1966 год”.

К этому моменту, мы сидели за пустым столом, оставив только стаканы с водой. Я отпил из стакана, живо воображая себе прошлые тревоги Стивенсона, спрятавшихся за слабо выразительной фразой: “Это был достаточно неловкий момент”.

“Какая реакция была, когда вышла книга?” - спросил я.

Стивенсон молчал достаточно долго, и я уже начал раздумывать, не стоит ли мне повторить свой вопрос, когда он ответил: “Коротко говоря - вообще никакой. Ее пару раз перепечатали в журналах, освещающих психические исследования и на этом все закончилось. Это было неприятно, но предсказуемо, я хорошо представлял себе степень научной изоляции своей исследовательской работы.

“Была ли отрицательная реакция из университета?” - я продолжал спрашивать.

“Трудно сказать, прямого отзыва не было. Но, я узнал, что ректору университета приходили возмущенные письма и звонки от бывших выпускников. А еще, очень расстроилась моя жена, она сказала: «Ты рушишь свою карьеру. Ведь все шло хорошо, зачем же ты сделал это?». Она всегда

была материалисткой, верила, что все заболевания имеют исключительно биохимическую природу. В общем, она не испытывала восторга от того, что я делал. Но, это было не самое печальное для нее, хуже было то, что люди, вместо того, чтобы приходить ко мне и прямо говорить: «Я бы взглянул на ваши данные», за моей спиной стали подшучивать обо мне при ней. Думаю, это ее беспокоило больше. Хотя, конечно, держалась она молодцом.

Тем не менее, к тому времени, я окончательно убедился в том, что есть что-то существенное в работе, что я должен выяснить, чего бы мне это не стоило. Так что, я погружался в исследование еще глубже. Приятной неожиданностью для меня стало создание Честером специального денежного фонда. Он сказал так: «Я буду оставлять там столько же денег, сколько вы сами заработаете». Это было прекрасно, потому что каждый мой заработанный доллар, таким образом приносил целых четыре: моя зарплата + фонд Честера + 2 доллара из фонда государственной поддержки. Я получил 100 тысяч долларов из частных источников финансирования, затем он удвоил эту сумму, а государство удвоило ее еще раз. Большая часть моего дохода складывалась из зарплаты, поэтому я мог оставить своих пациентов и полностью отдаться исследованиям. Также Честер взял на себя административные тяготы, составляя отчеты расходов по персоналу, исследованиям, путешествиям. Он делал это из года в год, без всяких вопросов. Однако затем он весьма неожиданно умер.

У него была аортокоронарная недостаточность, но это не смертельное заболевание. Он пошел в кинотеатр в Нью-Йорке, так и не поднялся с кресла после сеанса. У меня словно выдернули пол из под ног, я думал: «Ну все, придется вернуться к обычной работе». Но, когда читали его завещание, выяснилось, что он оставил один миллион долларов университету, а немногим больше - специально для моих исследований. Целые баталии разгорелись в университете в отношении того, отдавать мне эти деньги или нет.

Я больше не был главой факультета психиатрии в университете, ушел с должности, она отнимала очень много времени.

Я был главой Отдела личностных исследований - небольшого исследовательского подразделения факультета. Мне нравилось эта должность, нельзя было терять связи с медициной и биологией, я не хотел уходить в изоляцию. Думаю, большинство парапсихологов, как их потом назовут, чрезвычайно изолированы. Они варятся в собственном соку, недостаточно открыты для остального научного сообщества, слишком мало внимания уделяют проблеме своей закрытости. Они заперты в пределах своих

узких лабораторных программ и невнимательно, если даже не сказать пренебрежительно, относятся к тому, что происходит в области спонтанного опыта. Меня же всегда интересовало последнее. Современные психологи похожи на физиков, их не интересует что-либо за пределами лабораторий, не говоря уж про любовь или смерть. А парапсихологи копируют психологов: лабораторный опыт и жесткие граничные условия. Как по мне, лучше не вполне уверенно открывать что-то важное, нежели получить 100% подтверждение чего-то тривиального. Думаю, результаты парапсихологических опытов по угадыванию изображений на карточках довольно скудные, на самом деле.

Энтузиазм в этом направлении поутих в последнее время. То есть, они получили людей, которые угадывают изображения с вероятностью гораздо большей, нежели если считать это случайностью. Но чаще, результаты остаются пограничными”.

Я до сих пор не удосужился взглянуть на часы. Догадывался, что было уже поздно и мои надежды написать несколько строк в компьютере уступают отчаянному желанию поспать. Стивенсон же выглядел точно таким, каким был в 8-30 утра.

“Вас не изматывают эти поездки?” - спросил я.

“Ну, - ответил он, - работа втягивает. Но сейчас, пожалуй, тот момент, когда это становится не вполне справедливым по отношению к моей жене. Что бывает довольно часто”.

“Она смирилась с вашей работой за эти годы?”

“А, нет, то была моя первая жена. Маргарет тоже очень скептически по поводу моих исследований, она не верит в существование после смерти, но в отличие от моей первой жены, не мешает моей работе. Первую жену, ее звали Октавия Рейнольдс, я встретил в Нью-Орлеане. Поженились мы в 1947, а умерла она 1983г. от диабета. Она контролировала его в течение многих лет, но потом начались всевозможные осложнения. Ужасные невриты, глазные кровоизлияния. Потом у нее отказали почки и пришлось делать диализ. Больно было смотреть за ее угасанием, очень. Но одновременно это заставило меня увидеть, что в некоторых случаях наилучшей вещью для человека является необходимость быть полностью сфокусированным на ком-то одном, ухаживать за ним. Это был подарок судьбы.

На Маргарет я женился через два года после смерти жены. Я знал ее достаточно долго. Она была моим первым научным сотрудником. Когда русские запустили спутник, я как и многие наши ученые, думал: «Ну что же,

если они обогнали нас в космосе, скорее всего и с медициной та же ситуация». Я подошел к Маргарет и предложил ей: «Ты могла бы выучить русский, тогда у нас была бы возможность читать их журналы и быть в курсе их достижений». Она принялась учить русский у одного профессора, а он взял и влюбился в нее, потом они поженились. У них был счастливый брак, но потом у него случился инсульт, она ухаживала за ним. Я долго не видел ее. После смерти моей жены, мы снова встретились и, вскоре, поженились. У нас счастливый брак, она преподает немецкий и русскую историю в женском колледже в Линчбурге, недалеко от Шарлотсвилля. Она там с тех пор, как стала кандидатом наук, 28 или 30 лет назад».

“У вас есть дети?”

“Октавия родила мертвого ребенка, он был слишком велик, как все дети диабетиков. Мы раздумывали об усыновлении, но как-то не сложилось. Так что детей у меня нет, радости этой стороны жизни мне неведомы”.

Зал был пуст, только официанты терпеливо стояли у колонн. Сложно было понять: то ли они невероятно вежливы, чтобы прерывать нашу беседу, то ли они действительно работают до полуночи.

Я сидел целый день, поэтому, несмотря на усталость, в свой номер я поднимался по лестнице. Стивенсон пожелал мне спокойной ночи у лифта, добавив, что присоединится ко мне в следующий раз. “Эти поездки ужасно выматывают, - сказал он, - возможно, стоит заняться зарядкой”.

В номере я подключил ноутбук к телефону и зашел на свой почтовый сервер. В папке “Входящие” было письмо от жены:

Были с детьми в торговом центре, там зашли перекусить в восточную закусочную, обсуждали за едой, что ты делаешь в этот самый момент. Может быть тоже кушаешь, а может даже то же самое, что и мы. Потом мы смотрели Анастасию [мультфильм], детям очень понравилось, были в восторге. На обратном пути Сэм заметил, что в действительности история намного грустнее - царь со всей его семьей погиб. Дисней действительно изменил историю - в мультфильме говорится, что семья царя была проклята Распутиным и мы их больше не видим, кроме Анастасии с бабушкой. Эмили же заявила, что не верит в их гибель. Такие разные наши дети, с самого рождения были разными. По пути в кино Эмили писала записки всем своим учителям, какие они замечательные и как с ними хорошо в классе. И тут же добавила, что еще ей нужно написать сочинение на испанском про то, “какая у нас замечательная семья”.

Выключив компьютер, я услышал кашель Стивенсона, через стену. Он был надрывным и продолжительным и я уже собирался зайти к нему, когда вдруг он внезапно стих. Я стал припоминать, что за весь день он ни разу не кашлянул, видимо кровать способствовала его появлению. Ворочаясь, я думал о нашей беседе, он рассказал достаточно важные факты из своей жизни с прозаичным смирением. Приостановка печати книги, безучастность коллег к его работе, мертворожденный ребенок, болезнь и смерть жены. Интересно, теперь, на пороге девятого десятка, считает ли он по-прежнему, что был раньше кем-то другим и станет потом кем-нибудь еще? В начале нашей беседы я поинтересовался этим, спросив, были ли у него "личные переживания, подтверждающие идею реинкарнации".

Помню как он выпрямился, сделал непроницаемое лицо и ответил: "Тут не о чем говорить".

Во имя семьи

Стивенсон верит в свою удачу. Он будет часами ехать, чтобы взять интервью, часто не договорившись о встрече, а иной раз не зная даже точного направления. Чаще это срабатывает: он находит тот самый дом и гостеприимного хозяина.

Удача сработала и сейчас, когда после нескольких часов езды по узким, извилистым дорогам к востоку от Бейрута, мы добрались к дому семьи Мансуров, расположенному в такой глуши, какой я раньше никогда не видел.

Это было внушительное трехэтажное здание, стоящее на крутом склоне холма, с видом на изрезанную террасами долину. Мадж предварительно не созвонилась с хозяевами, так как чувствовала, что они не очень-то расположены идти на контакт. Мы рассчитывали, что традиции гостеприимства друзей уступят нежеланию общаться с нами.

Удача Стивенсона в этот раз дала сбой, хозяев не оказалось дома. После небольшого обсуждения, Мадж набрала номер Елены, сестры Ханы в Бейруте. Поговорив с ней минуту, она прикрыла рукой телефон и стала переводить: Елене было очень неудобно, но она не могла пригласить нас к общению. Она даже разговаривала с Мадж из соседней комнаты, потому что не хотела чтобы остальная семья знала об этом. Они не верили девушке. Видные специалисты, жившие среди тех, где вера в реинкарнацию считалась ересью, они боялись возможных последствий от истории с Сюзанной. Семья была очень расстроена той статьей в *Monday Morning* и была намерена избежать любых дискуссий связанных с делом девочки.

Стивенсон сидел на заднем сиденье, скрестив руки на портфеле с делами.

“Может она, по крайней мере, подтвердить, что последние слова Ханы были: «Лейла, Лейла»?”

Мадж перевела в трубку.

“Она говорит да, - ответила Мадж, - но ее там не было, она узнала об этом от своих братьев”.

“Очень хорошо, - сказал Стивенсон, - скажи Махмуду везти нас обратно

в Бейрут. Попытаем счастья с Фаруком”.

Фаруку Мансуру было 60, он жил в большой, роскошно оборудованной квартире в тихом уголке Бейрута. В своих интервью Стивенсону в конце 70-х, начале 80-х, он говорил, что верил Сюзанне и в то, что она перерожденная Хана, даже несмотря на то, что в своих воспоминаниях она ошиблась, называя его военным, тогда как в действительности он служил в полиции. Она говорила, что он ходит с двумя пистолетами, хотя у него был один. Но большая часть сказанного совпадала в точности.

Однажды Фарук показал ей групповое фото офицеров полиции, сделанное во время его молодости и она безошибочно выбрала его среди десятков других офицеров. Она перечисляла множество имен знакомых, связанных с совместной жизнью его и Ханы, и рассказывала много других фактов, о которых, по его мнению, знала только Хана.

Спустя некоторое время после смерти Ханы Фарук снова женился на одной из ее подруг. Он был убежден в перерождении Ханы и так сильно тронут проявленной Сюзанной привязанностью к нему, что не рассказывал ей о том, что женился повторно и солгал, когда она спросила об этом.

Когда же она выяснила это обстоятельство, ее реакция была типичной для обманутой супруги, со слезами и гневом. Тем не менее, до сих пор она часто, можно даже сказать навязчиво часто, звонила Фаруку. Фарук же вел себя с ней подчеркнуто мягко и вежливо. Насколько мне было известно, Стивенсон не брал интервью у нынешней жены Фарука, тем более, что она была не в восторге от сложившейся ситуации.

Все это было почти двадцать лет назад, и с тех пор Стивенсон ничего не слышал о Фаруке.

Махмуд высадил нас на тротуаре. Искомая квартира располагалась в пятиэтажке, расположенной напротив старинного двухэтажного дома с лепнинами, зелеными ставнями и прачечной на заднем дворе, типичного домика французского провинциального городка. Фарук жил на втором этаже, вверх по невзрачной лестнице, уставленной горшками с растениями. Он сам открыл дверь и я поразился тому, как дряхло он выглядел в свои 60 лет. Коричневый пиджак топорщился на его сухоньком теле, а морщинистая шея с плотно затянутым вокруг нее галстуком, еле держала сильно облысевшую голову. Седые усы с немногочисленными клочками оставшихся волос дополняли его удручающий вид.

Мадж представила нас (объявив Стивенсона “американским доктором”). Прервав ее на середине, Фарук оживился и потряс руку Стивенсона в рукопожатии: “Вы практически не изменились за эти годы,” - сказал он, сияя. Он проводил нас в большую комнату, усадил и предложил кофе. Несмотря на невыразительный вид снаружи, внутри квартира была шикарной, с изысканными картинами и антикварными статуэтками, с великолепными шелковыми коврами. Чем-то она напомнила мне некоторые старые квартиры в восточной части верхнего Манхэттена. После того, как мы расселились, Стивенсон спросил Фарука, поддерживает ли он связь с Сюзанной.

Немного, начал Фарук. Он понимал, что Сюзанна живет двумя жизнями сразу и чувствовал, что нужно разорвать эту...

Мадж еще не закончила перевод, как с кухни вышла высокая, эффектная женщина. Решительный шаг, которым она вошла в комнату, не особо заботясь о прерванной беседе, явно не говорил о радушии, а твердо сложенные губы окончательно убедили нас в том, что она нам не рада. Она коротко кивнула: “Я Галари Мансур,” - сказала она на четком американском английском. В моей памяти немедленно всплыла молодая очаровательная девушка из статьи *Monday Morning* 21-ей давности. Сейчас, в свои сорок с небольшим, Галари была все еще красивой и, несомненно, привыкшей повелевать гораздо более, нежели в молодости.

“Мы бы не хотели больше говорить об этом, - сказала она, жестко переводя свой взгляд между нами. - Эта история принесла много проблем моей семье”. Она отвела взгляд и ее голос прозвучал тише, словно она говорила не только нам, но и себе: “Это правда, - добавила она с видимым сожалением, - я пережила это, я верю в это на 100%, но есть определенные причины, особенно здесь, в Ливане. Та статья наделала много шума, сделала мою жизнь несчастной. Мои родственники не выдержат еще одну публикацию”.

Мы трое со своим кофе буквально вжались в диван. Впервые с момента моего приезда в Ливан, я не находил, что сказать. Тишина стала почти осязаемой, как вдруг ее нарушил еще один появившийся в комнате человек: муж Галари. Это был крупный, сильный человек, одетый в черные брюки и синюю рубашку под светло-голубым джемпером. Решительные черты лица делали его похожим на американского индейца. Он напомнил мне американскую кинозвезду Джо Мантенья. Насколько впечатляющим было появление Галари, он все же меркло по сравнению с его появлением. По хозяйски улыбаясь, он занял собой всю комнату, выглядело так, будто он был шоуменом на ток-шоу и намеревался объявить приглашенных.

“Меня подвергали регрессивному гипнозу и я знаю кем был в своих прошлых жизнях. - Это были его первые слова. - Я не могу рассказать всех подробностей, - тут он заговорщицки помахал бровями, - это же духовный опыт. Я был жрецом в Александрии 600 лет назад.”

Чудненько, подумал я. Александрийский жрец. Наверняка он знает про вавилонского жреца, которым был Брайан Вейс. Он словно прочитал мои мысли.

“Вы знаете книгу Брайана Вейса? - вскидывая голову спросил он, глядя прямо на меня. - Третья книга, замечательная история о двух влюбленных, разделенных смертью. Он вспоминал под гипнозом жизнь каждого по отдельности. Прекрасная история...” Он замолчал, будто бы вспоминая книгу, и снова встрепенулся: “Мой отец помнил предыдущую жизнь. Я изучаю Коран на предмет упоминания о реинкарнации - конечно, я говорю по арабски - я выучил его сам, у меня есть диск с самоучителем. Мусульмане не верят в реинкарнацию, но я нашел уже пять стихов про нее”.

Я взглянул на Галари, сидевшую в кресле через всю комнату, она выглядела по-прежнему мрачно и решительно, но монологу мужа не мешала. “Вообще мы из Вирджинии. Просто заезжаем сюда временами - он не останавливался. - Недавно я прочел в *Вашингтон Пост*, что 29% американцев верят в реинкарнацию.” Стивенсон пошевелился и тот немедленно переключился на него: “В основном, люди которые помнят предыдущие жизни умирали от потрясения - насилие, случайность, шок. А большинство людей ничего не помнит. Но, как вы знаете, да и я знаю тоже, все прошлые жизни сохраняются в подсознании”.

Я взглянул на Стивенсона, рассчитывая увидеть, как научная педантичность заставит его ответить. Мда, я должен был знать его получше. Он расслабленно устроился на диване, скрестив руки на коленях и вежливо улыбаясь.

Я повернулся к Галари, напряженно сидевшую в своем кресле: “Вы подвергались регрессивному гипнозу?” - спросил я ее.

Ответный взгляд брошенный на меня, ответил на мой вопрос лучше, чем слова, которые она произнесла: “О нет... Нет!” - сказал она.

“Мы были вместе 600 лет назад, - тут же встрял ее муж, словно Галари случайно позабыла об этом, и затем продолжил без перерыва, - я верю, что 21 век станет веком духовного просвещения”.

Он продолжил в этом же духе, расхаживая взад-вперед по персидскому ковру.

“Я заболел раком два года назад. Лейкемия. Я отказался от всех лекарств. Один доктор сказал, что мне осталось жить три года, но я отказался от любого лечения. Это было тридцать месяцев назад. Я встретил духовного целителя, здесь в Ливане, он дает мне святую воду. Могу вам сказать, что чувствую улучшение своего здоровья. Врачи потрясены. Мой первый диагноз был в апреле 1996. Все результаты есть у меня на компьютере”.

У святого целителя, наверное, прямой канал связи со Святым Георгием, а операции он делает при помощи телепатии, вместо скальпеля.

“Как сказал доктор Вейс в своей книге, - не унимался муж Галари, - в каждой нашей жизни мы должны приобрести добродетели. В моем случае, все говорят, что я мужественный. Но это не мое. Я взял ее с собой из прошлой жизни. Все говорят, что у меня сильная воля. Ее я тоже взял оттуда.

Когда у людей есть какая-то...” Он замолчал, изображая что-то жестами.

“Болезнь?” - предложила Мадж.

“Вот вы называете это болезнью, - продолжил он снова, - я называю это аномалией. Когда у кого-то есть аномалия, они на самом деле благословлены свыше, потому что таким образом у них есть возможность проявить свою веру, открыть все свои добродетели. Я служил в храме Святого Георгия много веков назад, вот почему он мне помогает сегодня”.

Он остановился, развернулся на 180 градусов и повернулся к нам.

“Я был с Галари, когда она впервые встретила девочку, - сказал он, убирая интонации конферансье из своего голоса. - Это на самом деле было удивительно. Моя теща спрашивала у нее очень личное, такое, что могла знать только Хана и она знала это. Мой свекр спрашивал ее такое, что никто не мог знать, но она знала. Я свидетель этому.

Сюзанна стала поворотным моментом для нас обоих”.

Взгляд Галари потерял свою отстраненность и она подалась вперед в кресле: “Меня поразило это”. Ее голос сорвался, он замолкла. Затем, овладев собой, с видимым усилием продолжила: “Меня поразила эта маленькая девочка, которая вела себя так, словно моя мать, рассказывая о тех вещах, которые знала только она”.

“Вас это не успокоило? - спросил я. - Я имею ввиду в том плане, что ваша мать не исчезла после смерти?”

Видно было, как Галари боролась с собой. “Я в первый раз столкнулась с реинкарнацией, - ее голос стал тихим и она умолкла. Затем, отведя взгляд, она продолжила. - Это потрясло и встревожило меня, было очень трудно. Я много слышала про такое, но никогда не сталкивалась лично. Долгое время после

тех событий я не хотела ничего слышать об этом”.

- Откуда взялась статья, кто решил написать ее?
- У меня есть подруга, журналистка. Я рассказала ей о Сюзанне и она была у нас дома... - Галари выглядела так, словно сейчас заплачет. - Эта статья разделила всю нашу семью, - сказала она и снова откинулась в кресло.

Краем глаза я заметил, что Мадж, уединившись с Фаруком в углу дивана, шепотом ведет с ним беседу. Стивенсон объяснил, что он намерен опубликовать дело Сюзанны.

- Моя семья не допустит этого, - решительно сказала Галари. - Мы не хотим с этим связываться.
- Здесь может быть решение, - сказал Стивенсон, - я могу использовать псевдонимы, я иногда так делаю.
- Мы просто не хотим наших имен в каких-либо статьях, - повторила она.

Когда мы уходили, прощаясь Галари задержала мою руку в своей и произнесла: “Это разбило нашу семью,”- сказала она глядя мне в глаза.

На улице я спросил у Мадж о чем она беседовала с Фаруком.

“Он сказал, что прекратил навещать Сюзанну ради ее же блага,- сказала она. - Она стала приходить к нему сама, один или два раза в месяц и что он пытался образумить и отговорить ее. Он говорил: «Я действительно беспокоюсь за нее. Это все не очень хорошо. Я очень хочу ее видеть, но не могу себе этого позволить. Ради нее»”.

Не могу позволить ради нее. Эти слова эхом отзывались в моей голове во время обратной поездки. Я чувствовал себя так, словно попал в самый центр событий. Я больше не ковырялся отстраненно в историях чужих жизней и воспоминаний, я был в самом центре тайфуна. Отчаяние Галари, ее эмоции, то как она разрывалась внутри себя нельзя было не почувствовать. *Вела себя так, словно моя мать.*

Встреча с Мансурами (это псевдоним, который позже придумал Стивенсон) дала нам что-то очень важное - подтверждение ключевых деталей дела Сюзанны теми людьми, которые имели все основания отрицать любые связи с ней. Это были люди с деньгами и общественным положением, они имели множество причин, чтобы отрицать свидетельства о реинкарнации, тем более полученные от маленькой девочки из менее благополучных слоев общества. Но Сюзанна заставила их поверить.

Безусловно, тут был опасный момент, ведь один из них лечился от рака

святой водой и верил в то, что был жрецом в прошлой жизни. Но также было очевидно и то, что его легкое верие не относилось к его жене, а ведь она была гораздо более ценным свидетелем. А ведь был еще и Фарук: заявления Сюзанны поставили которого в крайне неловкое положение; прошло совсем немного времени, как он повторно женился, рассчитывая счастливо провести остаток жизни, как вдруг... объявляется эта малышка, докучая ему с удивительным упорством. Мало того, это было неудобство и для его новой семьи. А еще заявления Сюзанны вызвали нешуточные распри между его детьми и семьей бывшей жены, настолько нешуточные, что он даже отправил свою дочь жить в Америку. И еще, ему до сих пор было трудно, он очень переживал за Сюзанну, даже больше чем о своих собственных трудностях.

Каждый из них, в любой момент времени мог сказать: *все это ложь*.

Но они не пошли на это.

Ранее в этот день, на пути обратно в Бейрут, мы остановились на смотровой площадке рядом с дорогой, с прекрасным видом на долину. Мадж указала на захватывающе красивую виллу в мавританском стиле в процессе реконструкции. Это был дом семьи профессора арабского языка в американском университете Бейрута доктора Сами Макарема, того самого, который впервые познакомил Мадж и Стивенсона. Дом был почти полностью разрушен и разграблен во время войны, но сейчас его медленно восстанавливали.

Имя доктора стояла первым в списке благодарностей 384 страничного отчета Стивенсона по случаям реинкарнации в Ливане и Турции. Он помогал Стивенсону поначалу, выступая переводчиком и знатоком местных обычаев, и был единственным другом, опубликовавшим публикацию о религии в западной печати.

Я встретил Макарема на лекции Стивенсона предыдущим вечером. Он являл собой пример человека необычайной, почти ангельской притягательности. Речь его была отрывистой, каждое слово, казалось, он обдумывал отдельно. Я спросил его, как примут друзья научное доказательство реинкарнации.

“Друзья и так в нее верят, - ответил он. - Но в религии друзей высшей целью считается достижение единства с Богом, абсолют, в *этой жизни*”.

Макарем пригласил нас на обед, куда мы и направились после того, как вышли от Фарука.

Квартира Макарема находилась недалеко от дома Мадж и

университетского кампуса, в той части Бейрута, где до войны располагались многочисленные посольства. Она была меньшей по размеру, чем квартира Мадж, но выглядела как небольшой музей изобразительного искусства и антиквариата - с саблями, гравированными дуэльными пистолетами, множеством старых городских и семейных фотографий.

Отец Макарема был известным художником, прославленным своим искусством изысканной каллиграфии. Часть висевших по стенам тщательно выписанных картин принадлежала его перу, в основном это были изречения из Корана, украшенные причудливой вязью. Каллиграфия стала прекрасным искусством, восхитительной абстракцией. Также Макарем-старший писал сусальным золотом целые отрывки на рисовых зернах. В красиво переплетенных фотоальбомах его работ, глядя на многократно увеличенные фотографии, нельзя было не поразиться тонкому мастерству исполнения. Он стал достаточно известен на Западе, его работы демонстрировались на международных выставках, как пример непостижимых страстей Востока.

Лишь только мы присели в гостиной, как прибыл Эли Карам со своей женой, тот самый психиатр-христианин, который воодушевленно спорил о реинкарнации на приеме у Мадж. Его жена выглядела чрезвычайно эффектно в своем коротком вечернем платье темного цвета.

“У меня есть история для вас, - сказал он, снимая пальто и присаживаясь. - Моя помощница была вчера на вашей лекции. После она пошла домой и рассказало о ней своему 25-летнему брату - они оба христиане-марониты - а тот заявил: «У меня была прошлая жизнь». Ну или как-то так. А она впервые слышит об этом, от своего брата, представляете? Он ей говорит: «Все что я помню, это что я был высоким человеком, жил в пригороде Вены и погиб в результате автомобильной аварии». Она у него конечно же спрашивает: «Почему ты ничего не говорил об этом раньше?» Он отвечает: «Я говорил об этом в детстве, но родители не обращали внимания».

В общем, она звонит матери и спрашивает ее об этом. Мать говорит, что не помнит ничего про его рассказы о прошлой жизни, но помнит про то, что у него были какие-то страхи. Каждый раз, когда им приходилось куда-то ехать на машине, он орал благим матом, покуда все не высаживались”.

Макарем сочно усмехнулся. “У меня есть собственная история. Я знаю семью друзей, они рассказывали, что их сын, пока был маленьким, говорил на странном языке, вскоре выяснилось, что это был японский. Они шли по улице и прошли мимо нескольких японцев, разговаривающих между собой. Он закричал, что понимает их, и прежде чем родители успели что-то сделать,

вырвался и подбежал к ним. Когда они подошли, они увидели его погруженным в беседу на японском.

Он говорил, что был китайским эмигрантом в Японии. Он помнил свой адрес и даже написал письмо своей сестре, которая в итоге приехала к нему в гости. Он говорил по предыдущей жизни так много, что его мать боялась отпускать его в Японию, из опасений что он никогда больше не вернется”.

Стивенсон покачивал головой, словно соглашаясь. Когда Макарем закончил, Стивенсон заявил: “Я надеюсь, что кто-нибудь изучит 25 дел, которые есть у меня в Бирме. Дети утверждают, что были японскими солдатами и демонстрируют характерные черты японцев”.

Он говорил про эти случаи раньше. Большинство из них были найдены вдоль линии британского наступления, где была разбита японская армия. Эти случаи были интересны по многим причинам, но в первую очередь тем, что разбивали сомнения скептиков, утверждающих, что семьи поддерживают выдумки своих детей под влиянием своих верований: дело в том, что японцев в Бирме ненавидели, оккупационная армия принесла неисчислимы беды местным жителям. Последним, что могли бы придумать бирманские родители, так это распространяться о том, что их дети бывшие японские солдаты.

“Одного несчастного парня, в котором жители деревни заподозрили реинкарнированного солдата японской империи, поймали и сожгли заживо, - сказал Стивенсон. - Эти бирманские дети, не имевшие ничего общего с японскими, не единожды заявляли, что «хотели бы вернуться в Японию», потому что в Бирме или еда слишком острая или климат слишком жаркий. Они все время жаловались: «Я хочу сырую рыбу и сладости, мне не нравится эта одежда». Чтобы это ни было, я думаю это мало связано с генетикой”.

Была крайне приятно расслабленно сидеть и внимать этим историям, не обременяя себя критическим мышлением. Я вспомнил мужа Галари и рассказал про старца, который лечит святой водой.

“Вам неизвестен этот святой человек?” - спросил Стивенсон.

Карам засмеялся. “Из здесь сотни, - ответил он сухо и продолжил. - Однажды ночью мне довелось увидеть такого старца. Толпа людей, тысяч десять, мне пришлось забраться на стену, чтобы понять что происходит. Этот человек сказал: «Один из вас, кто смотрит на меня, человек с опухолью мозга. Ты излечишься». Позже, я встретил своего знакомого, у него была неоперабельная опухоль мозга и рассказал ему, про случившееся. Он ответил: «Я и был тем человеком, о котором говорил старец». Выяснилось, что он смотрел его по телевизору и уверовал в то, что тот обращался

непосредственно к нему. Почувствовал себя лучше, а до этого был настолько слаб, еле способен к движению, совсем старик. А затем он излечился и уехал с женой путешествовать по Италии.

Я знаю его жену и умолял ее заставить сделать его МРТ, чтобы убедиться в том, что он выздоровел. «Не хочешь ради своего мужа, сделай это ради церкви, чтобы было подтверждение чуда». Она ответила: «Он здоров, я знаю это, но ради чуда я попрошу его, когда мы вернемся из путешествия». Они отдыхали две недели, как и планировали, замечательно провели время, а потом он внезапно умер.

Я полагаю, что его обездвиженность не имела ничего общего с мозговой опухолью, а была следствием депрессии. Поверив в то, что старец его вылечил, он избавился от депрессии. Эйфория, ощущение чуда зарядили его энергией, достаточной для того, чтобы провести остаток своих дней не вспоминая о болезни. А затем опухоль убила его”.

По крайней мере, подумал я, бедняга повидал Италию.

Нью-Джерси - состояние души

Муж Галари, по крайней мере, был прав в одном: подавляющее большинство детей вспоминали, что погибли насильственной смертью. Утром первого дня нашего пребывания в Ливане, Стивенсон упомянул про свои исследования в Индии, согласно которым 50-60% изучаемых им случаев реинкарнации были вызваны насильственной смертью, тогда как в общей статистике смертей это цифра составляет 5-6%. Я молча отметил два объяснения этому: либо насильственная смерть оставляет свою печать на душе, нарушая обычные процессы забывания, либо неведомые силы, создающие воспоминания предыдущих жизней, излишне склонны к драматизму.

Как бы то ни было, я всегда это считал довольно абстрактной проблемой. Но сейчас, после нескольких дней в Ливане, я был вынужден смотреть на происходящее совсем иначе. Помимо Ульфат, утверждавшей, что она погибла от рук христианских мародеров и Даниэля, верившего в смерть в автомобильной аварии, нам предстояло взять интервью у мужчины, рассказывающего, что он был задушен сумасшедшим братом, и женщины, которая была прачкой и помнит свою смерть от рук пьяного мужа. А всего-то начиналось пятничное утро.

Наша первая остановка снова была в Алее, в одном из полуразрушенных кварталов, которые мы проезжали ранее. Следуя нарисованной от руки карте Стивенсона, Махмуд припарковал Мерседес перед тем, что раньше было каменным домом, а сейчас являло собой полуразрушенное строение без окон, без крыши и с дырой вместо центральной двери. Сорняки проросли сквозь полуразрушенную отмостку, обвивающие стены коричневые скелеты лиан завершали картину разрушения.

Мы вышли из машины и Стивенсон попытался сориентироваться по сохранившимся ориентирам. Руины находились в центре дорожного кольца, от которого радиально в четырех направлениях расходились маленькие улицы. Мы выбрали вторую улицу слева, уходящую вниз по склону вдоль разрушенных зданий и нескольких разбитых автомобилей; вдалеке, в туманной дымке был виден Бейрут, сползающий в море.

“Сейчас налево,” - сказала Мадж, заглядывая через плечо в карту

Стивенсона.

35 лет назад, на первом этаже оштукатуренного двухэтажного дома на холме, жила Сальма - женщина, тянувшая на себе нескольких ребятишек, мужа-алкоголика и прачечную, в которой стирались студенты местного университета. Сейчас, блеклая пожелтевшая штукатурка строения делала его похожим на швейцарский сыр, сверху донизу испещренными дырками от пуль и осколков.

Однако, убила Сальму не война, а охотничье ружье ее же мужа.

Женщину, вспомнившую жизнь Сальмы, звали Итидал абу Хисн, она была из рабочего класса и жила с сестрой в маленькой квартире в Бейруте. Мы опрашивали ее вчера.

“Я до сих пор помню своих детей, словно они перед глазами, - рассказывала нам Итидал, пока мы сидели в ее комнате и угощались свежими финиками, которые она выставила перед нами на столике. - Я помню как мой муж дважды выстрелил в меня, когда я развешивала белье. Об этих вещах я вспоминаю только тогда, когда кто-то спрашивает, и очень редко, когда остаюсь одна. Она как будто закашлялась, но я увидел что она плачет. Второй раз за день, наши вопросы вызывали женские слезы.

“Мне очень жаль, должно быть это болезненные воспоминания,” - сказал Стивенсон, когда она немного восстановила хладнокровие.

“Это не так, - сказала она, - я плачу не о прошлой жизни, а о нынешней”. Она рассказала, что когда ее семья распалась, муж вопреки существующей традиции оставляя детей у матери, забрал их 11-месячного ребенка к себе. Это была рана, которая не лечилась. “Когда я думаю о прошлой жизни, я вспоминаю как меня убили, а когда думаю про эту жизнь - накатывают слезы из-за отнятого ребенка”.

- Вы чувствуете какую-то связь?
- Нет, - ответила она. - Такова судьба, моя участь.

Интисар, ее старшая сестра, была готова подтвердить первые заявления Итидал.

“Она начала говорить об этом, когда ей было три, и прекратила, когда исполнилось десять, - рассказывала Интисар. - Обычно это начиналось, когда ей на глаза попадались маленькие дети. Еще она постоянно прятала конфеты, чтобы угостить одного паренька в нашей деревне, говорила что у него такое же имя, как у ее бывшего ребенка. Часто говорила: «Мне нужно к моей семье в Алей, отвезите меня туда пожалуйста». Когда мы наконец отвезли, она показала нам место, где стоял дом.

И вот, мы были здесь, шли по следам Итидал. Мы поднялись по куче мусора и разбитой мебели, прошли через дыру в ржавой сетке забора и обошли здание, поднявшись к нему по заросшему бурьяном склону. На своей карте Стивенсон кружочком обвел то место, где стояло большое дерево, рядом с которым, по словам Итидал, она вывешивала белье в своей прошлой жизни, когда с этого склона спустился муж и выстрелил в нее. Сейчас, на этом месте остался один лишь пенек, среди ржавых консервных банок и пластиковых бутылок.

Подтверждений воспоминаниям Итидал не было, за исключением вот этого пня, бывшего деревом в ее прошлой жизни. Стоя на месте убийства, совершенного много лет назад, мне в очередной раз пришло понимание бренности бытия - нашей жизни, жизни Сальмы, убитой здесь. И снова я задался вопросом: если Итидал сознательно или неосознанно выдумала эти воспоминания, то почему она выбрала именно жизнь Сальмы: ничем не выдающуюся и ничем не примечательную?

Но мы ехали не просто поглядеть на дом. Позади холма, через улицу жил человек по имени Чавик Баз. Профессор психологии в колледже, родом из благополучной семьи, он жил здесь всю свою жизнь и был нашей целью пребывания.

Дом База был полностью сожжен, но сейчас восстановлен. За раздвижными стеклянными дверьми открывалось пространство внутреннего двора, сплошь заросшего цитрусовыми деревьями, с тяжелыми зелеными плодами.

Баз и его жена, встретив нас на пороге, произнесли традиционное ливанское приветствие быть и чувствовать себя как дома и пригласили пройти внутрь. Они принесли бокалы с домашним вином и тарелки с нарезанными свежими фруктами.

Профессор сказал, что он неплохо знал Сальму и ее семью. "Они были довольно бедными, - сказал он. - Она работала прислужкой по домам и еще брала в стирку белье у местных студентов".

Ему было 17 лет когда Сальму убили. Он, да и любой другой по соседству, знал что у нее были проблемы с мужем. У них было семь или восемь детей и денег всегда не хватало. Ее муж, жестокий и грубый человек, они часто ругались - о деньгах, о детях, обо всем. Сальме приходилось много работать, как и многим здесь.

Я вернулся мыслями к нашей беседе с Итидал в ее маленькой квартире в Бейруте. Некоторые заявления меня озадачили. Она сказала, что муж стрелял

в нее ночью, в три часа утра, в то время как она вывешивала белье. Странное время для стирки, однако.

“Вы помните точное время, когда ее убили?” - спросил я.

“Я слышал выстрелы, - ответил Баз, - где-то перед рассветом, часа три или в четыре. Конечно, сразу побежал выяснить, что происходит. Она лежала на спине, среди разбросанного белья. Там был еще один сосед, тоже пытался выяснить что произошло. Ее муж, увидев нас, начал говорить что-то про то, что он стрелял в птиц, которые сидели на дереве. А затем он начал пятиться и убежал. Я подбежал к ней, но она была уже мертва, он выстрелил ей в спину”.

“Почему она стирала в три часа ночи?”

“Ну, она начинала работу с рассвета. Жизнь у нее непростая была - большая семья, так что работать приходилось много”.

Итидал говорила, что муж стрелял в нее дважды, хотя в предыдущем интервью Стивенсона этого отмечено не было.

“Был только один выстрел, - сказал Баз, - он выстрелил в нее метров с двух. Рана была только одна, я уверен в этом”.

“Около года назад, - продолжал он, - я собирался ехать в университет, когда увидел группу людей перед тем домом, столпившихся вокруг девушки. В толпе говорили: «Эта девушка говорит, что она Сальма». Она представилась мне тогда, я был ничуть не удивлен. У нас тут это обычное дело”.

“Вы когда-нибудь сталкивались с недостоверными случаями?” - спросил я.

“Нет, - ответил он, - думаю, все это правда. Брат моей жены помнит о двух жизнях, но не расположен говорить про них. Моя 88-летняя мать тоже помнит предыдущую жизнь, но говорить об этом определенно не будет.

Я знаю одного мальчика, он помнит что был моим соседом, погибшим во время бомбардировки. Я не разговаривал с ним, но соседи сказали, что видели его здесь и он назвал мое имя, когда я проходил мимо. Я торопился, у меня была назначена встреча. Его семья живет здесь, в Алей, в промышленном квартале. Я могу показать дорогу”.

Стивенсон, как обычно, сидел с непроницаемым лицом, но, я догадывался, что он раздумывает. Стоило ли новое дело затраченного времени, ведь это первичное интервью и мы могли никогда не вернуться сюда, чтобы расследовать все обстоятельства.

Стивенсон все больше думал о будущем своих исследований. Его самого в этом будущем уже не было, но был человек по имени Эрлендур Харальдсон, исследователь, проводивший психологические тесты с некоторыми детьми Стивенсона. Результаты сравнивались с такими же тестами обычных детей,

случайно выбранных одноклассников. Смысл был в том, чтобы увидеть возможные признаки психических расстройств, склонности к фантазиям или повышенной внушаемости.

Кое-где, Харальдсон уже закончил, ничего из вышеперечисленного среди этих детей обнаружить не удалось. Более того, он заключил, что исследуемые субъекты менее внушаемы, чем их случайно выбранные одноклассники, и менее склонны к искажению памяти.

В итоге, решив, что исследовательский материал Харальдсону не помешает, Стивенсон принял решение нанести визит этому мальчику.

Мне же не терпелось ехать по своим собственным причинам. До сих пор, все, кого мы опрашивали были взрослыми людьми. Их воспоминаниями были уже потерты прожитым временем. И совсем другое дело, если это будет ребенок.

Крутая, идущая в гору, извилистая дорога, привела нас в тот самый “промышленный квартал”, сплошь состоящий из разбитых автомобилей, горящих гор мусора и множества бетонных коробок, в которых ютились мастерские, гаражи и магазинчики. Казалось, что жить в таком месте невозможно, но вскоре, пару раз предварительно выяснив дорогу у прохожих, мы припарковались перед гаражом с двумя разобранными машинами и разбросанным перед ними инструментом. Лестница привела нас на второй этаж, где нам открыл дверь юноша лет двадцати. “Нам нужен Башир Шмейт,” - сказала Мадж на арабском. Затем, в очередной раз представила Стивенсона, как американского доктора, интересующегося реинкарнациями.

Молодой человек, (брат Башира, как потом выяснилось), жестами пригласил нас внутрь. Квартира оказалась неожиданным оазисом среди трущоб снаружи, устланная коврами и с множеством растений. Он усадил нас в комнате, у стены стоял масляный обогреватель. За открытым окном, разрезая слух, некоторое время свистел электроинструмент. Затем все стихло, из соседней комнаты послышался топот, звук льющейся воды и хлопки дверей. Затем, минут через десять-пятнадцать появился мальчик, его лицо улыбалось. Он пересек комнату, оставив после себя запах одеколona. В черных чиносах, фиолетовой рубашке с туго застегнутым воротом и лакированными мокасинами из дырчатой кожи он походил на маленького взрослого. Перламутровая и казалось, сияющая сама по себе, гладкая кожа, дополняла его облик. Он потряс нам руки, а затем перепрыгнул обратно на диван, скрестил ноги в коленях, уложил на них руки и застыл, прямо глядя на нас в

ожидании вопросов.

- Тебе вроде 10, верно? - начал Стивенсон.
- Мне одиннадцать, - ответил Башир, - два дня назад был день рождения.
- Ты помнишь предыдущую жизнь?
- Я помню, что сказал своему брату: «Я не Башир, я Фади».

Входная дверь открылась и вошли родители Башира. Его отец, смуглый, кучерявый человек небольшого роста, кивнул нам в знак приветствия и молча сел рядом с Баширом. Тот едва взглянул на него.

- Раньше я много плакал, пока не пришла моя мать из предыдущей жизни, тогда я вспомнил ее и назвал всех по имени. Еще вспомнил, что погиб в бункере.

“Он сказал *дишми*, - Мадж остановилась в переводе, - это просто дыра в земле с мешками с песком и бетонным каркасом вокруг нее”.

- Это было в западном районе Алей, - продолжал мальчик. - Я забрался на самый верх, на бетон. Его недавно залили и нужно было проверить. Рядом взорвалась бомба и пуля попала мне в горло.
- Пуля? - спросила Мадж. - Ты же сказал, что взорвалась бомба?

Последовала короткая дискуссия, а затем Мадж объяснила: “Он сказал пуля, потому что не знает как назвать маленькую металлическую часть бомбы”.

- Ты имеешь ввиду осколок? - спросил я.
- Да. Точно.
- Я упал. Я был без сознания. Но я видел как мои друзья выносили раненых. И еще я видел свою машину, у меня была бежевая Тойота, на другой стороне дороги. Я видел парня, он шел к ней, чтобы украсть мои драгоценности. Я клал драгоценности в машину, когда мы воевали. Я видел как он украл мои драгоценности, но друзьям я сказал, что надо унести всех раненых и только потом меня.
- Ты же сказал, что был без сознания.
- Мне казалось, что был. Но я видел и говорил с друзьями. А потом, я ничего не чувствовал.
- У тебя есть другие воспоминания? - спросил Стивенсон.
- Да. У меня были друзья - Мутран и Бассам. Я был членом прогрессивной социалистической партии, но военную форму не носил. Мы ходили в гражданском. Я ходил с ними и помогал воевать.

Парню о котором рассказывал Башир было 17 лет, когда он умер. Сам Башир родился в Бейруте 8-ю годами позже.

Стивенсон повернулся к родителям Башира: “У него есть родовые

отметины?”

- Нет, - ответил отец. - Но когда он начинал говорить, его голос был довольно грубым. Из другой комнаты можно было подумать, будто говорит не ребенок, а молодой человек.
- Еще что-нибудь необычное?
- Он все время плакал маленьким. Мы были сбиты с толку, он был здоровым и хорошо кушал. Он плакал до тех пор, пока не встретил кого-то из своей старой семьи, тогда успокоился. Мы тогда жили с дядей, рядом с штаб-квартирой социалистов и я думаю, он увидел кого-то из друзей, друзей Фади или Ланд-Ровер, который он забрал у кого-то из ополчения.
- Говорить Башир начал в 15 месяцев, - сказала его мать. - Он сразу начал говорить целыми предложениями. Говорил: «Я не Башир, я Фади», называл имена родителей, сестер и братьев Фади.

Нам не хотелось так быстро навещать предыдущую семью. Но пару недель спустя тетка моего мужа, которая была знакома с матерью Фади, сказала ей: «Перестань плакать, возможно твой сын родился снова».

Спустя два дня пришла семья Фади. Башир не узнал свою мать, но когда ему показали фотоальбом, он показал ее там. На ней был мэндиль, но его она начала носить только после смерти Фади. А на фотографии она с непокрытой головой. Он узнал сестер и братьев, а также некоторых друзей Фади.

- Вы хорошо знали семью Фади? - спросил Стивенсон.
- Как только он произнес свои первые слова, я уже понял о ком идет речь, - ответил отец Башира. - Я знал это парня... Встречал его однажды... Я пошел бы на похороны, если бы не был в Германии, по делам бизнеса. Я перегоняю подержанные машины.

Я и не знал, что встречался с Фади, мне это рассказал его отец, у меня с ним была стычка. Однажды, он гнал на машине и подрезал меня на дороге. Я вышел из машины и обругал его. Он в долгу не остался, тогда я подошел и схватил его за шею. Он засмеялся и положил руку на своего сына, ему тогда было лет 10, он сидел рядом. Я хотел схватить паренька, как вдруг что-то остановило меня и я отпустил его.

Башир сидел молча и загадочно. “Ты помнишь это?” - спросил я. Он отрицательно покачал головой.

- Кем ты себя чувствуешь сейчас - Баширом или Фади?
- Баширом.

- Когда ему было восемь, - добавил его отец, он начал говорить: «Я был Фади, теперь я Башир».

Он повернулся к сыну и что-то мягко ему сказал. Тот спрыгнул с дивана и вышел из комнаты.

“Я не хотел снова расстраивать его, - сказал он нам на английском, - дело в том, что его предыдущий отец недавно умер. Башир почти не ел несколько дней и оставался в предыдущей семье с утра до вечера, как будто он там жил. Он был очень расстроен. Мы беспокоились за него”.

Когда Башир вернулся, Стивенсон задал последний вопрос: “У тебя есть какие-то страхи?”

Тот улыбнулся, словно поняв к чему Стивенсон клонит и потряс головой: “Когда идут на охоту и просто пострелять, я иду тоже. Мне нравится стрелять, у меня хорошо получается”.

“Он немного староват для исследований Харальдсона,” - прокомментировал Стивенсон, когда мы выехали на дорогу. Но, даже если бы он подходил по возрасту, в его деле был существенный изъян. Семьи жили в одном и том же городе, знали друг друга раньше, поэтому Башир мог случайно что-то видеть или слышать от своих родителей. Или сами родители могли в бессмысленном детском лепете придумать историю, в свете того, что случилось с Фади.

Тем не менее, я был рад, что мы посетили их. Эти люди просто занимались своими делами, когда мы нагрянули. Очевидно, что им не было ничего нужно от нас. Я отметил переодевание, одеколон, манеру поведения Башира - это были признаки ранней зрелости, то, что Стивенсон часто указывал в своих отчетах. И эта история смерти словами ребенка, осколок бомбы в горле, короткий момент осознания перед смертью, отстраненное наблюдение за тем, как грабят его автомобиль и уносят раненых товарищей. Это напомнило мне многократно описанные выходы из тела во время операций или после автомобильной аварии.

Для себя, после этой поездки я вынес еще одно: вне зависимости от различных обстоятельств каждого из дел, их объединял один общий фактор - каждый ребенок, начиная говорить, сообщал одно и то же: я не Башир, Сюзанна или Даниэль; вы не мои родители; это не мой дом.

Мы ехали на восток. Деревьев вокруг становилось меньше, населения тоже. Дорога вела в горы.

“Надеюсь, тормоза у Махмуда работают нормально,” - сказал Стивенсон. Я уже достаточно изучил его, чтобы понимать, что это не конец мысли и следует дождаться ее окончания. Он поерзал на заднем сиденье и продолжил: “Деревушка, куда мы едем, в стороне от главной дороги, спуск к ней очень крутой, я больше нигде не видел такого. В прошлый раз, когда я был там, было трудно избавиться от мыслей, что может произойти, если откажут тормоза”.

Дорога уводила все глубже в горы, место в которое мы ехали Стивенсон описывал как “возможно, самая маленькая деревенька в Ливане”. Последний раз он был здесь в 1971. Местечко, в самом конце глухой дороги, с десятком строений и чуть большим количеством жителей.

Тогда Стивенсон опрашивал семью бедного фермера по имени Хаттар, тот собирал кедровые шишки и извлекал из них орехи, которые в итоге оказывались на прилавках магазинов Европы и Америки. Денег едва хватало на то, чтобы кормить 6-х детей.

Двое из шестерых детей вспоминали прошлые жизни. Тогда Стивенсон сконцентрировался на старшем сыне, Тали, в 1971 году ему было 6 лет. Тали интересовал Стивенсона из-за родовой отметины, которую можно было связать с раной, полученной человеком, о жизни которого он вспоминал. Это был преуспевающий бизнесмен Саид Абуль Хисн (не имеет отношения к Итидал Абу Хисн) убитый за 6 недель до рождения Тали.

22 июня 1965г. в 6 часов утра Саид сидел на террасе своего дома, попивая кофе, когда с улицы к нему приблизился человек и выстрелил в него в упор. Пуля вошла в левую щеку, разорвала язык и вышла из другой щеки. Он был доставлен в больницу, в которой и умер спустя 11 часов. Убийца был пойман и отправлен в психиатрическую лечебницу: преступление оказалось результатом бреда напавшего - он застрелил Саида из-за его внешнего сходства с человеком, которого ненавидел.

Тали не разговаривал почти до трех лет, а заговорив - делал это с большими затруднениями. Как только он стал себя осознавать, он сообщил своим родителям: “Не называйте меня Тали, зовите меня Саид Абу Хисн”. Вскоре он начал рассказывать об убийстве. В интервью Стивенсону он заявлял: “Меня посадили в машину и повезли в больницу. Моя жена сидела рядом. Мне выбило зубы и порвало язык, вся одежда была в крови”.

Родители говорили, что у Тали нет родových отметин, однако когда Стивенсон осмотрел мальчика самостоятельно, то на правой щеке обнаружил незначительно пигментированный полудюймовый круг и такой же, только поменьше на левой.

Стивенсон измерил и сфотографировал отметины, а позже сравнил их с данными из больничного отчета. Родинки были немного ближе к задней части головы, чем указывалось в отчете о ранении, но Стивенсон счел это смещение незначительным. Также он отметил, что позднее развитие речи и ее дефекты могут указывать на травму языка, полученную от ранения.

Один вопрос заданный Стивенсон дал неожиданно интересный ответ. Последнее воспоминание Тали о той жизни? Падение с кровати в больнице.

В записях больницы не было сведений об этом. Посмертное заключение сообщает об этом с мрачным минимализмом:

Трахеотомия завершена. В 17-45 возникла дыхательная недостаточность. Остановка сердца. Смерть.

Жена Саида при опросе сказала, что доказательств у нее нет, но кто-то из медперсонала рассказал ей, что Саид упал с кровати и умер от удушья, прежде чем санитары успели вставить обратно дыхательную трубку. Безусловно, это могла быть “дыхательная недостаточность”. И это было не первый раз, когда госпиталем искажались отчеты о смерти, чтобы не быть обвиненным в некачественном обслуживании.

Тем не менее, она скептически относилась к свидетельствам Тали, главным образом потому, что он ничего не упоминал о своих дочерях, чьи хронические болезни были главным беспокойством в жизни Саида.

И хоть город, в котором жил Саид, находился всего лишь в трех милях от деревушки, родители Тали никогда не брали его с собой туда, до тех пор, пока он не заговорил. Да и после этого, делали это с большой неохотой, видя с каким пылом он говорит про Саида, они опасались того, что он не захочет возвращаться. В последний визит, он зашел в комнату, где сидело много детей, включая дочь Саида по имени Вафа. Его спросили: “Узнаешь свою дочь?” Свидетели потом рассказывали Стивенсону, что Тали сел рядом с ней и спросил: “Вафа, почему ты не навещаешь меня?”

В последующем, Стивенсон опубликовал отчет об этом деле в своей последней книге. Двухтомник, посвященный родинкам и родовым отметинам, вышел годом ранее.

Но в данный момент, несмотря на любопытство в отношении того, что могло произойти с родимыми пятнами у Тали, в гораздо большей степени его интересе был сосредоточен на младшем брате Тали - мальчике по имени Мазид. Мазид говорил что был рудокопом и погиб, когда на него упала корзина

с породой. История была записана раньше, но сейчас он хотел устранить пробелы и добавить деталей, чтобы можно было включить ее в новую публикацию.

Мы ехали полчаса, когда уткнулись в дорогу. Как и говорил Стивенсон, она перерезала шоссе и стремительно выкручивая петли между сосен, уходила вниз по такому крутому склону горы, что казалось, здесь ничего не могло быть построено. За исключением небольших кучек мусора на обочине, пейзаж, представший перед нашими глазами, был пожалуй последним островком девственной природы во всем Ливане. Мое восхищение, однако, боролось с приступами головокружения, и я поймал себя на том, что непроизвольно давя ногой педаль тормоза.

“Дорога стала получше, - заметил Стивенсон, пока мы с шумом неслись вниз. - Кажется ее перестелили недавно”.

Спуск не стал менее крутым, подумал я. Мы спускались минут пять, пока дорога, наконец, не закончилась тупиком среди десятка каменных домов и хозяйственных построек. Вперемешку с домами и обнесенными стенами садами стояли каменные сараи, с сосновыми шишками внутри. В беседке свисали тяжелые виноградные кисти, а на стропилах крыльца сушились увесистые гроздья фиников. Было чуть больше трех часов дня, но солнце вот-вот собиралось скрыться за горной вершиной на Западе. Дым от множества небольших костров плыл в послеобеденном воздухе.

Махмуд остановился, не доезжая до конца дороги, и бодрящий холодный воздух объял нас, когда мы вышли из автомобиля. Температура упала очень сильно и было件нятно, что когда солнце скроется за горами, станет еще холоднее. В полях работали люди, изредка поглядывая на нас. Небольшой человек, одетый в традиционную тунику и штаны черного цвета, вышел из самого дальнего дома и направился в нашу сторону.

“Это Каттар,” - сказал Стивенсон. Тот приблизился и по очереди, начиная со Стивенсона, пожал нам всем руки. Мадж заговорила, человек закивал и заулыбался, а затем повел нас по дорожке к своему каменному дому. Дом был большой, в тусклой гостиной стояли изношенные диваны с креслами. По углам комнаты, напротив друг друга, сидели два брата. Мазид, сидевший у двери смотрел на нас непонимающе. Тали, сидевший справа у стены, изучал нас с прищуренными глазами и непонятной ухмылкой. Оба брата были в джинсах, рабочей обуви и футболках. У обоих на ремнях висели сотовые телефоны.

Стивенсон как будто не заметил прохладный прием. Усевшись на диван, напротив самой дальней стены, он начал раскрывать свои папки. Мадж села

рядом с ним, а я сел слева, рядом со стариком, который, смущенный, по видимому, манерами сыновей, похлопал меня по коленке, произнес что-то по арабски и заулыбался. Я улыбнулся в ответ и взглянул на Мадж, в ожидании перевода, но она уже начала беседу с Тали.

Спустя минуту она обернулась к Стивенсону. “Он говорит, что запомнил вас. Помнит, что вы подарили ему швейцарский нож, но не подарили книгу, которую обещали”.

Тали снова начал говорить. В арабской речи отчетливо прозвучало “Нью-Джерси”.

Мадж откинулась на спинку дивана и понизив голос перевела: “Он говорит, он больше не Тали, он сменил имя на предыдущее. И кое-что еще. Кажется, местные здесь не очень-то расположены к сотрудничеству. Люди здесь злы на американцев. У них был брат, он погиб во время обстрела с Нью-Джерси”.

“Мы здесь больше ради разговора с Мазидом,” - сказал Стивенсон.

Мазид сидя в кресле у двери и опираясь на свой локоть, заговорил. Мадж ответила ему, он снова продолжил. Так прошло пару минут. “Мы говорили о религии друзов, - сказала она наконец. - Они знают про реинкарнацию и верят в нее, какой смысл им доказывать это нам?”

Мать, в платке натянутом по старинке по самые глаза, принесла поднос с кофе. Я с благодарностью взял чашку, надеясь согреться, но еще больше рассчитывая собственно на саму церемонию гостеприимства, что она хоть немного разрядит неуютную атмосферу. Мадж, в надежде растопить лед, продолжала говорить с ними по арабски, мудро оставив нас со Стивенсоном в фоновом режиме.

Наконец, Мазид несколько смягчился, но Тали (теперь Саид) вознаградила ее откровенно неприязненным взглядом и откинулся на диван, широко раскинув руки. Он сказал, что-то откровенно неприятное, но Мадж проигнорировала его. Похоже она выбрала тактику обычного интервью с Мазидом, рассчитывая на то, что постепенно это увлечет обоих братьев.

“У Мазиды свое дело, агентство трудоустройства, - сказала она, наконец поворачиваясь к нам. - В принципе, это сводится к тому, что он берет девушек из Шри-Ланки и находит им здесь работу. Еще он страховой агент”.

“Ему нравится его работа?” - поинтересовался Стивенсон. Мадж перевела.

“Если бы не нравилась, я бы не занимался,” - коротко ответил Мазид, таким тоном, что перевода не требовалось.

Я вспомнил предупреждение Госдепартамента насчет Ливана и прикинул расстояние до цивилизации. Стивенсон неторопливо перебирал свои папки.

Наконец нашел искомое.

Мазид до сих пор помнит предыдущую жизнь?

“Немного, - пожал он плечами, - война заставила нас забыть”.

Передо мной появился Хаттар с подносом полным карамелек и призвал меня попробовать. Я отказался. Он настаивал. Я взял одну. Он что-то сказал Мадж.

“Отец говорит, что Мазид прекратил вспоминать лет в двадцать”.

“Спроси как у него здоровье,” - сказал Стивенсон.

Мазид посмотрел вверх, а затем ответил: “Я был ранен во время войны. Осколком снаряда во время стрельбы Нью-Джерси, - тут он вызывающе посмотрел на нас и поднял руку, чтобы показать рваный шрам через все запястье. - Полтора месяца в больнице”. Он опустил руку обратно на подлокотник кресла: “Наш брат погиб тогда”.

Откуда-то взялась его мать с фотографией худого мальчика улыбающегося в камеру.

Тихонько запиликал мобильный. Тали снял его с пояса и ответил.

“Большинство домов в округе разрушены и после построены заново, - передала Мадж слова Хаттара. - Он хочет показать вам, где взорвался снаряд”.

Хаттар повел меня по узенькой дорожке к саду. Затем указал на стену с южной стороны дома, камень выглядел новее. Он свел руки вместе, а затем резко раскинул их, одновременно произведя звук, как будто что-то взорвалось. Я посмотрел в его слезящиеся глаза и не увидел в них ожесточения.

Когда мы вернулись, Мазид все еще говорил - хороший знак, подумал я. Он был обручен с одной девушкой в городке Кфарсалван, там где он жил в предыдущей жизни. Он до сих пор навещал ее семью, а два года назад обручился с другой девушкой, из этой же семьи.

“Какая жизнь тебе больше нравится?” - спросил Стивенсон, заполняя анкету.

“Без разницы, - ответил Мазид. - Обе они одинаковы сложные”.

С другой стороны комнаты подал голос Тали: “Мы же третий мир,” - сказал он с отвращением.

Мадж перевела, а затем добавила: “Перед этим, Тали рассказал, что потерял работу. Он закончил какие-то бизнес-курсы, теперь иногда работает в такси. Но работу найти не может”.

Тали подался вперед и убедительно проговорил о чем-то. Мадж долго отвечала. Тот отрицательно покачал головой, Мадж сказала что-то еще, но он

перебил ее на полуслове.

Мадж повернулась к Стивенсону: “Он говорит, что не хочет, чтобы его имя фигурировало в книге”.

Стивенсон, приподняв брови, сел ровно и произнес: “Оно уже там”.

Мадж перевела, Тали вскочил и что-то громко восклицая, пошел по направлению к Стивенсону.

“Он говорит, что в таком случае, он хочет компенсации, - переводила Мадж, - деньгами, или быть может, помощь в устройстве на работу”.

В комнате темнело и холодало все сильнее. Я был не в восторге от того, как разворачивается ситуация. Хаттар что-то резко произнес, Тали осадил назад. Я наклонился к Стивенсону и настойчиво произнес: “Думаю, сейчас самое время убираться отсюда”.

Тали снова заговорил и шагнул к Стивенсону, Мадж спокойно глядя на него, тихонько предложила Стивенсону: “Он мог бы возить Харальдсона, когда тот приедет”.

Стивенсон колебался. Я всей душой желал, чтобы он принял это предложение. Он заерзал в кресле: “Харальдсон может даже не приехать в Ливан, - сказал он наконец. Но вы можете оставить свой телефонный номер, на всякий случай”.

Мадж перевела и Тали остановился. Она достала ручку и сказала что-то, Тали выглядел сомневающимся. Затем взял ручку и написал номер в тетради Мадж, затем развернулся и без единого слова вышел на улицу.

Я не был уверен в том, что он не вернется. Мне не очень хотелось здесь находиться, когда это произойдет.

Будучи прикован вниманием к разворачивающемуся конфликту, я едва заметил женщину с ребенком 5-6 лет, которые вошли из соседней комнаты. Женщина села на диван рядом с матерью, в то время как маленькая девочка села у ее ног. Мать Мазиды взглянула на Мадж и заговорила.

“Они хотят знать ваше мнение по одному делу, как доктора,” - перевела Мадж.

“Это решенное дело?” - спросил Стивенсон, подразумевая случай, в котором воспоминания предыдущей жизни находили свои подтверждения.

Мне показалось странным, что Стивенсон подумал о реинкарнации. Вероятней, они всего лишь хотели консультации по поводу болезни или может травмы.

Мы оказались правы оба. Мадж перевела вопрос Стивенсона, женщина

долго отвечала.

“Да, случай подтвержденный, - ответила Мадж. - Это была женщина, ее муж выстрелил ей в шею. Ее парализовало и она 12 дней лежала в госпитале, затем умерла. Муж попал в тюрьму на три года, сейчас он на свободе”.

Я обратил более пристальное внимание на девочку, она прижималась к ногам матери, словно котенок к дереву после встречи с собакой. Наконец до меня дошло, что речь идет о ней. Было что-то не так с ее улыбкой, ноги, которые она сложила под собой, казались слишком длинными и худыми для ее возраста. Мать взяла девочку подмышки, приподняв, чтобы мы посмотрели. Тонкие ноги безжизненно болтались в воздухе, голова была чуть завалена набок, а глаза рассредоточено глядели по сторонам.

- Это тот ребенок? - спросил Стивенсон.
- Да. Пожалуйста доктор, скажите нам, что с ней делать?
- Она может ходить?
- Нет. Она передвигается с помощью рук, волоча ноги за собой.
- Она ходит в школу?
- Нет и никогда не была там. Мы были в больницах, но никто не смог помочь, к тому же доктора очень дорогие.
- Ребенку нужна терапия, - сказал Стивенсон. - Ей можно помочь, ходить она вряд-ли научится, но можно серьезно улучшить ее состояние, чтобы она пошла в школу.

Скошенная улыбка не сходила с лица девочки. Она покачивала головой и произносила мелодичные звуки. Мать заговорила с ней убедительно-требовательным тоном.

“Они хотят показать нам, как она произносит имя убитой женщины,” - перевела Мадж.

Мать держала девочку за плечо, пытаясь зафиксировать ее голову: “Как тебя зовут, как твое имя?” - повторяла она. Но девочка не могла сосредоточиться, возможно из-за постороннего присутствия и лишь лепетала что-то. Наконец, мать отстала от нее - она захлопала в ладоши, снова свесив голову и широко улыбаясь своей перекошенной, душераздирающей улыбкой.

Мерседес катил в гору в тишине. Наш визит длился около двух часов, но мне казалось, что прошла целая вечность.

“Я хотел бы сделать что-то для девочки,” - прервал я молчание.

“Да, - ответил Стивенсон, - мы могли бы отправить деньги напрямую матери девочки, но это будет чревато проблемами в их семье. Возможно,

лучше будет дать их Хаттару”.

“Отец и мать очень расстроены поведением Тали. - сказала Мадж. - Они много спорили между собой, я не переводила. Он очень плохо себя вел”.

Что же, может быть. В любом случае мне было жаль, что мы побеспокоили его. А еще досаднее мне было за Нью-Джерси.

Остановить поезд

Утром, в преддверии последнего дня наших поездок и опросов, мы ждали Махмуда, а Тали и Мазид не выходили у нас из головы. Стивенсон все раздумывал над вопросом Мазиды: с какой стати верующие в реинкарнацию должны убеждать в ее существовании неверующих?

“Это парадокс, - сказал Стивенсон. - На Западе говорят: «Зачем вы тратите деньги на изучении реинкарнации, ведь это невозможно?» На Востоке говорят: «Зачем вы тратите деньги на изучении реинкарнации, ведь это факт?»”

Я подумал немного о другом: с того самого момента, как мы прибыли в Ливан, мы повсюду натыкались на случаи реинкарнации. Начиная с самого первого дня, с рассказа Ульфата, до вчерашнего вечера, когда мы ехали опрашивать двух братьев, а столкнулись с их племянницей, изувеченной своим мужем в прошлой жизни.

Оставляя в стороне доказательный аспект каждого случая, трудно было не увидеть столь масштабный характер происходящего. Я больше не беспокоился о том, что мы не найдем ничего или найдем слишком мало.

Приехала Мадж. “Я опоздала потому, - восторженно начала она, - что разговаривала с сантехником, который делает у нас ремонт и он рассказал мне о двух случаях с реинкарнацией девочек - 8-летней давности, а второму случаю около года”.

Реинкарнация принимала характер эпидемии. Я вспомнил предположение Эли Карамы, насчет связи генетики и реинкарнации. С позиций демографов это имело определенный смысл - обилие редких особенностей в одной изолированной, родственной группе людей, вроде того, как светлые волосы отличительный признак скандинавов.

Да, но для этого нужно было быть именно друзьями. В некотором смысле, тут возникал парадокс “курица-яйцо”, что появилось раньше: выдумывание воспоминаний, чтобы оправдать веру в реинкарнацию или все-таки сотни детских свидетельств сформировали эту веру?

Мы собрались ехать к семье маленькой девочки. И у меня появлялся шанс на самом раннем этапе увидеть отношение семьи к ее воспоминаниям и возможно, получить ответ искажает ли семья эти воспоминания своей верой в реинкарнацию.

Маленькой девочке была три с половиной года и ее звали Лилли Аль-Авар.

Бабушка по отцовской линии была заинтригована ее играми: она рассказывала про своего умершего мужа, используя арабский эквивалент слова “скончался”. Играясь со своими куклами, она напоминала маленькую и заботливую мать, до того нежно и прочувственно она обращалась с ними - называла их по именам, укладывала их в кукольные кровати, говорила “мои дети”.

Ребенок жил с матерью и отцовскими родителями в недостроенном бетонном доме на склоне холма, среди сосен растущих из сырой красной земли. Ее родители расстались. Сообщение о девочке прислала ее бабушка, ее мать не знала об этом.

Мужчина, в котором мы угадали дедушку Лилли, выслушал объяснения Мадж и пригласил нас войти. Мы присели на диваны, стоящие по обеим сторонам довольно узкой прихожей. Маленькая девочка, с большими глазами газели и длинными коричневыми волосами, пристально нас разглядывала, наполовину спрятавшись за диваном в зале.

Мужчина не сильно подходил на роль дедушки и выглядел значительно моложе этой роли. Мадж немного поговорила с ним.

“Он говорит, что явление реинкарнации его весьма интересует, - перевела Мадж. - Но он не слышал от Лилли ничего о прошлой жизни. Он думает, что предположение основывалось на том, что Лилли весьма активна и намного умнее, чем ее сверстники”.

“У Лилли есть какие-то страхи или неприязнь к чему-то?” - спросил Стивенсон.

“Она не любит мясо и совсем не ест его, - ответил дедушка. - Когда я беру ее к мяснику, она говорит: «Не клади мясо рядом со мной, клади его на заднем сиденье»,” - он засмеялся после этих слов. Затем они довольно долго говорили с Мадж.

Она повернулась к нам и перевела: “У Лилли есть два двоюродных брата-близнеца, постарше её. У одного из них очень необычное родимое пятно вблизи локтя. Доктор, кстати христианин, который исследовал его, сразу же сказал: «Это отметка из прошлой жизни», но сам ребенок ничего не говорит об этом”.

Как по команде, из зала выбежали двое босоногих мальцов. Дед поманил их пальцем и они застыли. Дед сказал что-то ближайшему и показал на Стивенсона. Смущаясь, ребенок двинулся в нашем направлении и протянул руку, Стивенсон взял ее своими крупными ладонями и развернул, открыв

взгляду неровный участок депигментированной кожи, около 5 см длиной.

“Ему интересно, ваше мнение, на что это похоже?” - перевела Мадж.

Стивенсон отпустил руку и улыбнулся мальчику. Затем взглянул еще раз: “Похоже на рану от осколка”.

В комнате появилась мать Лилли, в голубом спортивном костюме и с заколотыми волосами. Она смотрела на происходящее с нескрываемым скептицизмом и очевидно, была не очень довольна нашим присутствием.

Мадж объяснила ей, что мы здесь потому, что бабушка девочки заинтересовалась ее поведением и дала знать об этом.

“Лилли? - это было сказано с изумлением. - Я не знаю ни о чем подобном. Может быть, играя, она просто подражает взрослым?”

Мы расспросили ее еще немного, но ответ был прежним: Лилли никогда не говорила ничего такого, что можно было интерпретировать, как воспоминания о предыдущей жизни.

В конце Стивенсон спросил, может ли он сфотографировать необычный шрам близнеца.

После небольшой консультации с родителями мальчика (они беседовали где-то вдали от нас), дед отказал нам, с извинениями: “К сожалению, мой сын и невестка не хотят этого. Это все пустое, с их точки зрения. Мы родились, мы живем - это единственное, что имеет значение”.

Мы решили поехать в небольшую деревеньку под названием Фалуха, в 35 километрах от Бейрута, чтобы поговорить с бабушкой Лилли, возможно у нее были какие-то основания для того, чтобы считать внучку реинкарнированной. Ее не было дома, но соседка сказала Мадж, что мы найдем ее в ее обувном магазинчике на главной улице поселения.

Магазин был крошечным, размером с больничным шкафом для картотеки, вдоль стен разместились полки с обувью. Она одиноко сидела там, с включенным электрическим обогревателем перед входом. Привлекательная, стройная, темноволосая женщина с короткой стрижкой, лет сорока с небольшим. Когда мы объяснили, кто мы такие, она сходила в подсобку и вынесла еще три стула, расставив их вокруг электронагревателя.

“Каждый раз, когда я вижу Лилли, я пытаюсь выяснить у нее, - сказала она нам. - Но она говорит очень мало. Может быть, мне показалось, что она говорит со своими детьми, а на самом деле она играла в куклы. Хотя, она действительно очень трогательно к ним относится и еще, она очень ласкова с малышами. Этого, конечно, недостаточно, я понимаю. Нужно услышать, что-то

типа: «Я была такой-то. Жила в такой-то деревне»».

Она помолчала, собираясь с мыслями, затем продолжила: «Знаете, я не верила в реинкарнацию, меня только недавно убедили, что она возможна».

Мы поблагодарили ее и вышли из магазина. Оказавшись на улице маленького ливанского городка, под теплыми лучами уходящего за горы солнца, я внезапно осознал, что это было наше последнее интервью. Услышанное, некоторым образом, обнадеживало: несмотря на заявления девочки, члены её семьи, по общему признанию верующие в реинкарнацию, отказались делать поспешные выводы или приукрашивать слова ребенка.

И было еще что-то важное, за что я никак не мог зацепиться мыслью. Ее бабушка и дедушка говорили нечто схожее. Наконец я вспомнил: они собирались наблюдать за девочкой и ждать того момента, когда доказательства станут неопровержимыми. Научный подход.

Я попрощался со Стивенсоном в аэропорту Шарля де Голля. Он летел в Штаты, а мне, прежде чем лететь домой, нужно было попасть в Лондон. Сидя в электричке, следующей из аэропорта Хитроу, я наблюдал за скромным пригородом, из сплошь одинаковых кирпичных домиков с эркерами и островерхими крышами и такими же одинаковыми садовыми заборчиками, напротив друг друга. Вскоре вид сменился, за окном протянулось, непривычно зеленое для ноября, поле для гольфа, за которым потянулись серые и однообразные правительственные небоскребы. Перед тем, как электричка въехала, собственно, в город, за окном проплыло практически пустое кладбище, лишь одинокий человек в коричневом плаще стоял с цветами перед свежим захоронением. Он привлек мое внимание и я успел рассмотреть его, неподвижно смотрящего в свежую насыпь могилы. Даже на таком расстоянии было видно гравированное горем лицо, его боль, казалось, была такой непреодолимой силы, что могла остановить даже наш уходящий поезд. Но, ее все же было недостаточно, чтобы вернуть того, кого он потерял.

Когда северо-американское побережье скользнуло из под слепящего края крыла самолета, я почувствовал себя так, словно медленно вынырываю из какого-то сна. Отсюда, с высоты 10 км и океаном позади, Ливан сжался до размера моего черного, выдавшего виды рюкзака, стоявшего у ног. Рюкзак всегда путешествовал вместе со мной. Сейчас он хранил в себе 5 репортерских блокнотов, от начала и до конца исписанных описаниями наших поездок и интервью. Все это в один момент перестало быть чем-то непостижимым, превратившись в обычную журналистскую деятельность. Я записывал все это крайне старательно, обдумывая и анализируя каждую деталь. Но, теперь нужно было постараться абстрагироваться от деталей и узреть ситуацию в целом.

В чем я участвовал и что наблюдал последние три недели - фундаментальный обман или же нечто фундаментальное? Я по прежнему не знал, как мне относиться к этому. Доказательства выглядели неубедительными или я просто не хотел делать выводы?

Еще в моем рюкзаке лежала огромная, высотой в 30 сантиметров пачка научных статей, отсканованных из различных научных журналов. Я засунул ее в рюкзак по дороге в Ливан, рассчитывая просмотреть их, но так и не удосужился это сделать. Достав копии, я стал разбираться, вникая в длинные, с частыми сносками дискуссии сторонников и последователей Стивенсона. Подавляющее большинство аргументов противников Стивенсона ранее уже было сведено в одну книгу Полом Эдвардсом. Его резюме было однозначным: дети фантазируют. Культурная среда и религиозные верования общества обуславливают бессознательный сговор детей и родителей, соседей и знакомых. Вот откуда рождаются эти случаи реинкарнации.

В защиту своей точки зрения скептики приводили те самые доводы, которые я и сам долго обдумывал: фактологические несоответствия, даже в самых доказательных делах, возможность существования связей между семьями, какая-то мотивация у тех, кто считал себя перерожденным.

Я включился в работу на полной мощности. Закончив через пару часов, я обрел уверенность, что существующая критика не объясняет того, чему я был свидетелем в Ливане.

Мне понравились слова одного скептика, Е.Б. Броди, который взглянул на тему с другой стороны: "Проблема заключается не столько в качестве данных, которые приводит Стивенсон, сколько в том, что для того, чтобы принять идею реинкарнации, все основания нашего знания должны исчезнуть или быть пересмотрены".

Другими словами, выдающиеся утверждения требуют таких же доказательств. С точки зрения западного ученого, идея, что живые дети могли воплотить в себе хоть какую-то часть умершей личности, была конечно неоправданно претенциозной. Но кто сказал, что усилия Стивенсона занимающегося своей деятельностью уже более 30 лет, были менее выдающимися? Вопрос, который меня тревожил, был в том, достаточно ли этих усилий?

Другая группа писателей не имела вопросов к качеству фактического материала. Они выдвигали свое объяснение, по их мнению, наилучшим образом факты собранные Стивенсоном объяснялись сочетанием экстрасенсорной чувствительности и детской внушаемости - телепатической способностью получать детали из жизни умерших. Большинство авторов не подводило никакой теории под эти объяснения, но интуитивно (а может и телепатически, чем черт не шутит) мне казалось, что они находились под впечатлением лабораторных парапсихологических исследований по экстрасенсорике, некоторые из которых показывали пусть и незначительные, но последовательные результаты, в то время как ни грамма души до сих пор не измерили.

Аргумент против этой группы был прост: дети не говорили, к примеру: “У предыдущей личности было три коровы”, как они должны были говорить, если бы получали информацию телепатически. Они говорили: “У меня было три коровы”, как если бы они были этим самым человеком. Еще одним аргументом против был простой вопрос: если это проявление телепатических способностей, то почему они проявляются так узко, ограничиваясь лишь информацией об одном умершем человеке. Почему эти способности не распространяются на что-нибудь другое?

Выдвигались и более альтернативные объяснения, дескать, все дело в энергетических полях неизвестной природы, которое каким-то образом перетекают от умершего к новорожденного. По сути, это была та же реинкарнация, только названная другими словами. А словесная конструкция “энергетическое поле неизвестной природы” уже давно имело другое определение, которое звучало как *душа*.

На дне моей пачки лежали так называемые “вторичные исследования” - исследования предпринятые учеными по приглашению Стивенсона.

Вывод антрополога Антонио Миллса, изучившего 10 индийских случаев, был типичным среди них:

Приступая к расследованию я был готов обнаружить, что некоторые, если не все случаи могут оказаться мистификацией, совершаемой из разных причин, например, желанием семьи и/или ребенка ощутить принадлежность к некой высшей касте, некую исключительность. Расследование разбило эти предположения.

Мой опыт говорит о том, что любой независимый исследователь, применяя методы Стивенсона, придет к тем же результатам. Некоторые аспекты исследуемых случаев нельзя объяснить нормальным образом. Я не нашел подтверждений мошенничества или обмана в исследуемых делах.

Как и Стивенсон, я заключаю, что ни одно из исследуемых мной дел не является неопровержимым доказательством реинкарнации или какого-то другого паранормального явления. Для меня это всего лишь несколько дел, среди растущего множества иных случаев, объяснения которым не находится в рамках обычных представлений.

Сильное утверждение. Тем не менее, Антонио Миллс попадал в группу “независимых проверяющих”, которых злые языки называли зависимыми от Стивенсона. Частично это было правдой: эти люди были вне команды доктора, но получали от него финансирование. Вдобавок к этому, были еще и личные отношения между ними. Один из них, австралийский психолог, Юрген Кейл, высказал это прямо:

Мое отношение к Йену Стивенсону может быть описано такими выражениями, как профессиональная признательность и личная дружба. Некоторые читатели могут задаться вопросом, а хорошее ли это основание для независимого исследования? Зная Стивенсона, могу заверить, что он будет рад результатам любых серьезных научных исследований, независимо от того, совпадают они с его собственными результатами или расходятся.

Несмотря на весьма искренний тон, я видел, что найдутся люди, которым будет не по душе эта уверенность. С другой стороны, мне было все равно, зависим Юрген Кейл или нет: я был сам по себе и видел все своими глазами.

В последующие несколько дней я все еще переваривал эту информацию, когда мне пришло электронное письмо от Стивенсона: он собирался в свое последнее путешествие по Индии и хотел знать, буду ли я сопровождать его

там. Обходными путями и множественными оговорками он предупреждал, что работа в Азии более утомительна, опасна и более требовательна, чем в Ливане. Это дало мне время собраться, привести в порядок дела и подбить финансы, но я даже не думал о том, чтобы не поехать.

Одним из самых веских аргументов против того, чтобы рассматривать случаи Стивенсона как доказательства реинкарнации, была идея, что религиозные верования в обществе индуцируют эти многочисленные самоподдерживающиеся фантазии о прошлых жизнях. Это было справедливо как для друзей Ливана, так и тем более для Индии.

Я не многое знал об индийской культуре и индуистских верованиях в реинкарнацию, но предполагал, что они схожи с культурой и верованиями друзей так же, как и культура друзей похожа на нравы, господствующие здесь, в Майами-Бич. И еще я знал следующее: если феномен детей с воспоминаниями о предыдущих жизнях имел чисто культурную природу, тогда сходства между делами в Ливане и Индии будут поверхностные, в лучшем случае.

А что, если не поверхностные? Что если они окажутся такими же, как и мне довелось увидеть в Бейруте? Что же, тогда в очередной раз мне придется убедиться в следующей максиме: простых ответов не бывает.

Часть 3

Индия - дети нищеты

Молочник

Как только мы совершили ночную посадку в аэропорту Дели, салон самолета сразу наполнился тяжелым, едким запахом дыма. Я испытал облегчение, узнав что с самолетом все в порядке, но на протяжении всего пути через невзрачный пассажирский терминал, я продолжал недоумевать: откуда же берется этот запах? Мы вышли в ночь и обнаружили, что весь аэропорт был окутан дымом, словно туманом. Маленькие, похожие на шмелей, желто-черные такси, сигналили в дымке прямо перед центральным входом, в то время как люди выжидающе толпились перед кордоном безопасности. Как только мы со Стивенсоном вышли наружу, какой-то человек (как оказалось, наш водитель) схватил наш багаж и не говоря ни слова понес его в темноту, за сотню шагов от выхода, к небольшому универсалу. Положив сумки в багажник, водитель попросил меня отодвинуть соседние машины, так как автомобиль был сильно зажат на парковке.

Через некоторое время мы выехали на шоссе к Дели. Стояла ночь и дорога была практически пустой. В свете фар по прежнему клубился дым, я ожидал что мы вот-вот выедем из задымленной местности, но он стал только плотнее и я начал испытывать нехватку воздуха.

- Ночью дела с дымом намного хуже, - сказал Стивенсон.
- Вы имеете в виду, что дым здесь каждую ночь? - изумленно спросил я.
- Это жгут навоз, - объяснил Стивенсон, пристально глядя в темноту и, по видимому, не особо беспокоясь о своих проблемах с легкими. - Сегодня может немного хуже, чем обычно.

Индия, такая пугающая для западных туристов, для Стивенсона была своя в доску. Здесь прошло его первое полевое исследование. И сейчас, спустя 37 лет, вероятно будет последнее.

Наш отель являл собой выцветшее 5 этажное здание, расположенное на одной из главных улиц Дели. Номера располагались в три ряда вдоль открытого балкона. Мой повидавший виды номер выглядел неопрятно с незаконченным ремонтом и грязной ванной с не выложенной до конца плиткой. Ковер в центре был разорван, а местами откровенно грязен.

Тем не менее, в сравнении с 60-ми, когда Стивенсон приезжал сюда в свои первые поездки, такую комнату можно было считать суперлюксом. Тем более,

что простыни все-таки были чистыми, а из крана шла горячая вода.

Спал я урывками и проснулся от хриплого карканья ворон за открытым окном. Небо было в дымке, но ясным, а запах дыма практически исчез. Утро мы провели в ожидании доктора Сатвант Пасрич, индийского психолога, помогавшей Стивенсону в его поездках и проводившей свои собственные исследования, руководствуясь его методами. Она вылетела из Бангалора, где работала в Национальном институте психического здоровья и неврологии. За десять минут до полудня она появилась в холле - невысокая, ладно сложенная женщина в пурпурном сари и двумя сумками за плечами, на лбу был красный знак касты, а шею украшало простенькое жемчужное ожерелье. Мы встретились за завтраком, после того как она отнесла вещи в номер. Она пролистывала заметки и намечала маршрут нашего исследования. Открытое лицо и благородные манеры внушали симпатию. Было интересно воочию увидеть человека, который так часто подвергал критике исследования Стивенсона, но тем не менее неизменно фигурировал в списках благодарностей его работ.

Сатвант была сикхом, последователем религии с 400-летней историей, которая синтезировала в себе элементы индуизма и ислама, в попытке объединить доминирующие религии. Из индуизма сикхи взяли идею перерождения души, они верят, что душа перерождается в зависимости от поступков ею совершенных. Добродетельная душа рождается заново в хорошей семье, в то время как злая - в нищете и страданиях, или даже в теле животного. Многие скептики, отвергали исследования Сатвант именно по причине ее веры.

Я не рассматривал эту критику серьезно. В рамках этой логики, если отстранять от исследования людей которые верят в реинкарнацию, то также нужно дисквалифицировать и тех, кто верит в то, что личность прекращается вместе со смертью.

Когда я спросил ее об этом, она ответила так: “Прежде все ты ученый, а затем уже индеец, или кто-нибудь еще. Кроме того, то что я увидела в этих случаях полностью разнится с верой индусов в реинкарнацию”.

На самом деле, когда помощник сообщил ей, что Стивенсон ищет индийского психолога, заинтересованного в проведении такого типа исследований, она выразила сильные сомнения.

“Я не думала, что такие случаи вообще возможны, - сказала Сатвант, - и точно также повторила это Стивенсону, на что он ответил: «Просто посмотришь». В общем, я согласилась поехать и взглянуть. Сперва мы

приехали в деревню, где жил умерший, его брат повел нас в деревню, где жила эта маленькая девочка. Долго шли по полям. Когда наконец добрались, эта девочка прыгнула на шею к брату и обнимала его. Это было трогательно. Затем она рассказала нам о своей смерти: она пошла набрать воды из колодца, наклонилась над ним, упала и утонула - я своими глазами видела какой ужас она испытывает от своих слов. Это сложно передать словами, но было что-то в ее поведении, что заставило меня усомниться в собственном критическом настрое”.

Завтрак прошел неторопливо. Мои глаза слипались после перелета, я с нетерпением ждал конца беседы, чтобы рухнуть на кровать в своем номере и поэтому, наполовину ее прослушал - Стивенсон и Сатвант составляли график поездок. Наконец, Стивенсон заявил: “Думаю, мы могли бы пойти посмотреть на тот случай, о котором Сатвант узнала через газету. Это недалеко”.

Спустя 10 минут мы сели в нанятый автомобиль и погрузились в хаос городских улиц. Дели превосходил Бейрут также, как тот Бока-Ратон [маленький город на побережье Флориды]. Люди, животные, автомобили, велосипеды и мотоциклы, все это сливалось в одном ошеломляющем гуле, как если бы все люди на земле решили прожить свои жизни в одном месте и в одно и тоже время. Огромное количество самых разнообразных грузов, начиная от кирпичей и заканчивая тюками с сеном, которое находилось на велосипедах, делало их похожими на небольшие пикапы. Чудовищно перегруженные мешками с зерном грузовики, протискивались сквозь трафик. Волы и буйволы измученно тянули шаткие деревянные телеги, мулы и лошади фыркали, изнемогая от жары и поклади на их спинах. Велорикша, с сиденьем для двух пассажиров, казалось, сейчас развалится под весом целой семьи. Мимо проезжали мопеды, с огромными связками грузов на багажнике.

Вдоль тротуаров, по уши в грязи, трудилось множество мужчин, детей и женщин: разбивая камни кувалдами, они складывали их в большие плетеные корзины и уносили. Это был проект по расширению проезжей части, как объяснила Сатвант. Они бросали их на обочине узкой асфальтированной дороги, а затем прыгали на них, утапывая своим весом. Дети играли с пустыми корзинами, матери махали кувалдами, пыль вздымалась коричневой дымкой. Среди жалких лачуг из пластика и камня, по тропинкам среди огромных мусорных куч бродили люди. А сразу за небольшим зловонным каналом начинались прекрасные цветущие сады. В бурьяне, на корточках справляли нужду мужчины - среди миллиардного населения Индии 700 млн. человек не имело доступа к водопроводу. Мимо проходили женщины,

грациозно балансируя разнообразной покладью на головах. На разделительной полосе дороги, похожие на большие тарелки, сушились кучи навоза. Дети играли в крикет, обозначив ворота деревянными жердинами. По обочинам сидели парикмахеры. У открытого канализационного стока мужчина мыл свою лошадь, рядом в воде валялись свиньи. Одетые в тюрбаны лавочники курили кальян, передавая его по кругу друг другу. Кучи народа нависали над любителями азартных игр. На открытом огне готовилась какая-то еда. Через дорогу бегали крысы. На расстоянии вытянутой руки от автомобиля, проплыло что-то огромное, серовато-коричневого цвета. Я вздернул голову и взглянул прямо в обузданную, исходящую пеной пасть верблюда, запряженного в телегу. Сенсорную перегрузку завершал ураган запахов пищи, пота и гнили, врывающийся через приоткрытые окна автомобиля.

Где я *был*? Мой ум отчаянно защищался от потока информации, хлынувшей на все мои чувства. Это было видение будущего? Может быть Дели был антиутопией, ожидавшей человечество, когда оно переполнит планету. Я чувствовал себя достаточно скверно, мое восприятие подверглось культурному шоку, хоть меня и предупреждали об этом заранее.

Мы медленно ползли на север и наконец толпы народа уступили место зеленым полям гороха и пшеницы. По одной стороне дороги, перебирая горох, на корточках сидели женщины, с другой стороны без тени стеснения мочились мужчины. Чуть далее, в кювете, разбросав по дороге свой груз сахарного тростника, на боку лежал перевернутый трактор.

Через полтора часа езды мы пересекли грязную, дурно-пахнущую речушку. Девушки и женщины, толпясь на отмели по колена в воде, хлопали бельем по камням. Армия оборванцев копала оросительный канал от реки, укрепляя стенки кирпичами по мере продвижения.

Поток женщин с глиняными и медными горшками на головах струился впереди нас в направлении деревни. Это множество кирпичных лачуг и было деревней Хуан - пунктом нашего назначения. Мощеная дорога превратилась в непролазную грязь, как только мы подъехали к ней. Водитель включил пониженную передачу, машина угрожающе плавала из стороны в сторону.

“Это не первый случай на моей памяти, когда нужно будет выйти и толкать,” - ободряюще заметил Стивенсон. К счастью, мы выбрались на твердое покрытие и почти сразу остановились. Канализационные ручейки сбегали прямо к центру улицы, вокруг жизнерадостно бегали дети в лохмотьях. Двое сорванцов загнали в угол собаку и стегали ее обрывком веревки. Собака

вырвалась и побежала прочь, мальцы со смехом пустились в погоню.

Семья, к которой мы приехали, жила на небольшом возвышении, в конце узкой грунтовой дорожки, там, где местная ребятня устроила импровизированное поле для крикета; для игры они поставили палки и сделали мяч из тряпок. Это было двухэтажное кирпичное строение, в котором, несмотря на земляные полы, все же были двери и окна со стеклами. Идти к нему пришлось через грязный внутренний двор, мимо водонапорной колонки и трех привязанных черных буйволов, лениво отмахивающихся от мух.

Предмет исследований, похожая на мальчика семилетняя девочка по имени Притти, довольно маленькая для своего возраста, с круглым лицом и короткими черными волосами, смущенно стояла в сторонке. На ней была толстовка, с изображением двух бейсболистов на фоне слогана “Лучшие на Западе”. Ее родители притащили две деревянные скамьи с плетеными сиденьями и мы приступили к интервью.

Отец, Тек Рам, был сотрудником телефонной компании в Дели. Шесть дней в неделю он садился на автобус и ехал на работу, по два часа в одну сторону.

Как только Притти начала говорить, рассказал он, она сказала своей сестре и брату: “Это ваш дом, не мой. Это ваши родители, не мои. - Своей сестре она сказала, - у тебя один брат, а у меня четыре”. Потом, она сказала, что зовут ее Шейла, а не Притти и сообщила имена своей настоящей матери и отца. Она умоляла, чтобы ее отвезли домой, в городок под названием Лоа-Маджра, в 12 милях отсюда.

В этой забытой богом деревушке, удаленной от культуры и цивилизации, мы столкнулись ровно с тем же, что было в Бейруте.

Здесь, однако, история приняла другой оборот. Ее родители сказали, что никогда не были в Лоа-Маджра и вместо того, чтобы послать кого-то туда узнать насчет девочки, убеждали ее перестать говорить глупости и проигнорировали ее просьбы.

Отсутствие в семье интереса к истории делало это дело достаточно прочным, по моему мнению. Если бы история девочки подтвердилась, ее родителей нельзя было бы обвинить в том, что они подготовили девочку.

Мать Притти вынесла поднос с горячим чаем, солеными орешками и сладостями из вареного молока и сахара. Это поставило меня перед серьезным выбором: отказываясь от угощения, я рисковал обидеть хозяев, а согласие давало немалый шанс заболеть каким-нибудь серьезным заболеванием. Стивенсон, которому однажды пришлось провести целую неделю, ухаживая за заболевшим от местной еды помощником, посоветовал

мне пить чай небольшими глотками и надеяться, что все обойдется. Что я и сделал, с некоторым опасением, в то время как отец продолжил свой рассказ.

“Когда Притти был 4 года, она разговорилась с молочником: «Эти люди не хотят отвезти меня в мою деревню. Ты отвезешь меня туда?»”

В этой дыре есть молочник? Но, чуть позже я понял, что речь идет не о том парне, который оставляет бутылки на крыльце, а о рабочем. Парень доил буйволов в обмен на молоко.

Молочник рассказал эту историю женщине, уроженке Лоа-Маджра. Знала ли она семью в родной деревне, которая потеряла дочь по имени Шейла?

Та рассказала, что в Лоа-Маджра действительно есть семья, которая потеряла в автокатастрофе девочку-подростка. Ее звали Шейла.

Вскоре семья из той деревни узнала про эту историю и несколько мужчин, включая отца Шейлы приехали поглядеть на Притти. Тек Рам рассказал, что Притти узнала отца и они поехали вместе обратно, где она опознала много чего еще. Это было два года назад.

Мы со Стивенсоном часто обсуждали эти моменты. При поверхностном взгляде, эти свидетельства казалось впечатляющими доказательствами в пользу реинкарнации. Но были и проблемы. Учитывая, что происходившее имело место в деревне, эти события всегда вызывали большой ажиотаж и всегда сопровождалась многочисленной толпой зевак, любой из которых мог подсказывать девочке ответы на вопросы, если не специально, так случайно, например, взглядом.

Мы попытались выяснить подробности того, как Притти узнала своего отца. Она знала, что тот приедет?

Нет, сказал Тек Рам. Когда тот приехал, она была в школе с ее сестрой. Девочки вернулись и нашли дом, полный людей. Мы поинтересовались, можно ли поговорить с 11-летней сестрой Притти. Одетая в зеленый платок, также как и ее мать, она зашла и села рядом с Сатвант, еле слышно отвечая на наши вопросы.

“В доме было полно народу, когда мы пришли, - повторила она слова отца. - Притти потянула меня к себе и прошептала: «Мой отец здесь»”.

Потом, добавил Тек Рам, когда ее спросили про отца, она подошла к нему и обняла. С тех пор, она приезжает в ту деревню по всяким торжественным случаям.

До того момента, она была очень замкнутой, ни с кем не играла. “После того, как она повидала предыдущую семью несколько раз, она сильно изменилась. Перестала грустить”.

“Она когда-нибудь рассказывала о том, как умерла в прошлой жизни?” - спросил Стивенсон.

“Все что она говорила: «Я упала сверху и умерла», - ответила ее мать. - Однажды я ее спросила: «Как ты попала сюда к нам?», она ответила: «Я сидела на берегу реки и плакала, не могла найти свою мать. Тогда я пошла к тебе»”.

Перед тем, как мы уехали, отец Притти принес стопку вырезанных публикаций из индийских газет, посвященных делу дочери. Некоторые хранились в пластиковых бутылках. Он с гордостью показал мне надпись, сделанную одним профессором философии, который приезжал исследовать дело Притти. Это была цитата Сократа: “Жизнь без познания лишена всякого смысла”.

Когда мы шли обратно по узенькой тропке, водитель пристроился ко мне и сказал: “Вы должны дать им что-то. Немного денег”.

Я передал сообщение Стивенсону. “Мы не станем этого делать, - сказал он водителю. - Это испортит информацию”.

Сатвант, вслушиваясь в наш разговор, сказала: “Должно быть он что-то наговорил семье, наобещал им денег. Нужно поговорить с ними”.

Она развернулась и пошла обратно к Тек Раму, некоторое время они негромко говорили.

Вернувшись она сообщила следующее: “Он ничего не ждет от нас. Он работает на госслужбе и у него хороший доход. Думаю, он был смущен словами водителя”.

Вечерело, солнце падало за горизонт, освещая последними лучами ясное, голубое небо с зеленоватым отливом. Несмотря на канализацию под нашими ногами, в воздухе буйствовал аромат зеленой пшеницы. Вокруг колодца, в длинных, цветных шелковых платьях и с платками на голове толпились женщины, набирая воду в ведра.

Интервью заняло целый день, кроме того, нам предстоял двухчасовой путь обратно в Дели. Я подумал о подвиге Стивенсона: две с половиной тысячи дел по всему миру, включающие в себя множественные опросы по каждому делу. Глядя на эти туго набитые папки с рукописными записями, я не мог не оценить по достоинству проделанную работу, даже из соображений чисто физической выносливости.

Мы запрыгали по разбитой дороге, когда внезапно свет фар померк. Также, как и другие водители, наш постоянно подмигивал каждому встречному автомобилю, но включить фары отказался, под предлогом сохранения

аккумуляторной батареи. Неясное ощущение опасности, целый день блуждающее по периферии моего сознания, наконец-то прорвалось наружу: маленькая асфальтированная полоса дороги, ограниченная с каждой стороны ирригационными каналами, была едва достаточной для разъезда скутера и автомобиля. Ее совершенно не хватало для того, чтобы разъехаться автомобилю и автобусу, или грузовику, которые, внезапно материализуясь, выскакивали на нас из сумерек, без всякого намерения снизить скорость.

“Правила дорожного движения в Индии: кто больше тот и прав,” - прочитал мои мысли Стивенсон с заднего сиденья.

Ничего удивительного, что Шейла погибла под колесами автомобиля.

Меня заинтересовало, что несмотря на страшную смерть Шейлы, Притти немного говорила о ней. И что ее родители, несмотря на явное наличие интереса к делу, о чем свидетельствовали хранимые ими газетные вырезки, удержались от искушения приукрасить слова Притти.

“Упала сверху” не имело ничего общего с наездом автомобиля, если только...

“Если будем говорить с семьей Шейлы, - сказал я, - нужно спросить были ли очевидцы аварии. Однажды я был свидетелем того, как пешеход попал под колеса. Он пролетел метров пять в воздухе, что в принципе можно классифицировать как “упала сверху”, думаю так”.

Позже выяснилось, что прежде чем мы снова вернемся к делу молочника, нам придется проделать тысячи миль и объехать всю северную Индию. Несколько раз у нас были короткие остановки в Дели, но времени совершенно не хватало. Один раз, мы все же попытались выехать из Дели в направлении Лоа-Маджра, но через несколько миль городских пробок признали свое поражение и вернулись обратно в гостиницу.

Когда же наконец в нашем распоряжении оказался целый день в Дели, мы позавтракали и выжидали, когда в городском движении появится “окно”, чтобы можно было выехать. За это время, пролистывая дело Притти, Стивенсон наткнулся на заметку индийского журнала “Увлекательные истории”, в которой было описание автомобильной аварии: 15-летняя Шейла, вместе с другими женщинами, шли косить траву для скота. Шейла забыла своей серп и побежала за ним обратно через дорогу.

Я прочитал что происходило дальше и замер. Литературный оборот “не мог поверить своим глазам” подходил ко мне в полной мере. Я еще раз медленно перечитал предложение: автомобиль ударил Шейлу и ее отбросило в воздухе

на 3-4 метра.

Я был поражен, а потом засомневался - может быть, такими деталями автор просто решил приукрасить происшествие?

Тем не менее, в статье не было ни слова про “упала сверху”, и таким образом, не было никаких мотивов для приукрашивания.

Деревня Лоа-Маджра была побольше, чем та, в которой жила Притти. Сразу после въезда вдоль потянулись ряды магазинчиков, расположенных в трехэтажных бетонных зданиях. Мы притормозили, чтобы спросить дорогу у группы мужчин, стоявших перед входом у магазина. Один из них оказался братом Шейлы. Он запрыгнул в машину и стал показывать дорогу. Мы проехали центр, спустились с пригорка, прочно увязли в грязи и вышли из автомобиля: слева было поле, справа кирпичная стена. Бросив машину и пройдя вперед сотню метров, мы свернули направо, в грязный десятиметровый тупичок с открытыми воротами. На большом дворе, окруженном глиняным забором, стояло несколько кирпичных строений: семья Шейлы выглядела более зажиточной, хоть вероятно была из той же касты, что и семья Притти. Каран Сингх, так звали отца Шейлы, работал портным и дополнительно вел домашнее хозяйство. Жилой двухэтажный дом был хорошо оштукатурен, с террасой на втором этаже с видом на двор и окружающие поля. Помимо деревянных скамей, сыновья Карана вынесли кресла из ротанга с удобными пуфиками. Стивенсон отказался садиться в кресла, предпочтя им край скамейки.

Мы быстро представились. В считанные минуты, двор заполнился многочисленными любопытными соседями. Пока мы разговаривали, десятилетний мальчик самостоятельно стирал свою одежду под колонкой.

Отец Шейлы сидел напротив полуденного солнца, в черных очках авиаторах. Волосы у него были черные, но седая щетина вступала в контраст с орехово-коричневой кожей. Я предположил, что он должен быть достаточно высоким - не меньше 1,80м, так как одно из заявлений Притти в семье было таково: “Мой отец выше тебя”. К сожалению, во время той поездки мы упустили этот момент и не измерили рост Тек Рама, так что сравнить было не с чем. Но даже когда он сидел, было видно, что это достаточно высокий человек.

Еще одно заявление Притти звучало следующим образом: “Мой дом большой, а ваш дом - маленький”. Здесь все совпадало в точности, не оставляя никаких сомнений.

Каран подтвердил историю с молочником. Тот рассказал бывшей уроженке

нашего села, а та, в свою очередь, рассказал все его жене. На следующий день, Каран со своим сыном и несколькими односельчанами отправились повидать девочку.

“Нам было интересно выяснить, что там творится: правду она говорит или нет,” - объяснил он.

Мы попросили его в точности рассказать, как произошла встреча.

Сперва, рассказал он, мы зашли к той женщине, которая передала новость, она указала нам дом Притти. Когда мы туда пришли, там была только ее семья и сосед. Но слух о нашем приезде распространился и через некоторое время собралась толпа.

“Мы хотели проверить ее, так что мы не не говорили никаких имен, но Шейла смотрела только на меня, а потом вернулась к игре. Потом ее мать сказала: «Ты говорила про своего отца, где он?». Она показала на меня и сказала: «Это мой папа». Один из соседей спросил: «Как зовут его?», она сказала мое имя, имя жены и название деревни. Затем, кто-то сказал: «Не надо показывать издали, подойди и докоснись до него». Она прошла через толпу и уселась ко мне на колени, обнимала за шею и не хотела уходить. Шептала мне на ухо: «Пожалуйста, забери меня домой».

Я был полностью убежден. Вдобавок ко всему, она еще и выглядела так же, как моя дочь”.

Стивенсон спросил есть ли фотография Шейлы. Один из сыновей скрылся внутри дома и вернулся с фотографией. Десяток детей на ней выстроились в два ряда. Каран ткнул пальцем на девочку в центре: “Здесь ей десять или одиннадцать”. С фотографии, прямо в камеру, трогательно смотрела девчушка в голубом свитере. Какое-то трудноуловимое сходство проглядывало между Притти и этой девочкой на фото, хотя разница в возрасте затрудняла сравнение. Хотя, Каран, конечно, знал как выглядела его дочь в возрасте Притти. В любом случае, это не считалось убедительным доказательством. Впрочем, говоря о сходстве, может быть он имел ввиду более тонкие материи, нежели просто сходство формы носа или линии подбородка. А может быть, просто выдавал желаемое за действительное: я могу себе представить интенсивность эмоциональной реакции, когда на твоих коленях сидит маленькая девочка и говорит: «Пожалуйста, забери меня домой».

“Вы расспрашивали ее про другие детали?” - спросил я.

“Было много народу, не очень хотелось этим заниматься, - ответил он, - это продолжалось до полуночи и Притти очень устала. Была пятница. Я сказал ей, что вернусь в воскресенье, но она вцепилась в меня и не отпускала: «Ты мой

папа, я хочу с тобой».

Родители Притти пытались отговорить ее, но она ни в какую. Наконец, расспросив ту женщину, с которой все и началось, они убедились, что она меня знает и отпустили Притти со мной”.

Чтобы добраться до Лоа-Маджра они взяли такси - трехколесное такси. Остановились ровно там же, где мы бросили свою машину и пошли по грязи.

“Притти привела нас оттуда прямо к дому,” - сказал Каран. - По пути, она увидела одного из братьев и без подсказки назвала его имя. Когда мы зашли в дом, он был полон гостей и родственников. Кто-то сообщил по телефону, что она приезжает. Притти узнала всех братьев и сестер. Люди спрашивали у нее, где то-то и то-то, а она показывала пальцами. Потом развернулась и спросила: «Где Мунни, она ушла к своему мужу?»”

Мунни - сестра Шейлы, с которой они были особенно близки. Она вышла замуж перед несчастным случаем. В тот раз, ее не было дома, она была в доме мужа.

“Мунни пришла навестить ее на следующий день и Притти сильно плакала, когда увидела ее,” - сказал Каран.

С того момента, он больше не сомневался, что Притти перерожденная. Кроме того, в аварии, у Шейлы пострадало бедро и у Притти там было родимое пятно.

В предыдущую поездку, Стивенсон изучил эти родимые пятна и сейчас попросил Карана описать травму более подробно.

“Я не видел, - ответил он, - жена видела”.

Мать Шейлы работала в огороде. За ней послали и через несколько минут она явилась. Стивенсон спросил насчет травмы бедра у Шейлы. Мать указала на наружную сторону правого бедра. Муж начал спорить с ней: “Ты же говорила здесь,” - сказал он показывая на внутреннюю сторону. Та поморщилась. Стивенсон спросил снова, в этот раз она указала на внутреннюю поверхность, затем она призналась: “Я не помню. Я не помню даже какая нога это была”.

- Почему вы поверили в то, что Притти перерожденная? - спросил он у нее.
- Когда она пришла, я стояла среди других женщин; кто-то сказал ей найти свою мать и она указала на меня. Мой сын показал на своего брата и спросил: «Он старше тебя или младше?». Она ответила: «Он был младше меня. А сейчас старше». На следующий день она играла в доме и один из моих мальчиков: «Она прямо как моя сестра». На что Притти ему ответила: «Ты все еще не веришь, что я здесь?» Я всей душой

чувствовала, что это моя дочь. Однажды, когда мы вышли на улицу и собрались переходить через дорогу, она испугалась и сказала: «Нет, я больше не пойду».

Я спросил, не была ли она свидетелем происшествия. Она ответила, что нет, единственный кто был там, это брат Шейлы, сейчас он трудился в поле.

“Он был очень расстроен, - сказала мать. - Спустя две недели, ему приснился сон, что Шейла пришла и села на него. Она говорила: «Не бойся, я скоро вернусь». Он был испуган, потому что, это плохой знак видеть мертвых.

Мы немного подождали брата, чтобы задать ему несколько вопросов. Прошло двадцать минут, его все не было и мы решили собираться: нам было нужно еще поговорить с молочником. Мы попрощались и пошли обратно к машине, в компании отца Шейлы. Я попытался было представить, трудно ли Притти было выбрать верную дорогу. На самом деле, не было ничего сложного, достаточно было знать, где повернуть на перекрестке, а там, гул и крики собравшихся людей привели бы куда-надо.

Подходя к машине, мы увидели парня на велосипеде, с большим тюком сена привязанным к багажнику. Он остановится и поприветствовал Карана, оказывается это был его сын.

Сатвант уловив обрывки их разговора, догнала нас у машины: “Это брат Шейлы, который был свидетелем аварии”. Мы вернулись обратно и опросили его прямо в грязи, посреди улицы.

Он был на два года младше Шейлы, ему было двенадцать или тринадцать, когда она погибла. Шейла не взлетала в воздух, сказал он. Автомобиль ударил ее и протаскил по дороге. Она оказалась с одной стороны машины, а ботинки с другой.

Обувь тогда было достать непросто и поэтому, он стал носить ее ботинки. Потом он пересказал нам свой сон, в котором к нему приходила Шейла, точь в точь как мать, с одним лишь отличием:

“Она не говорила: «Я вернусь», - сказал он, - она сидела на моей груди и я был в ужасе. Она сказала: «Не бойся, ты меня больше не увидишь»”.

Мы проехали через довольно пустынную местность, по узкой асфальтированной дороге, с ирригационными каналами по обеим сторонам. Нам нужно было попасть в деревню Каркхода. Мы знали, что молочник живет где-то там, но это была довольно большая деревня, а у нас кроме его имени больше ничего не было.

Добраться до места заняло около получаса. По пути туда я писал в своем

блокноте, насколько позволяла ухабистая дорога и пытался осознать то, что мы выяснили в Лоа-Маджра. Я сделал два перечня: в одном был перечень того, что подтверждало заявления Притти, в другом - сомнения и вопросы, которые возникали.

Наиболее весомые доводы “за” складывались из многочисленных подтверждений ее заявлений. Были и дополнительные детали, которые вообще с трудом объяснялись, например, когда Притти заметила отсутствие замужней сестры Шейлы и назвала ее по имени.

На противоположной стороне находились родительские разногласия по поводу раны на бедре. Кроме того, версия матери о сне ее сына, отличалась от его версии, что косвенно тоже могло свидетельствовать о желании выставить дела лучше чем есть на самом деле.

Еще одним смутно тревожащим фактором было разногласие между показаниями отца Шейлы и семьей Притти. Тот рассказал, что когда он впервые пришел к ним, Притти была в доме, тогда как ее семья сказала, что она была с сестрой в школе.

И наконец, хоть воспоминания Притти о своей смерти, о том как она “упала сверху и умерла” находили подтверждение в журнальной заметке, они ничего общего не имели с показаниями свидетеля происшествия.

Тем не менее, всем эти сомнениям можно было найти объяснения. Может быть мать запомнила рассказ сына о своем сне, гораздо лучше чем он сам. Может быть журнальный отчет о смерти девочки был гораздо ближе к истине, чем воспоминания ее брата о происшествии, ведь в то время он был мал и смерть сестры нанесла сильный удар по его психике. Может быть родительские противоречия всего лишь говорят об изъянах нашей памяти, а не сговоре - никто не помнит деталей совершенно четко; небольшой сбой памяти, ничего страшного.

За исключением того, что доказательства этого дела на памяти как раз и держались.

Мы прибыли в Каркходу и припарковались на весьма людной главной улице. Открытые, без стекол, магазинные витрины тянулись по обеим сторонам грязной улицы. Здесь продавалось все, от благовоний до программного обеспечения. К этому времени я научился бороться с бомбардирующими меня чувственными впечатлениями, воображая себя осажденным средневековым городом (одним из тех, где развилась культура, которую я унаследовал), только что возникшим на месте перенаселенной

деревни, грязным и неустроенным, но неистребимо живучим.

Сатвант с водителем вышли из машины и исчезли в проходе между строениями. Стивенсон сидел сзади, я спереди, полуденный воздух жарко задувал мне в лицо через полуоткрытое окно. По улице, натужно рыча, полз обшарпанный синий автобус, в его открытые окна выглядывали люди. Мое внимание привлекла одна бледная, изможденная женщина, она высунулась в окно почти до половины. Автобус подъехал ближе и я увидел, как ее лицо пришло в ритмичное движение: рот начал открываться и закрываться, словно она собиралась что-то сказать. А затем, ее вырвало - раз, два, три, в том же ритме. Зеленый поток прочертил в воздухе дугу и ударился оземь. Словно в замедленном кино я видел, как отскочившие капли летят ко мне, через мое окно. Объезжая рвоту, рядом с машиной чуть не свалился велосипедист. Огромная свинья, лежавшая в грязи на другой стороне дороги, нехотя поднялась и не обращая внимание на дорожное движение, подошла к зеленой луже и стала ее вылизывать.

Я взглянул на Стивенсона. Он сидел глубоко погруженный в свои папки, по видимому, даже не заметив случившегося. “Вот тебе Индия, браток,” - пробормотал я себе под нос, доставая из кармана платок и аккуратно вытирая левую половину лица. Думать об этом не стоило.

Сатвант отсутствовала довольно долго, наконец, в одиночестве вернулся водитель: “Следуйте за мной, - сказал он, - мы нашли кого искали”.

Мы шли переулком довольно долго, вправо уходили еще более узкие дорожки. Мы прошли четыре или пять из них, прежде чем свернули сами. Струйки нечистот текли в кирпичных канавах по обеим сторонам улицы. Грубо сделанная кирпичная стена забора перешла в широкую толстую кладку. Сквозь дыру в заборе можно было увидеть затейливую двухэтажную постройку. Из раскрытых окон улицу оглашал саундтрек к фильму “Лихорадка субботнего вечера”.

Пройдя вниз еще полквартала, мы наконец пришли. Неказистое кирпичное жилище молочника располагалось в самом углу маленького внутреннего двора с водяной колонкой и небольшой, размером с телефонную будку, душевой с пластиковыми шторками.

Молочника звали Ранбир Сингх. (Сингх, как я выяснил, это довольно распространенное имя среди индусов и сикхов, в переводе “лев” оно означало пламенно верующего, с Караном Сингхом парень не имел ничего общего кроме имени). Он подтвердил историю, которую нам поведали семьи, с одним существенным уточнением: семья Притти не просто игнорировала ее просьбы

о поездке в родную деревню, они наотрез запрещали ей упоминать о другой жизни.

“Как-то раз я доил буйволов и слышал как они кричали на нее и по-моему даже отшлепали. Она подошла ко мне плачущей, обняла и сказала: “Увези меня в мою деревню, пожалуйста”.

Молочник, расстроенный случившимся, пошел к той женщине, которая и смогла передать слова Притти семье Шейлы. Он добавил, что когда Притти увидела ее, она немедленно назвала ее по имени. Правда, он не был свидетелем этому, так она рассказывала.

Он присутствовал при первой встрече Карана и Притти и в очередной раз, мы услышали слегка отличающуюся версию произошедшего. Он сказал, что Притти была в доме, когда пришли мужчины. С этого момента история стала другой: Каран говорил, что Притти смотрела на него, а потом вернулась к игре, до тех пор, пока ее мать не попросила показать пальцем на “отца”. В пересказе молочника, Притти сразу побежала к нему и обняла.

Ранбир сказал, что проводит нас обратно к машине. В руках у него была тяжелая палка: “Собаки,” - объяснил он. Мы пошли за ним по тропинке вокруг дома. Скопище тощих собак, лишь кожа да кости, сидели вдоль выгребных ям, заполненных зловонной жижей и зарычали, при нашем приближении. Ранбир взмахнул палкой, те немного отбежали, но продолжали нас преследовать, словно зловещие тени. Подойдя к автомобилю он сказал, что днем раньше, одна бешеная собака покусала женщину. Я обрадовался, что мы уже в машине.

У нас оставалась последняя остановка: женщина, которая рассказала историю Притти семье Шейлы.

Вечерело. Когда мы подъехали к дому этой женщины, несколько семей готовили ужин, разжигая при помощи лучин большой, сильно коптивший, навозный диск. Где-то слышался детский плач. Женщина, к которой мы приехали, была закутана в темный платок, так что очертания лица нельзя было разглядеть. Она повторила то, что мы уже неоднократно слышали, но настаивала на том, что Каран сначала пришел к ней сюда, в ее дом. Тогда она послала за Притти и именно здесь та узнала его, а не в своем доме.

- У нас уже три версии произошедшего, а может даже четыре, если считать отдельной версию молочника, - заметил я уже в машине, по пути обратно в Дели. - Единственное, в чем все сходятся, что в какой-то момент и в каком-то доме Притти все-таки узнала его.
- Я думаю, эта женщина пытается преувеличить свою роль в этой истории,

- сказала Сатвант.

- Да, такое бывает в маленьких деревеньках, - согласился Стивенсон.

С минуту мы ехали молча, затем он добавил: “Что-же, я думаю скептикам понравится этот случай”.

Сатвант взглянула на него заинтересованно: “Что вы имеете в виду?”

Я повернулся к ней: “Позвольте мне ответить. Итак, у нас есть ребенок, она очень несчастна со своими родителями и убеждена, что ее не любят. Женщина, у которой мы только что были, может быть не единственной в этой деревне, кто родился в Лоа-Маджра. Их может быть несколько и все они могут быть знакомы с семьей Карана. И вот однажды, Притти гуляет по деревне, встречается с этими женщинами, которые вспоминают старые деньки, и между делом, упоминают погибшую Шейлу, имена ее родителей, то как они скорбят по своей утрате. И Притти думает: «Может быть я и вправду из другой семьи, раз меня здесь не любят. Может быть, я та самая девочка, которая умерла». Тут ведь религия, все с самого детства про реинкарнацию слышат. Она начинает говорить: «Вы не мои родители. Мой отец - Каран». Молочник слышит это и рассказывает дальше. Семье умершей девочки хочется верить, что их дочь вернулась. Большой толпой они приходят сюда. Когда Притти спрашивают кто ее отец, она указывает на того, кто только на нее и смотрит. Нечто такое, происходит и тогда, когда они возвращаются в свою деревню. Она могла даже ошибаться в опознании родственников, но вокруг множество людей, они шепчутся, кивают головами или наоборот машут отрицательно, так что в итоге не трудно сделать правильный выбор. А когда она спрашивала про свою замужнюю сестру, то скорее всего просто услышала, как кто-то в толпе сказал: «Как жаль, что здесь нет ее сестры Мунни». Дальше нетрудно догадаться, что если девушки нет в доме, значит она замужем”.

Когда я закончил, Сатвант взглянула на меня с сочувствием: “Вы и вправду так думаете?”

Я подумал с минуту: “Нет”.

Город стекла и гламура

Рассвет мы встретили направляясь на родину Тадж-Махала, проезжая Индо-Гандскую равнину, в экспрессе Дели-Агра. “Эти вагоны с кондиционерами достаточно удобные, - заметил Стивенсон, - они не дают полного представления о путешествии на поезде в Индии”.

Мне же и его хватило, лишь только мы вышли с поезда. Грузчики и нищие толпились вокруг нас, сопровождая до самой парковки и в конце облепили настолько, что мы не могли и шагу ступить, чтобы не уткнуться в протянутые отовсюду руки. По железной крыше железнодорожного вокзала, перепрыгивая между ржавыми водосточными трубами, возбуждено прыгали обезьяны. Толпа, окружающая нас немного поредела, внезапно ее гул был прерван резким восклицанием на английском:

- Доктор Стивенсон!
- Чарли! - воскликнул Стивенсон навстречу рассекавшему толпу человеку, с благородным, слегка бледным, лицом. “Чарли из последних англо-индийцев, отец англичанин, мать индуска. Давно его знаю”.

Чарли приблизился к нам и взял у Стивенсона сумки, мы двинулись к его автомобилю.

- Твоя новая машина? - спросил Стивенсон, протискивая себя сквозь узкие двери такси модели Ambassador.
- Моя в магазине, сэр. Эту я позаимствовал, на ней можно только по городу, а по грязи, где вы обычно путешествуете, ездить нельзя.
- Какая досада. Как твой брат Чарли?
- Умер, сэр. Допился.
- Жаль слышать, Чарли.

Мы проехали обнесенное забором поместье, военную базу, полицейскую станцию и дорожные указатели к Тадж, а также ко второй после него городской достопримечательности, военному форту Агры - величественному сооружению с древними стенами. Наш отель непрезентабельно нависал над типичным замызганным перекрестком, зато внутри царил гляцевый уют ухоженных кустарников и цветочных клумб, идеально подходящее место для европейских туристов, приехавших поглазеть на Тадж-Махал, который, кстати, было видно с крыши отеля, о чем сообщала вывеска в фойе. Мы оставили вещи в номерах и

спустились к нанятой машине: это был микроавтобус Maruti, сделанный, видимо, из такого же материала, как банки для Соса-Сола. Я сел спереди, мое лицо находилось прямо перед лобовым стеклом, а учитывая то, что дорога постоянно полнилась разными животными, людьми и машинами, я чувствовал себя так, словно сидел в центре первого ряда кинозала IMAX.

Агра выглядела более древней, чем, по крайней мере, те районы Дели, в которых я побывал; места, по которым мы проезжали, представляли собой сочетание величия и разрухи, в основном разрухи, лабиринт полуразрушенных, перенаселенных улиц наконец-то вывел нас к узкому подвесному мосту, перекинутому через реку, лениво текущую по широкой заиленной пойме. Стоя по колена в коричневой воде утолял жажду черный бык, вдали величественно вздымались сверкающие купола Тадж-Махала.

Через два часа после выезда из Агры, в окраинах промышленного городка Фирозабад, мы свернули на грязную дорогу, в лабиринт узких, тесных улочек, среди которых, бросая вызов открытым пространствам, обосновались многочисленные магазины изделий. Мы двигались в туннеле, крупы волов и багажники велосипедов так часто оказывались прямо перед нашим лобовым стеклом, что я непроизвольно вжимался в свое кресло. Кирпичные стены проплывали буквально в нескольких дюймах от микроавтобуса; колея грязной дороги становилась все глубже. Наш водитель не сдавался, он раскручивал двигатель, выбрасывал грязь колесами и постоянно сигналил, так что, когда мы наконец опомнились, то обнаружили себя замурованными в кирпичном аду - мы были стиснуты со всех сторон в переулке без всякой возможности сориентироваться. Уличное пространство едва-едва позволило нам открыть двери и ступить на землю, щедро угостив нас ярким солнцем и весело сверкающими в его свете хлюпающими ручейками нечистот под ногами.

Мы тронулись в путь. Сатвант спрашивала дорогу каждые несколько метров. Улица ошеломила меня, но все затмевало единственное ощущение: навоз. Он был повсюду, куда ни взгляни: сушился в высоких стопках, разбросан на обочине среди мусора и человеческих испражнений, вздымался туманом коричневой пыли на дороге. В один момент дорогу нам преградил верблюд, измученно лежавший в нечистотах поперек переулка. Мы осторожно обошли его с флангов и двинулись дальше. Отвратительно грязные дети, все облепленные мухами преследовали нас вплоть до места нашего назначения. Сатвант ступила на мостик переброшенный через канализационную траншею и нырнула в проем кирпичной стены, точнее не стены, а свободно сложенной кучи кирпичей, на крошечный внутренний двор, размером не более чем 5 на 10

метров. Здесь жила маленькая девочка, которая вспоминала жизнь своей двоюродной сестры, сгоревшей вместе с лачугой в этой же трущобе.

Сатвант обнаружила девочку с помощью опроса проведенного ее помощником. Всего за 6 недель поисков было обнаружено более 150 случаев. Именно этот случай решено было рассматривать из-за наличия родовой отметины, связанной по словам обратившегося с предыдущей жизнью. Девочка была очень мала, 4 или 5 лет. Как только она начала говорить, рассказали родители, она поведала, чтобы была своей двоюродной сестрой, в возрасте 14 лет сгоревшей заживо во время работы по сборке металлических браслетов, которые носят в Индии повсеместно. Это кустарное производство распространенное в индийских трущобах, которым занимаются в основном женщины и дети - они берут разрезанные металлические кольца и запаивают их в пламени керосиновой лампы - в буквальном смысле, трудяги сварочной горелки. Работа кропотлива и опасна. Семья рассказывала, что эта 14 летняя девочка сидела на тканой циновке и работала, затем лампа опрокинулась и коврик загорелся, рядом не было никого, чтобы помочь потушить пожар и огонь прикончил её.

Как Сатвант удалось понять, семья говорила про родимые пятна на ногах у девочки от горящего коврика.

За такими случаями Стивенсон гонялся десятилетиями. Слишком велико разочарование от словесных доказательств, как это только что произошло с нами в Дели, поэтому Стивенсон искал более конкретные свидетельства. Ими, по его мнению, могли являться родимые пятна, если их расположение на теле совпадало с ранами, полученными предыдущей личностью, в чем можно было удостовериться изучив медицинский отчет о смерти.

Крошечный двор быстро наполнился родственниками и любопытными.

Мы сидели на деревянных скамьях под соломенным навесом небольшой кирпичной пристройки, служившей домом для многочисленной семьи. Буквально в сотне метров от нас находилось то самое место, где сгорела девочка-подросток. На земляном полу пристройки виднелись циновки, видимо, такие же, что горели в той лачуге.

Толпа ребятишек, которая нас преследовала заполнила весь внутренний двор. Они напирали на нас сзади, кашляли и шмыгали соплями, некоторые начали уже ощупывать мой рюкзак, когда взрослый скомандовал им отойти. Они на время отступили, а затем навалились снова. Я нещадно вспотел в этой невыносимой тесноте, а мой ум отчаянно протестовал против мысли: быть рожденным в этой беспросветной дыре, умереть ужасной смертью и родиться

заново, буквально в соседнем доме, чтобы снова мастерить браслеты среди навоза - была ли в этом справедливость?

Угнетающая меня мысль, служила, однако, сильным аргументом против тех, кто полагал эти случаи продуктом верований причастных к ним людей и культуры в целом. Если вера индуистов в реинкарнацию вызвана иллюзорными воспоминаниями, то почему они не подтверждают веру индусов в карму? Ни в этом случае, ни в случае с молочником не было ни единого намека на то, что жизнь перерожденной личности будет отличаться от предыдущей. Отношения между жизнями определялись случайным, естественным образом, как место на котором пророс упавший со столетнего дуба желудь определяется его близостью к нему, силой и направлением ветров и прочими случайностями, но никак не нравственным законом.

Такое же было в Ливане. Если друзья выдумывали все эти случаи в попытках укрепить свою веру, то почему средний интервал между смертью и рождением составлял около 8 месяцев, тогда как догматы их веры говорят, что его вообще быть не должно.

Пытаясь поудобнее устроиться на деревянных скамейках мы стукались под столом коленями с матерью девочки, измученной, но с ясными глазами и ее отцом, сидящим, озабоченным человеком в белой тунике с бело-бардовым шарфом вокруг шеи. Сатвант сказала, что он был мясником и владел одним из тех магазинчиков, что мы проезжали. Облезлая собака попыталась устроиться у нас под ногами, пока один из детей не стукнул ее палкой, а затем погнал прочь, с криками.

Сатвант довольно долго говорила на хинди с родителями. Мать девочки сильно жестикулировала, а три стоящие за ней мужчины время от времени кивали головами.

Наконец, они до чего-то договорились, потому что мать девочки встала и принесла из хижины воду, в металлических кружках, передав их нам. Сатвант повернулась к мне: "Она боялась, что мы заберем девочку с собой". Стивенсону как-то довелось столкнуться с подобным. Он попытался задать вопрос семье ребенка, как одна женщина из толпы начала истошно голосить, так громко, что он не мог слышать слова переводчика. Наконец, он выяснил в чем дело.

"Она говорит, вас нужно убить, чтобы вы не забрали ребенка," - сообщил переводчик как ни в чем не бывало. В тот раз, ему удалось как-то выкрутиться. Сейчас же, Сатвант развеяла враждебные намерения: "Я сказала матери этой девочки, что доктор Стивенсон ездит по всему миру и изучает такие же случаи,

как у них. Все что ему от вас нужно это получить ответы на несколько вопросов. Тогда те мужчины за ее спиной, начали доказывать что-то ее мужу. Я добавила, что Стивенсон ученый, что наука исследует мир и делает его лучше в перспективе. Мужчины начали смеяться над сказанным, и, вероятно, с ними будут проблемы позже, но пока все в порядке”.

“Полагаете, они ожидают от нас какой-то подарок или что-то в этом духе?” - спросил я.

“Раньше мы брали с собой швейцарские ножи, но люди были недовольны, - ответила Сатвант. - Они думали так: «Такие важные белые люди и такие маленькие подарки». Такое у них восприятие”.

Я задался вопросом, что бы они подумали, узнай, что в моей поясной сумке лежит пара тысяч долларов наличными, кредитная карта с лимитом в пятнадцать тысяч и авиабилеты стоимостью полторы тысячи - столько денег, сколько они не видели за всю свою жизнь.

Здесь сразу рождался вопрос: это я такой богатый или они такие бедные?

Когда вернулась мать девочки, мы приступили к интервью. Они рассказали, что девочка (сейчас ей чуть меньше 5 лет) начала говорить в год. Одно из первых слов было слово на хинди, обозначающее керосиновую лампу, а чуть позже она заявила: “Я сгорела”. Она называла *Папой* своего дядю, отца мертвой девочки и до недавнего времени не соглашалась называть так своего родного отца. Брала вещи из дома и относила их в другую семью. Пугалась огня и разговоров о нем.

Я заметил движение в тени хижины за дверным проемом. На соломенной циновке сидела молодая женщина, сосредоточено полируя свои ногти. Еще одна женщина постарше сидела в темном углу строения, закрывая лицо рукой.

Сатвант должно быть тоже заметила это, так как закончив оживленную дискуссию, сообщила нам: “Мать сгоревшей девочки здесь, в доме. Она расстроена, потому что ее сын уехал в другую страну и пропал, а муж поехал искать его. Сын недавно вернулся, а от мужа нет никаких вестей. Его нет уже 8 месяцев”.

Сатвант, здраво рассудив, что женщина не захочет говорить при таком количестве народа, попросила разрешения поговорить с ней в доме. Семейство согласилось и Сатвант скрылась в полумраке хижины. Стивенсон и я улыбались, делая вид, что попиваем принесенную нам воду. Смотреть на нас, видимо, было довольно скучно и толпа стала редеть.

Сатвант вернулась через 10 минут с отчетом: спустя несколько месяцев

после смерти дочери, женщина стала видеть повторяющиеся сны - ее дочь гуляла в разных местах по их району. Затем, приснился сон, в котором она наконец заговорила с ней и сказала: "Оставь мою одежду в доме тети". Та удивилась, вопрошая. В ответ умершая девочка заявила: "Потому что, я собираюсь остаться там".

Эти "пророческие" сны были привлекательными, но не настолько, чтобы обладать доказательной ценностью. Судя по всему, девочка родилась в обстановке напряженного родительского ожидания, что она должна помнить жизнь своей двоюродной сестры.

Единственным, что имело смысл сделать, это проверить родовые отметины. Мать нырнула в темноту постройки и вышла, неся на руках плачущую симпатичную девочку, с засаленными волосами и незаживающей раной над верхней губой, вызванной, по видимому, постоянным насморком. Она нервно подняла ее, наблюдая за Сатвант, которая рылась в своей сумке. Достав, наконец, какой-то пластиковый цилиндр завернутый в синюю ткань, она подала его девочке, которая тут же прекратила плакать и принялась его изучать.

Ее отец взял ее подмышки и повернул к Стивенсону так, чтобы он видел заднюю поверхность ее ног. Тот наклонился поближе и проследил пальцами слабо различимые, длинные и тонкие красноватые полосы, которые тянулись вертикально по задней поверхности бедра. Ничего общего с узором циновки.

Возможно ощутив упадок нашего интереса, отец начал рассказывать Сатвант, о том, что у мертвой девушки был увеличенный большой палец на ноге, результат какой-то незалеченной инфекции и что их дочь родилась с таким же дефектом. Мы взглянули на ноги. Отличия вроде бы имелись, но говорить об этом с уверенностью было довольно сложно. Сатвант попыталась измерить каждый из пальцев пластиковой линейкой, которую достала из своей сумки. По результатам измерений выходило, что один палец больше, но погрешность измерений сводила на "нет" эту попытку. Кроме того, маловероятно, что мы бы нашли в медицинском отчете о смерти сведения об увеличенном большом пальце левой ноги.

Стивенсон записал результаты измерений, а затем еще раз прошелся указательным пальцем по родовым отметинам. Затем, откинувшись на спинку скамьи и произнес: "Это все слишком туманно. Такие родинки могут быть у любого. Вот почему так ценны необычные родимые пятна, они дают нечто более существенное".

Одним из впечатляющих примеров таких дел, о которых говорил

Стивенсон, был случай в Турции, мальчик (Семиль Фахрици) родился с кроваво-красной родинкой на правой стороне подбородка. С того самого момента, как он начал говорить, он утверждал, что он был бандитом, который выстрелил себе в голову, будучи загнанным полицией в ловушку. Стивенсон не питал больших надежд при проверке подлинности этих заявлений. Бандит оказался каким-то дальним родственником, но что важнее, он был своего рода местным Робин Гудом и известность его была повсеместна. Наконец, (как и в этом деле сгоревшей девочки) отец ребенка перед его рождением видел сон, предсказывающий, что бандит вселится в тело его сына.

По этим причинам, всерьез эти свидетельства рассматривать было нельзя, за исключением родинки.

Когда Стивенсон исследовал и фотографировал родовую отметину у Семиля, тому было уже под тридцать. Родинка к этому моменту была размером с пятицентовик месяцеобразной формы, там где подбородок переходит в шею.

Стивенсон разговаривал с сестрой того бандита, которая его хоронила, а также с полицейским, участвующим в операции захвата. Оба подтвердили, что пуля вошла в голову именно там, где располагалась родинка и вышла в районе затылка.

Стивенсон был вдохновлен. Он немедленно вернулся к Семилю и поинтересовался, есть ли у него родинки на голове. Тот без разговоров откинул свои волосы и показал шрам, длиной около дюйма в левой верхней части головы. Позже, сверив сделанную фотографию с фотографией, сделанной в ходе аутопсии тела бандита, он обнаружил что место выхода пули располагалось там же. Удивительное совпадение. Просто невероятное.

Существовала, конечно, вероятность того, что рождение ребенка с родимыми пятнами расположенными в местах смертельных ранений умершего человека, само по себе служило достаточным основанием для ложной идентификации и придумывания воспоминаний.

И это не просто теоретизирование, это реальность. В деле турецкого бандита был и другой “перерожденный”, мужчина с родимым пятном на голове (но не на подбородке) разыскал Стивенсона и тоже “вспоминал” подробности прошлой бандитской жизни.

Исключив вариант того, что одна душа могла разделиться и воплотиться в нескольких телах, можно сделать вывод, что по крайней мере, одно из этих воспоминаний было выдуманным.

Идеальным вариантом, при котором родовые отметины окончательно

подтверждали бы реинкарнацию, был бы следующий: ребенок с родинками много говорит о жизни совершенно незнакомого человека. При этом, эти воспоминания достаточно конкретны, чтобы привести исследователя туда, где совершенно незнакомые люди их подтвердят с точностью. Затем, в разговоре с семьей предыдущей личности выяснить были ли у умершего какие-то раны на теле и только потом уже смотреть - совпадает ли расположение ран и родимых пятен.

Стивенсон до сих пор не сталкивался с такого рода делами, но это ничего не значило, они просто могли ждать своего часа. Из 150 случаев, фигурировавших в опросе Сатвант, около 20 были с родовыми отметинами и некоторые из них, мы собирались изучить в ходе нашего путешествия.

Тем не менее, именно эти родимые пятна не дали Стивенсону ничего ровным счетом. Мы уже собрались уходить подальше от этой грязи, толпы и шума, когда к Сатвант приблизилась молодая девушка, несущая на руках полуторагодовалого малыша. Это была соседка и она принесла показать нам ребенка своей сестры. Вместо левой руки у ребенка была культя. Быстро выяснилось, что несмотря на то, что ребенок ничего не говорил о прошлой жизни, что-то в ее поведении, по мнению девушки, говорило за неё - она подолгу с грустью смотрела на свой обрубок и расстраивалась, когда окружающие делали то же самое.

“У нее есть какие-то страхи?” - спросил Стивенсон.

“Она боится котов,” - ответил мужчина, назвавшийся ее дедом.

Один из людей под навесом что-то громко выкрикнул, все остальные дружно засмеялись.

“Он сказал: «Может быть, коты съели ее руку в прошлой жизни», - перевела Сатвант неодобрительно. - Гений сарказма, черт возьми”.

Тем не менее, Стивенсон методично сфотографировал обрубок руки и занес запись в блокнот, на тот случай, если в будущем дело пойдет в ход. У него был массив таких случаев, когда никаких заявлений о предыдущей жизни не выдвигалось. Одно из них в Агре: мальчик родился с пятнадцатью круглыми, похожими на следы от картечи, отметинами на спине и руках. Некоторые из них были твердые, под ними что-то ощутимо перекатывалось при пальпации.

Когда мы уже уходили, некоторые из весельчаков попросили нас сфотографироваться с ними.

Машины не было на прежнем месте. Каким-то чудом, нашему водителю удалось выехать и теперь он ждал нас полутора кварталами далее, на

узенькой дороге, спускающейся к шоссе. Приблизившись, мы увидели, что рубашка водителя была мокрой от пота. Оказалось, местная шпана подложила под заднее колесо палку с гвоздями, когда он пытался выехать и ему пришлось менять колесо. Хорошо, что Сатвант настояла на проверке запаски перед нашим отъездом сюда. Однако, теперь она снова настаивала на том, что нельзя отправляться обратно без запасного колеса.

“Если мы застрянем где-нибудь в сельской местности, как вы думаете, местные нам помогут?” - поинтересовался я.

“Не обязательно,” - ответила Сатвант.

Одним словом, через некоторое время мы сидели на обочине шоссе, напротив импровизированного рекламного стенда шинной мастерской, сложенного из деревянных ящиков. По не очень ясным для меня причинам, устранение прокола покрышки заняло целый час. Шиномонтажники сгрудившись над колесом, накачивали его, спускали, вулканизировали, снова накачивали и спускали. Это продолжалось достаточно долго, чтобы я успел во всех подробностях изучить хвастливый рекламный щит в сотне метров от нас по шоссе.

ФИРОЗАБАД - ГОРОД СТЕКЛА И ГЛАМУРА.

Отмеченные жизнью

Пока мы были в Агре, Стивенсон хотел разыскать медицинские отчеты по делу с родимыми пятнами в одной деревне в трех часах езды на восток. Я вспомнил утро в Бейруте, которое мы провели в поиске отчета об автомобильной аварии, умножил потраченное тогда время на хаос индийского движения и понял, что раньше, чем к вечеру, все это не закончится.

Объектом дела был семнадцатилетний парень. Один момент из интервью, взятого Сатвант у его семьи, меня крайне заинтересовал: лишь только научившись ходить и еще не умея разговаривать, ребенок постоянно пытался убежать в направлении недалеко расположенной соседней деревни. Родителям приходилось каждый раз ловить его и возвращать обратно домой.

Он родился с двумя круглыми родинками на правой стороне груди, одна из них, более четкая размером около 4 мм в диаметре. Обе слегка выпуклые, с ободком по окружности.

Когда он заговорил, рассказывали Сатвант родители, он показал на родинки и сообщил: “Сюда стреляли”.

Также он сообщил свое “настоящее” имя и имена тех мужчин, которые подкарауливали его после ночной попойки. Родители знали людей, чьи имена он сказал и слышали про убийство в соседней деревне. Это произошло за несколько лет до рождения мальчика. Кроме всего прочего, убитый был индусом, а родители мальчика мусульманами. Мальчик отказался верить в Аллаха вместе с родителями и настаивал на том, что должен вернуться в родную деревню, к своей семье. Это, конечно, не порадовало родителей, и в целом, значительно снижало шансы того, что эти свидетельства каким-то образом выдуманы или приукрашены.

Стивенсон хотел найти отчет о вскрытии убитого, чтобы сравнить расположение пулевых отверстий с местоположением родинок.

Сатвант сказала, что убийство было совершено в 1976. Найти отчет о вскрытии 22-х летней давности было проблемой даже в Майами. А в сельской Индии?

Когда я поведал Стивенсону о своих сомнениях, тот признал: “Шансов на то, что полиция сохранила и выдаст нам отчет о вскрытии, действительно мало. Но лучше уж одно дело с таким отчетом, чем десять без него”.

Мы выехали из Агры, минуя Фирозабад, где нам прокололи шину, в направлении города Этава. Районный полицейский участок располагался на окраине города, скрытый от главной дороги насыпью: будь я в Штатах, глядя на это запущенное строение, я бы подумал о брошенной газовой заправке. Капитан, одетый в гражданское, сидел в тени за деревянным столом. Он предложил нам присесть, пока не закончит свои дела. За столом стояло два пластиковых стула и еще один вынес какой-то человек изнутри здания. Ветерок в тени был освежающ и прохладен, так что я особо не протестовал в ожидании. Мы прождали, наверное, минут двадцать, прежде чем капитан закончил перебирать свои бумаги и обратил свое внимание к нам. На столе появился большой картонный реестр. Капитан открыл его - чернилами, аккуратным почерком в журнале были выведены записи о всех преступлениях совершенных в этом округе в середине 70-х. Следующие полчаса он безуспешно корпел над нашим запросом. Неторопливо проводя пальцем по каждой строчке, он добирался до конца страницы, переворачивал ее и все повторялось заново.

Когда он закончил с 1976 годом, мы поблагодарили его и поднялись. Он тоже поднялся, на ходу перевернул последнюю страницу и сел обратно.

“Вот оно,” - сказал он. Убийство было занесено в журнал в декабре 1975, годом раньше, чем мы искали. После трех часов езды и часа поисков мы наконец нашли номер дела.

“Шансов было мало, но похоже, что фортуна играет с нами в одной команде,” - сказал Стивенсон.

Из здания за нашей спиной вышел полицейский и что-то сказал капитану. Капитан что-то сказал в ответ, полицейский коротко ответил и пошел прочь. Капитан побагровел и свирепо рявкнул на уходящего, тот пожал плечами и продолжал движение.

Подъехав к дороге, нам стала понятна причина его гнева: на трассе, прямо напротив съезда к полицейскому участку столкнулись грузовик и минивэн. Водитель легковушки был мертв.

Капитан приказывал копу вытащить тело и отвезти в городской морг, тот отказывался. Спустя полчаса, когда освободили проезд и поставили измятый автомобиль на обочину, водитель был все еще внутри. Столкновение, вероятно, произошло пока мы ожидали в теньке.

Когда мы погрузились в машину, я перегнулся через сиденье и сказал Сатвант: “Попросите водителя не убить нас по дороге, пожалуйста”.

“Уже попросила,” - ответила она.

Мы поехали обратно в город, разыскивая суд, который по номеру только что выясненного нами дела мог бы предоставить нам материалы. Суд оказался комплексом из потускневших двух и трехэтажных желтоватых зданий зданий, по периметру городской площади. В центре площади тянулась очередь людей, стоящих за водой к водонапорной колонке. Пространство было вытоптанно и завалено упавшими листьями, в целом, площадь выглядела чрезвычайно грязной и переполненной. На пятачке, который едва ли можно было назвать газоном, спали валетом несколько человек.

Мы вошли в большое здание. Тусклый вестибюль, коридоры и лестницы были заполнены устойчивым гулом движения и разговоров множества людей. Мы влились в один из потоков текущий по лестнице.

Поднявшись, я обратил внимание на картину, висевшую на стене напротив лестницы: красновато-коричневые полосы ярко выделялись на фоне её общего светлого фона. Они шли параллельно лестничному уклону и чем-то были похожи на сейсмографические линии. Я долго не мог понять в чем дело, пока не подошел поближе, заметив, что полосы располагались на уровне моей головы. В моей голове сразу всплыл образ нашего водителя, который на скорости 60 км\ч время от времени открывал свою дверь, чтобы сплюнуть красноватый пережеванный бетель, местное средство вечного кофетайма. Так вот что это было: десятилетиями люди ходили вверх-вниз по лестнице, сплевывая пережеванную жвачку на картину. Поднявшись вверх, я увидел эти красные полосы повсюду - в углах коридоров, на перилах - везде где можно было наклониться и сплюнуть.

Архивная комната была на третьем этаже. В предбаннике, скептически нас разглядывая, на деревянных стульях скучно сидели шесть офисных клерков. Один из них, подскочил к нам, выслушал и повел в архив, комнату с длинными рядами полок и заваленных делами столов. Каждая свободная поверхность была завалена бухгалтерскими папками, такими же, какую мы видели в полицейском участке. Все было в беспорядке, словно папки кидали сверху и они оставались лежать там, где упали. Клерк с минуту походил по комнате, а затем подставил к полке стул и полез доставать пыльную папку, лежащую на самом верху. Бросив папку на стол, он принялся пролистывать страницы. Через несколько минут он закрыл папку и пошел обратно в переднюю комнату. Мы последовали за ним.

Мы нашли его листаящим бумаги, он поднял голову вверх.

“Боюсь, у нас не было подозреваемых по этому делу, соответственно не

было расследования и записей тоже, - сказал он, - но, возможно, вы получите отчет о вскрытии в центральном полицейском участке, он напротив, через улицу”.

“Разговаривать нужно с серьезными людьми, - сказал Стивенсон. Мы лавировали среди трафика, перебираясь в здание полиции и пытаюсь избежать столкновений с людьми, животными и автомобилями. - С мелкими клерками это совершенно безнадежно”.

Сатвант так и сделала, передав одну из визиток Стивенсона. Через несколько минут нас пригласили в огромный офис, где, казалось, еще был жив дух британского империализма. Почти неслышно, как москиты в тусклом свете, над нами крутился вентилятор. За старым столом с тремя рядами выстроенных пластиковых стульев, в желтой рубашке с коротким рукавом сидел заместитель начальника полиции, рядом стояло еще несколько чиновников. Мы подождали пока он закончит писать, Сатвант сообщила о цели нашего визита. Один из чиновников сказал, что-то типа: сейчас, без проблем, однако другие возразили.

Спустя пару минут в комнату зашли еще двое служащих, без формы и все вместе стали оживленно спорить о том, удастся ли найти архив по нашему делу или нет. Наконец, через полчаса прений, был вынесен вердикт - невозможно.

Теперь, я был окончательно убежден, что мы только тратим время. Но Стивенсон хотел проверить последнюю возможность - больницу. Она располагалась в половине мили отсюда, облезлое невысокое здание. Здесь мы, по крайней мере, сразу попали к администратору, который отправил нас в архив. Мы обошли вокруг главного здания и вошли в небольшую пристройку, где сотрудник провел нас в пустую приемную с оконным кондиционером и мягкими креслами у стены. В углу, на деревянной подставке, тарахтел древний голубой Frigidaire [американская марка производителя холодильников]. Мы ждали, разглядывая стены. Через полчаса Сатвант пошла проверить, как обстоят дела и вернулась с неутешительным известием: они нашли 1974 год и 1976. Прошло еще сорок минут. Мы подумали было, что про нас уже забыли и снова пошли на разведку. Клерк был не очень рад нас видеть, но в итоге согласился показать, что ему удалось обнаружить. Мы вышли вместе с ним из здания и зашли в него с другой стороны, в маленькое помещение, напоминающее комнату уборщиков. Вдоль стен на шкафчиках совершенно бессистемно были разложены или валялись папки.

В углу комнатки, посреди разбросанных бумаг, на корточках сидел человек,

роясь в картонной коробке. Увидев это, я скорбно покачал головой и предложил Сатвант убираться отсюда. Но, прямо в этот момент, мужчина поднялся и медленно протянул нам несколько листов бумаги. *Наш* отчет о вскрытии.

Мы вернулись в приемную и принялись изучать отчет, он был составлен на английском, к сожалению, не всегда понятном. Жертва умерла от единичного огнестрельного ранения в грудь, в этой связи было затруднительно объяснить происхождение второй родинки, ближе к брюшной полости. Другой проблемой было то, что согласно отчету пуля вошла в тело вблизи правого соска, тогда как у нашего объекта две родинки располагались чуть ниже и правее. Родинки, конечно, могут менять свое местоположение с возрастом, но Стивенсон не верил, что они могли сместиться так сильно.

“Без родинок это лишь очередное дело из серии У.П.,” - сказал Стивенсон, когда мы выехали обратно в Агру. Уттар Прадеш один из самых бедных и густонаселенных штатов Индии, большинство исследуемых Стивенсоном дел были именно оттуда. Некоторые из этих дел, представляли крайне убедительные свидетельства перерождения. И все-таки, мне показалось очень странным, что еще не умея говорить, мальчик сразу же “побежал в сторону деревни” и то, что он родился в семье мусульман, хотя утверждал, что был индусом. Но, то как Стивенсон произнес свою фразу, дало мне понять, что он тоже отчаянно ищет более существенное доказательство, более материальное подтверждение. И вот теперь, оказалось, что дело этого паренька не даст нам этих подтверждений.

Но даже теперь, Стивенсон хотел нанести визит семейству. Он хотел снова измерить и сфотографировать родинки, а также расспросить мать об их расположении в момент рождения ребенка. И еще, нужно было проверить заключение аутопсии: пуля вошла в грудь, диагонально пройдя через торс и застряла под кожей, в нижней части спины.

“Почти наверняка там должен был быть кровоподтек, или гематома, - сказал Стивенсон. - Я хочу взглянуть на спину этого парня”.

Так он и сделал, потратив еще один день в автомобиле, набивая свои собственные синяки, только лишь затем, чтобы вернуться разочарованным.

“Если хочется себя обманывать, - сообщил он нам после дневного путешествия, - то можно считать, что небольшой участок кожи на его спине отличается от остальной поверхности, но я предпочитаю больше не тратить время на это”.

Здесь Стивенсон ссылался на наш предыдущий разговор насчет

объективности и предвзятости в науке. Он сказал тогда: “Покажите мне ученого, кто так или иначе не переживает за результаты и я вам покажу плохого ученого”. Привел интересный пример, что настоящий исследователь это игрок и судья в одном лице. Как игрок, он очень хотел выиграть или, если говорить о науке, достигнуть нужных результатов, но как судье ему приходилось следить за тем, чтобы игра была честной.

Были в Индии и другие случаи, достойные того, чтобы о них поведать. В доказательном плане в них имелись определенные сомнения, но сами по себе они являлись достаточно интересными.

Одно из таких дел началось прямо в госпитале Этавы, когда мы сидели в мягких креслах, слушая гудение старого голубого холодильника. За несколько лет до этого, Сатвант и Стивенсон проводили там же свои поиски и столкнулись с доктором по имени Раджа Рам. Он сообщил про своего сына, по имени Камарилья, который с полутора лет что-то рассказывал о предыдущей жизни. Он часто говорил: “Моя машина едет в Канпур,” - что озадачило родителей, поскольку сами они жили в Агре и с Кампуром, который находился в 4-х часах езды к востоку, связаны не были. Они даже вряд ли когда упоминали название города при малыше. Чуть повзрослев и начав говорить получше, он сделал серию заявлений, из которых они сделали выводы о его предыдущей жизни: он сказал, что жил в Канпуре, в собственном зеленом доме рядом с железнодорожным и автовокзалом. Он был инженером и погиб в автомобильной аварии, забирая детей из школы. Машина, голубой Фиат, столкнулась лоб в лоб с автобусом. У него было два сына и дочь: Арун, Маной и Сангита, соответственно. Его горячо любимую жену звали Альма.

С разрешения доктора, знакомый и помощник Стивенсона в некоторых поездках, психолог Л.П. Мерота дал в городской газете Канпура объявление, в котором изложил детали смерти якобы своего друга и очень просил объявиться всех, кто так или иначе был связан с погибшим. Отозвался лишь один человек - Арун Саху, который сообщил, что детали описания очень похожи на смерть его отца, Дрона Саху, в автомобильной аварии в 1959г., за 30 лет до того, как родился Камарилья.

Были весьма существенные различия между воспоминаниями ребенка и жизнью Дрона, но число совпадений по мнению Стивенсона перевешивало. У Дрона было два сына и дочь, но Анита, а не Сангита. Попадание в мишень, пусть и не в центр. Второго сына еще не было, его жена была беременной, когда он погиб. Камарилья говорил о своей “жене” с особыми чувствами, но

почему-то ошибся с ее именем.

Были и еще более существенные различия. Во-первых, Дрон не был инженером. Но, это различие Стивенсон отбросил, так как в воспоминаниях семьи, отец сам называл себя инженером, ремонтировал радио и автомобиль. Во-вторых, что более существенно, он умер не в столкновении с автобусом и не тогда, когда забирал детей из школы. На автомобиле лопнуло колесо, когда он ехал на свадьбу, он потерял управление и врезался в дерево. Это казалось более важным, потому что у Камарилья был страх перед автобусами, что первоначально, могло свидетельствовать в его пользу.

К числу совпадений относилось то, что у Дрона был и дом, и автомобиль, что в Индии до сих пор не повсеместно, а в 1959 году и вовсе было чрезвычайной редкостью. Дом действительно был зеленым, но после смерти его перекрасили в серый цвет. И он действительно находился в нескольких минутах от обоих вокзалов.

И сейчас, Стивенсон хотел еще раз пройтись по перечню несовпадений с семьей Дрона. Еще нужно было разыскать новый адрес Камарилья Рам, так как его семья уехала из Этавы. Невзирая на то, что сын Дрона, Арун поверил в то, что Камарилья может быть его перерожденным отцом, они не разу не встречались.

Мы сели на поезд в Канпур, а после приезда наняли велорикшу. Стивенсон категорически отказался ехать, сообщив что хочет пройтись и шел за нами пешком, до самого дома. Дом действительно находился в нескольких минутах езды от вокзала.

Подпрыгивая на брусчатке, мы заехали в Г-образный переулок с глубокими сточными канавами по обеим сторонам улицы. Старые, но еще вполне приличные двух, трех и четырехэтажные дома сильно контрастировали с открытыми канализационными траншеями. По улице бегали дети с собаками. Одна девочка без стеснения сидела в сточной канаве. Чтобы пройти к дому, нам пришлось обойти привязанного к столбу буйвола, без зазрения совести лежавшего посреди дороги.

Искомый дом стоял в основании верхней перекладины буквы “Г”, коридор был настолько узким, что мне пришлось двигаться боком, чтобы пройти его. Мы сели в узкой гостиной с высокими потолками, это была первая из трех последовательных комнат, уходящих далее, к задней части дома. Запертая в доме жара металась между гладким бетонным полом и потолочными вентиляторами. Стены были выкрашены в цвета фиолетового оттенка и скрывали в себе встроенные полки для двух телевизоров, видеомагнитофона и

другой электроники.

По счастливой случайности Арун (ему было пять лет в момент гибели отца) оказался дома вместе с матерью и своим дядей - старшим братом Дрона.

Как и в других случаях, опрос был быстрым и решительным. Прежде всего, в предыдущих интервью семьи не было ничего сказано о марке автомобиля, на котором Дрон разбился. Камарилья утверждал, что это был Фиат.

“Я не помню на чем он ездил, - сказал его брат. - Но в те дни, выбор был невелик, думаю это был или Форд или Остин”.

В какой-то момент Сатвант спросила у вдовы, может ли она поговорить с ней наедине. Они удалились в соседнюю комнату и позже она нам рассказала суть беседы. Камарилья в своих воспоминаниях говорил о жене Альме, но ее звали по другому и Сатвант, деликатно пыталась выяснить, была ли у мужа любовница. Ответ был однозначным: он обожал жену, был очень ласков с ней, в общем хорошие взаимоотношения.

Версия с любовницей отпадает, подумал я.

В тоже время мы продвинулись в выяснении профессии Дрона.

“У нашей семьи был ювелирный бизнес, но ему это мало нравилось,” - ответил его брат.

- Когда люди спрашивали чем он занимается, что он отвечал?
- Говорил, что продает машины и мотоциклы. Он часто это делал.
- Как вы думаете, могли его называть инженером, потому что он чинил радио, ну и прочее?

Те немного посоветовались между собой: “Нет”.

Я начал думать. Было два варианта, либо воспоминания Камарильи были фантазиями, либо же он вспоминал жизнь другого человека.

В городе такого масштаба как Канпур, с населением около 4 млн. в 1959 [*ошибка автора, население Канпура к 1961г. 884 тыс. человек, прим. перев.*], могло быть множество людей, которые попадали под описание, у которых был автомобиль и зеленый дом, у которых мог быть сын Арун (довольно распространенное имя).

Было непонятно, почему Стивенсон не понял этого 4-мя годами ранее, либо же семья, по каким-то причинам, сменила свою позицию, не желая больше называть умершего инженером. Удивленный и раздосадованный Стивенсон спросил: “Почему вы тогда откликнулись на объявления в газете?”

Арун был невозмутим. “Много деталей совпадало, - ответил он. - Отец мой умер в 1959, а мальчик родился в 1972. Достаточно много времени, чтобы хорошо помнить все имена. Возможно, когда он с нами встретится, то вспомнит

больше”.

Они назначили дату поездки в Агру, для встречи с Камарильей.

“Предупреди их, чтобы не питали много надежд,” - сказал Стивенсон, пока Сатвант листала свой блокнот, в поисках телефона и нового адреса парня.

Когда та перевела, Арун ответил: “Как сказал один старый индус: «Есть люди которые верят в камни, ну что же, если они действительно верят - какой-то толк из этого выйдет».

Это нужно чувствовать. Может быть, мы что-то ощутим, когда встретимся с ним, а может и нет, кто знает”.

Интервью закончилось и у нас в запасе оставалось еще несколько часов до поезда обратно в Дели. Мы взяли такси, чтобы переждать время в отеле, где Стивенсон бывал раньше во время своих путешествий. Мы нашли его в ужасающем упадке: сад душили сорняки, плитка бассейна местами разломана, а сам он пуст, запах мочи в фойе довершали впечатление. Ресторан на первом этаже, куда мы зашли, принимал нас пустыми столиками с прожженными скатертями и меню с фантастическими ценами. Я и Стивенсон заказали пиво, за которым пришлось посылать людей на улицу, а Сатвант пила чай.

Я устал и задумался. Передо мною был тот редкий случай, когда всем критикующим исследования Стивенсона нечего было сказать по поводу сговора настоящей и будущей семьи до приезда исследователя, так как в данном случае Камарилья до сих пор не встречался со своей “бывшей” родней.

Кроме того, семья Аруна имела все возможности сказать, да, черт возьми, он называл себя инженером. Однако, они этого не сделали.

Между тем, ошибка могла закрасться собственно в процессе расследования: детали, которые указали в газетном объявлении были достаточно общими и могли подойти ко многим в этом миллионном городе, разве можно было обвинять Аруна за его отзыв на объявление, он просто увидел что, совпадений было больше чем различий.

Более того, в деле Дрона Саху отсутствовала типичная для прочих дел Стивенсона особенность - две семьи не встречались ни до, ни после общения с исследователем. Именно в таких встречах, семьи проверяли детские свидетельства и признавали/не признавали подлинность связи.

Мы возвращались в Дели. Как оказалось, наше пребывание в нем будет недолгим, нас ожидал самолет и трехчасовой полет к югу в г. Нагпур, в штат Махараштра. Там мы ждало очередное дело категории “до”, так Стивенсон называл те случаи, в которых детские воспоминания были зафиксированы до

того, как встречались семьи.

В отличии от дела Камарильи, здесь ребенок все-таки встретился с предыдущей семьей, вспомнил еще массу деталей, удививших исследователя и был признан семьей.

Исследователем в этот раз был индийский журналист Падмакар Джоши. В свою предыдущую поездку Стивенсон не стал полагаться на его отчет, а добросовестно опросил свидетелей самостоятельно.

Мы встретили Джоши в баре вблизи аэропорта. Это был маленький и внушающий симпатию человек, он немедленно посвятил нас в детали политической ситуации в Индии, особенно напряженной перед предстоящими парламентскими выборами.

Его статья вызвала бурю критики среди индийских скептиков, утверждающих, что он измыслил ее ради собственной выгоды. Не удивительно, что он был рад приезду Стивенсона. Ради него он подготовил и организовал что-то типа пресс-конференции для журналистов с субъектом нашего исследования, 24-х летней женщиной Сунитой Чандак.

По словам ее родителей, делать заявления Сунита начала в возрасте 4-х лет. Она сообщила, что она из деревни Бельгаон и умоляла отца отвезти ее туда.

Ее горячность впечатлила отца, но он был в недоумении. Он никогда не слышал о такой деревне и предпринял некоторые попытки найти ее. Сунита также была очень недовольна домашней едой, которую готовила мать и однажды заявила: “Почему бы тебе не приготовить так, как это делают в моей деревне?” Ее вкусовые предпочтения привели к мысли о том, что она из соседнего региона. Он попросил Суниту рассказать больше о деревне. Она рассказала, что там был храм, но не было школы, рядом были горы и текла река.

Отец Суниты связался с журналистом и попросил его найти город, похожий по описанию дочери. Джоши провел поиски и обнаружил, что в регионе 28 деревень с таким названием и 9 из них совпадают по описанию.

В течении нескольких месяцев, родители побывали с девочкой в трех из девяти деревень, Сунита ничего не вспомнила. В этот момент, Джоши опубликовал статью в журнале с некоторыми воспоминаниями Суниты, в расчете на то, что искомая семья откликнется. Он не упоминал имен, лишь написал, что она вспоминала про сестру Сумитру и что она никогда не носила сари, из чего Джоши заключил, что она умерла в детском возрасте, так как в Индии сари надевают в 18 лет.

На статью Джоши откликнулся один читатель из одной из 6 деревень: он знал семью где было две сестры, Шанта и Сумитра Кальмех, Шанта погибла в 1950 году в возрасте 6 лет. Географически тоже все совпадало - река, горы.

В 1979, когда Суните было 5 лет родители повезли ее в Бельганон. 90 миль пути и несколько пересадок. Въезжая в деревню, Сунита сперва заколебалась ненадолго, а потом сказала: "Это здесь". Согласно показаниям свидетелей, она много чего назвала и узнала.

Как обычно в таких ситуациях, с самого момента прибытия девочки, ее окружала большая толпа. Поэтому, Стивенсон постарался исключить те признания, которые могли быть сделаны под ее влиянием.

Так например, то, что девочка самостоятельно прошла к дому и взяв за руку мать Шанты, сказала: "Это моя мама", легко могло быть подсказано толпой, тем или иным образом. Но были и такие опознания, которые уже нельзя было игнорировать.

Так например, она поинтересовалась куда делся большой помост перед домом, который был когда она жила здесь. Отец и дядя были удивлены, так как помост был давно снесен, но действительно был в те годы.

Зайдя внутрь Сунита сказала: "Дом изменился". И указала на стену, говоря что ее здесь не было раньше. Это подтвердилось, комнату перестроили после смерти Шанты. В другом месте она поинтересовалась куда подевался алтарь и снова это оказалось правдой - алтарь перенесли в другое место.

Находясь в доме, Сунита, по словам свидетелей, захотела молока. Взяв на кухне кружку, она отправилась к соседям, остановилась перед окнами и сказала: "Здесь мы покупали молоко".

Сосед, который жил здесь более тридцати лет, подтвердил, что в то время, они действительно продавали молоко.

Затем она вошла в еще один соседский дом и сообщила: "Здесь стоял стол, - а затем, обращаясь к соседу, продолжила - ваш отец здесь что-то писал. Я приходила сюда со своим папой".

Сосед подтвердил, что его отец был местным клерком и это было его рабочее место.

Когда Суниту водили по деревне, показывая на школу, она сказала, что раньше здесь был магазин продуктов. Староста деревни подтвердил это: 15 лет назад магазин был снесен и построена школа.

Эти подтвержденные свидетельства безусловно впечатляли, особенно учитывая тот факт, что прошло почти 30 лет, с момента смерти Шанты. Семья умершей девочки поверила ей безоговорочно и у них с Сунитой завязались

отношения.

Она стала довольно влиятельной фигурой в деревеньке. Однажды, прогуливаясь по деревне, она указала на пустырь вблизи школы и спросила: “Вы собираетесь строить здесь храм?” Таких планов в деревне не было, но местные жители восприняли это как знак и храм был построен.

К нашему визиту семья Суниты собралась в доме ее мужа, доктора гомеопатии, в нескольких часах езды к востоку от Нагпура. Их дом располагался среди таких же типовых строений вблизи железнодорожных путей и общежитий для железнодорожников. Несмотря на скромный внешний вид, внутри одноэтажное здание демонстрировало относительный достаток.

По случаю нашего приезда спустились родители Суниты, а также ее сестра-близнец Анита.

Отец, благодушный человек, широко улыбаясь представил нам семью, пошутив: “Я всегда говорил Аните: «Твоя сестра рассказала, где она жила, почему же ты не рассказываешь? Но она молчит, как заговоренная»”.

Стивенсон всегда интересовался такими случаями с близнецами, ведь как правило, это означало то, что они выросли из одной яйцеклетки и имеют одинаковый генотип. Таким образом, генетика не определяет разницу между близнецами. Принятые объяснения говорили, что различия определяются различным положением в утробе матери, а после рождения различным жизненным опытом.

Стивенсон не верил в это. Примеры с сиамскими близнецами, опровергали такой взгляд. Известный случай, когда один близнец был алкоголиком, а второй наоборот трезвенником. Подтекст сомнений Стивенсона был очевиден: возможно, такие радикальные личностные различия можно было объяснить в рамках идеи реинкарнации.

У Стивенсона было несколько дел с близнецами, далее стояла проблема практического плана: как определить однояйцевые близнецы либо разнояйцевые? Идентичная внешность близнецов не давала ответа, требовался сложный анализ крови, причем не только близнецов, но и членов семьи. В Индии это требует значительных расходов, кроме того, уговорить все семейство поехать в больницу ради этого, тоже является непростым делом.

Однако, именно эту затею Стивенсон хотел проверить с семьей Суниты, но решил отложить этот вопрос до конца беседы.

На полированном кофейном столике появились свежие фрукты, орехи, финики и изюм, женщины принесли чай. Затем, отец Суниты поднялся и уступил кресло своей дочери - изящной, восхитительной женщине в белом

сари, вышитым золотыми, красными и зелеными листьями. Обе сестры были одинаково привлекательны, но я склонялся к тому, что они были двойняшками - у Аниты был немного другой овал лица. Но Стивенсон сказал, что в одном случае из двадцати близнецы не выглядят одинаково.

Первое что я заметил, Сунита называла отца “мой отец из Верни-Кота”, по названию города в котором она родилась, а отца по прошлой жизни “отец из Бельгаона”.

“Я думаю, она больше привязана к своей семье из Бельгаона, чем к нам,” - сказал отец, смеясь.

Сунита резко возразила. “Я просто встречаюсь с ними по торжественным поводам, - сказала она, оправдываясь. Видимо, эта тема была довольно болезненной для присутствующих. - Но я вижу их не чаще, чем моих родителей из Верни-Кота. Наверное, они заметили, как я скучала по семье в Бельгаоне. Если у вас два ребенка, один в интернате, а другой дома, то скучать вы будете больше по тому, который отсутствует. Но сейчас, я замужем и скучаю по обеим семьям одинаково”.

Мы поинтересовались у нее, сохранились ли какие-то зрительные воспоминания.

“Кое-что я помню, - ответила она, - например, как играю со своей младшей сестрой, но сейчас менее четко. Это похоже на то, когда готовишься к экзамену, то все помнишь, а как только сдашь его - сразу все из головы вылетает. Я хотела найти свою семью и нашла ее, теперь мне не нужно думать об этом”.

Тарелки опустели, во дворе ждали корреспонденты и репортеры и Стивенсон решил спросить насчет теста крови. Он сказал, что профинансирует анализы и поездку в Бомбей (Мумбаи), ближайший город, где проводилась эта сложная процедура.

Между родителями разгорелась короткая дискуссия. Повернувшись к нам, Сунита сказала: “Боюсь, нам не интересно. Мне намного больше интересно выяснить кое-что еще. Я помню еще одну предыдущую жизнь, но не знаю ни деревни, ни имен родителей. Может быть, вы могли бы как-то помочь назвать их?”

Спустя пару лет после ее возвращения из Бельгаона к ней стали приходить видения, мужчина и женщина смотрели на нее с большой любовью. Она сказала, что чувствовала, что это ее отец и мать, но не могла назвать их по именам.

Все что она знала, это то, что она была единственным ребенком и родители

очень любили ее. Помнила каменный дом и фикусовую пальму во дворе. С террасы дома виднелись железнодорожные пути, а еще она помнила, что глина в том дворе красноватого цвета, в отличие от желтой в местном регионе. У семьи был магазин одежды, чуть дальше по дорожке от дома. Такие образы всплывали у нее будучи ребенком.

Сатвант сообщила, что она планирует вернуться сюда через несколько месяцев и предложила Суните попробовать регрессивный гипноз, метод который Стивенсон тоже испытывал на нескольких подопытных, правда без особого успеха.

“Да, - сказала Сунита, - я заинтересована в том, чтобы узнать больше”.

Мать Суниты застонала и вскинула руки к лицу. Трудно было сказать, симулирует ли она раздражение или действительно злится. Ее дочери потребовались третьи родители. Она взглянула на Суниту и вздохнула: “Мы в последнюю очередь, как обычно”.

Сумитра здесь больше не живет

Пространство и время относительны и здесь, в Индии, небольшой кусочек пространства может отнимать огромное количество времени. В деревню Шарифпура, в 75 милях к северо-востоку от Агры, мы выехали рано утром. На американском хайвее это путешествие заняло бы около часа. Зная индийские дороги, я сразу настроился на то, что это потребует минимум в два раза больше времени. Но никак не ожидал того, что добираться нам придется около 6 часов.

За это время я отчетливо осознал, насколько опасным было мое пребывание на переднем сиденье нашего Марути. Лишь только мы свернули на восток, на узкую, достаточную лишь для проезда одного грузовика, асфальтированную дорогу без разметки, как начались приключения. Два грузовика и автобус гнали нам навстречу, совершенно не обращая внимания на нашу маленькую жестяную коробку. Сигналы сыпались с обеих сторон, но никто не хотел уступать. В последнюю секунду наш водитель резко свернул на обочину, причем встречные сделали то же самое и мы чудом разминулись, осыпая друг друга водительскими проклятиями. Судя по всему, мы были удачливы, так как за время пути я заметил в канаве три перевернутых грузовика. Собаки, пешеходы, быки, дети, велосипедисты, мотоциклисты находившиеся на дороге - каждый в разной степени способствовал тому, чтобы катастрофа неизбежно произошла.

Наши волнения были совсем не теоретическими, особенно после того, как мы стали свидетелями смертельной аварии напротив полицейского участка в Этаве, этому единичному эпизоду массовой бойни на индийских дорогах. В газете, которую мы захватили в Дели, были такие истории:

Двадцать два человека погибли и пятьдесят семь госпитализировано, с различными травмами за прошедшие сутки в г. Раджастан. Одиннадцать человек погибло и 7 получили травмы разной степени тяжести при столкновении внедорожника и автобуса в Джасолпати. Три человека мертвы и 28 ранено в результате аварии пассажирского автобуса в Харьяне. Три человека погибло и 7 травмировано в лобовом столкновении вблизи Удайпура...

И так далее. Это лишь в одном штате, за одни сутки. Стивенсон поведал историю своего помощника, тот вылетел на ухабе из джипа и потерял сознание при падении, а очнувшись на обочине, обнаружил себя ограбленным.

Я пытался не думать об этом, также как и о том, какого качества медпомощь мы получим в индийской глубинке. Я погрузил свои мысли в подробности того дела, которое мы ехали перепроверять. Между 1985 и 1987 Сатвант, Стивенсон и его помощник по имени Николас МакКлин-Райс провели с десятком интервью в окрестностях Шарифпуры. Предметом их интереса была молодая женщина по имени Сумитра. Она вышла замуж в тринадцать, это был традиционный брак по расчету. В 18 лет она родила сына. Спустя несколько месяцев она начала впадать в странные трансподобные состояния, которые могли продолжаться от нескольких минут до нескольких часов. Дважды во время этих припадков Сумитра становилась одержимой и говорила о себе, как о другом человеке - в одном случае, она была женщиной утонувшей в колодце, в другом мужчиной из отдаленной деревни. Впрочем, эти случаи были мимолетны.

В июле 1985, когда ее сыну было 6 месяцев, Сумитра снова вошла в транс, на этот раз предрекая, что умрет в течении трех дней. 19 июля она потеряла сознание, а из горла пошла кровь. Окружающие подумали, что это конец.

По рассказам семейства она не двигалась около 5 минут, а затем внезапно очнулась. Придя в сознание, она не узнавала ничего вокруг. Когда ее называли по имени, она отвечала: "Я не Сумитра, я Шива". Сказала, что ее убил ее муж, ударив кирпичом по голове. Она чрезвычайно волновалась, расспрашивая о здоровье своих двух маленьких детей.

В итоге она сделала еще ряд заявлений о жизни и смерти Шивы от рук мужа. Она не отвечала на обращение к ней по имени Сумитра и не узнавала сына, мужа, отца и женщину, которая ее вырастила (ее мать умерла вскоре после родов).

Через несколько недель она вернулась к прежнему образу жизни, стала матерью сыну и женой мужу, но продолжала утверждать, что она Шива и заботится о мальчике только потому, что: "Если я позабочусь об этом мальчике, то Бог позаботится о моих детях". О своем замужестве с мужем она говорила "первый брак".

Шива\Сумитра теперь говорила о своей принадлежности к более высокой касте. Она выразила недоумение, почему должна ходить в туалет в поле, а не в уборную в доме. Стала одеваться более вычурно и носить сандалии, вместо

вьетнамок.

Самой впечатляющей деталью оказалось заметное улучшение способности к чтению и письму. Сумитра не ходила в школу и обладала лишь элементарными знаниями грамоты. Тогда как Шива назвала два колледжа, которые она закончила, и повергла домашних в шок, показав навыки беглого чтения и письма.

Через несколько месяцев об этом случае услышал отец Шивы, живший в 40 милях от ее деревни, и решил приехал повидать ее. Когда Сумитре сообщили, что на улице ее ждет “отец”, она выбежала с плачем, называя его ласкательно-уменьшительным именем, известным только им обоим. Он спросил ее, как её называли в семье и она назвала два имени, оба верные. Она продолжала вспоминать, узнавая по фотографиям людей и предметы. Отец хотел одурачить ее, спрашивая что-то типа: “Какая из этих женщин твоя мать?” Шива отвечала, что матери нет на фотографии. По свидетельству отца, она прошла все проверки.

Обстоятельства смерти реальной (можно сказать подлинной) Шивы были крайне загадочны. В мае 1985 ее дядя позвонил в дом ее мужа, где она жила согласно обычаям. Трубку сняла Шива, вся в слезах, она рассказала, что сестра и золовка бьют ее. Дядя понял, что Шива расстроена, но не придавал особого значения. А на следующий день его известили, что она мертва. Семья ее мужа рассказала ему, что она исчезла из дома вечером, а когда они пустились в поиски, то обнаружили ее на железнодорожных путях. Они пришли к выводу, что она бросилась под поезд.

Дядя пошел посмотреть на тело, оно до сих пор лежало рядом с путями, на платформе. Тело Шивы было практически не повреждено, за исключением раны на голове, что сразу ввергло его в сомнения - поезд при ударе наносит человеку намного больше повреждений. Дядя попросил не торопиться с кремацией и подождать отца Шивы, который приедет через несколько часов. Те отказались и начали обряд сожжения, а чтобы ускорить его - поливали костер топливом. К моменту приезда отца, от тела остались только пепел с костями.

Отец Шивы подал заявление в полицию, те арестовали мужа, его мать и сестру, по подозрению в убийстве. Правда, в конечном итоге, они были освобождены из-за отсутствия доказательств.

Сумитра не “умерла”, но воскресла как Шива, через два месяца после ее смерти. К тому времени в местных газетах уже промелькнули отчеты о смерти

Шивы с подробностями убийства и именами обвиняемых. Нельзя было исключать того, что кто-то из деревни Сумитры мог видеть эти статьи. Тем не менее, некоторые ее свидетельства, как имена или название колледжей, выходили за рамки того, что можно было почерпнуть из газеты.

Мы всё ехали по бесконечной, ухабистой дороге, углубляясь в индийскую глубинку. Я вспомнил, что когда первый раз услышал об этом деле, то подумал, что это может быть достаточно сильный аргумент против реинкарнации: в одном человеке одновременно сосуществовали две личности, это сильно отличалось от перехода души из одного тела после его смерти в другое.

Конечно, это можно было объяснить (хотя и звучало это несколько жутковато) особым случаем: возможно, что Сумитра умирала, а душа Шивы взяла контроль над ее телом, до завершения физического распада.

Но как тогда объяснить предыдущие состояния транса и мимолетные воспоминания жизней других людей? Было достаточно трудно объяснить их в рамках идеи реинкарнации. Сумитра была вполне жива во время этих припадков. Так откуда же взялись эти личности и куда они исчезли? Почему их появление носило временный характер?

Ситуация становилась все запутаннее. Выдержка из дела:

Осенью 1986, (спустя несколько месяцев после смены личности) Сумитра остановилась в замешательстве. Это продолжалась несколько часов и казалось, она вернется к своему обычному состоянию. Но, личность Шивы одержала вверх и все еще доминировала, когда мы проводили свое интервью в октябре 1987г.

Что меня больше всего поражало, это отсутствие какого-либо намека на психическое заболевание или патологию среди этих людей, что подтверждалось исследованиями Эрлендура Харальдсона. Все они были вполне здравомыслящи.

Но в случае с Сумитрой это вполне можно было классифицировать как синдром множественной личности. Как Шива могла обрести контроль над телом Сумитры, если та умерла? Сходство и согласованность других изученных нами дел, простых в известном смысле, способствовали ощущению их реальности, они вполне могли быть частью естественного порядка вещей, пусть и казались сверхъестественными с точки зрения Запада. Случай с заменой личности у Сумитры напротив тревожил своей загадочной

нелогичностью.

Мне хотелось знать больше об этом моментальном возрождении Сумитры. Формулировка *“казалось, вернется к своему обычному состоянию”* выглядела чрезвычайно туманной в таком важном деле.

Пролетело три часа, но я не стал ближе к пониманию. Частично виной тому были дороги - некоторые участки которой были похожи на лунную поверхность в кратерах и наш водитель должен был снижать скорость до темпа пешеходов. Также нас сильно замедляли жилые пункты, по мере приближения к ним дороги исчезали, превращаясь в непролазную грязь. Сами же поселения встречали нас неизменными заторами, хаотично снующими людьми, грязью, трущобами, магазинами на обочинах, горящими крышками и бог знает чем еще. Я пытался смириться с этим, повторяя как мантру: “Это всего лишь центр деревни, так всегда в центре” и не обращать внимания на нечистоты, гниющие трупы животных и отвратительный воздух, непригодный для дыхания, сосредоточившись, вместо этого на бурлении окружающей жизни. Деревянные повозки с большими неотесанными колесами, запряженные сонными волами, неторопливо плыли сквозь городскую суету. Чем дальше мы отъезжали от Агры, тем меньше нам попадалось автомобилей и грузовиков. В один момент мы намертво стали, упершись в стадо коров посреди улицы. Внезапно в самую гущу животных спикировал красный ястреб и взмыл, держа в когтях исходящую писком мышь.

Выезжая на относительно спокойные участки, мы каждый раз просили водителя прижаться к обочине, чтобы выйти и размяться. Заднее сиденье, хоть и казалось безопаснее, но было более жестким и менее удобным эргономически. Стивенсон мужественно терпел, но перерывы были действительно необходимы. Мы ходили кругами и делали разминку, проезжавшие мимо велосипедисты и наездники на верблюдах провожали нас удивленными взглядами.

В одну из таких остановок я решил задать Стивенсону вопрос по делу Сумитры и спросил почему отчет так загадочен.

“Наш единственный источник информации - ее муж, - ответил он, - а он не самый надежный свидетель”.

Я спросил, опрашивали ли они других в деревне. Даже если такое и было, Стивенсон об этом не помнил. Это расстраивало, потому что многое в деле было убедительным. Даже если представить, что полуграмотной сельской женщине каким-то образом попала в руки городская газета из которой можно было узнать подробности смерти Шивы, то как насчет прочих ее свидетельств?

Как насчет точного опознания названий колледжа и ласкательных имен для домашних? Всего этого не было в газете.

А что сказать про внезапно проявившиеся способности Сумитры к письму и чтению, совершенно необъяснимые для ее ситуации и окружения?

Я спросил Сатвант, видела ли она, как девушка пишет и читает? Она ответила, что навыки чтения девушка показать постеснялась, но предоставила образец письма: “Я бы сказала, что она пишет на уровне 5-го класса. Далек не уровень колледжа, конечно, но учитывая то, что мы знали о Сумитре до этого, следовало ожидать, что она едва знает буквы”.

- На мой взгляд, было бы крайне странно увидеть, как женщина, недавно читающая по буквам демонстрирует уровень колледжа при письме, - сказал я.

Стивенсон, складываясь на заднем сиденье, произнес: “Это может быть похоже на то, как профессиональный пианист играет на наполовину разбитом рояле. Он никогда не зазвучит так, как нужно”.

Мы продолжили путь, на дороге и перекрестках уже не осталось никаких указателей. Стивенсон давно потерял уверенность в том маршруте, что он записывал у себя в бумагах десятилетие назад, поэтому, при каждой возможности мы останавливались выяснить дорогу в Шарифпуру. Наши усилия привели довольно к странному результату - путь в итоге перегородили два бревна с тракторной шиной, лежащие поперек дороги. Рядом стоял человек с длинной палкой. Когда мы остановились, он подошел к водителскому окну, требуя сбор “на развитие дорожной инфраструктуры”. Водитель посоветался с Сатвант и протянул ему купюру. “Дорожное ограбление,” - подумал я. Тот подошел к будке, откуда на нас неприязненно смотрел еще один человек за деревянным столом и вернулся с распечатанной квитанцией. Затем он отодвинул бревна с шиной и мы проехали.

Спустя несколько минут мы наконец повстречали человека, который точно знал как добраться до пункта нашего назначения. Мы свернули с дороги, пересекли гниющий деревянный мост через ирригационный канал и очутились на грязновато-песчаной дороге пересекающей пышно растущие поля с желтыми соцветиями. Спустя полмили поле исчезло, сменившись глубоким глиняным карьером, на дне которого люди лепили кирпичи и затем выкладывали их огромными рядами для просушки на солнце. Штабеля кирпичей уходили далеко вдаль.

За пределами карьера дорога продолжалась сквозь поля пшеницы, но колея была более глубокой. Водитель, твердо уверившись в своем

профессиональном мастерстве, решил довезти нас до самой деревни, но не рассчитал своих сил и застрял.

Было уже поздно, почти два часа и, оставив водителя раздумывать над тем, как он будет выбираться из грязи, остаток пути мы решили пройти пешком. Мы вышли, рассматривая зеленые поля и яркое синее небо и меня внезапно осенило: кроме интервью нам еще предстояла шестичасовая дорога обратно в Агру. Шесть часов до ближайшего туалета.

Наша странная процессия тронулась в путь. Стивенсон в своей спортивной куртке и массивным портфелем (я предложил его понести, но он отказался) возглавлял авангард, затем шла Сатвант с фотоаппаратом и своей сумкой, я замыкал колонну с рюкзаком за одним плечом. За несколько сотен метров от машины мы встретили двух женщин, занимавшихся прополкой сорняков. Они прекратили работу, провожая нас взглядами.

На углу поля мы повернули и появилась деревня. Цивилизация похоже сюда не добралась, дома были сделаны из того что под рукой и без всякого применения строительной техники: соломенные или камышовые крыши и стены, сделанные из смеси грязи, навоза и соломы.

Деревню опоясывала кольцевая дорога, с радиально расходящимися тропками к каждому отдельному двору, окруженными гладкими, серовато-коричневыми заборами, сделанными из того же материала, что и стены домов. Стены забора плавно переходили в стены строений, более заслуживающего названия “дом”, нежели большинство до этого нами увиденных строений в деревнях, более похожих на навесы. Соломенные крыши, подпираемые неровными брусьями, стоящими на кирпичном основании, нависали над стенами. Выше крыш извивались ветви тропических деревьев. Дети сидя на корточках играли глиняными шариками. Из поилок пили воду животные.

Постепенно, по пути нашего следования к дому Сумитры, за нами образовалась толпа. Мы нырнули через соломенный навес внешнего забора и вошли во внутренний двор отворив двойные ворота из твердого дерева. Нас преследовала, наверное, уже половина деревни.

Свекровь Сумитры, маленькая седая женщина в оранжевом сари и с бирюзовыми браслетами встретила нас, казалось, надменно: “Сумитра живет в Дели, - сказала она коротко, - она не живет здесь уже 7 лет”.

Сраженные этой новостью, мы застыли на палящем солнце: 12 часов путешествия ради чего? Сатвант опомнилась первой и спросила адрес в Дели.

“Я не знаю, - ответила свекровь, - от нее нет вестей”.

“По-моему, она говорит неправду,” - понизив голос, сказала нам Сатвант.

Я внимательно взглянул на женщину, она нахмурилась и начала крутить браслет на запястье. Тем временем, любопытные все прибывали и вскоре весь двор оказался полным. Толпа расступилась и вперед вышел небольшой паренек. Люди показывали на него пальцами, кто-то разговаривал с Сатвант.

“Говорят, это сын Сумитры, - перевела она. - Говорят, что у нее был еще один ребенок, уже после того, как она стала Шивой, девочка, она тоже живет в этой деревне”.

Это было подозрительно, если не сказать больше. Сумитра с мужем бросили детей в деревне и уехали даже не интересуясь их судьбой?

“Я не верю в это, - Сатвант, словно прочитала мои мысли, - она не хочет говорить нам правду по каким-то причинам”.

Сатвант повернулась к свекрови.

- Может быть ваш муж поговорит с нами?
- Мой муж знает не больше меня.

Я чувствовал как сзади напирала толпа. Окинул взглядом непроницаемые лица. Пятьдесят или шестьдесят человек вокруг нас. Наша машина застрявшая в грязи. Куча кирпичей у стены дома.

Свекровь что-то сказала жестким тоном. Сатвант перевела: “Она говорит, что мы должны уходить. Почему мы должны уходить? Потому что, она ответила на все вопросы”.

Затем она указала на фотоаппарат у Сатвант и продолжила в том же тоне. Я подумал было, что она пеняет на то, что им не отправили фотографии с прошлого визита, но оказалось что фотографии они таки получили, а теперь хотели еще.

“Я могу сделать групповое фото?” - спросил я.

“Думаю, это смягчит ее немного,” - ответила Сатвант.

Она согласилась и ее поведение изменилось. Она сказала, что нужно подождать, пока придет муж, и отправилась в дом приводить себя в порядок. Через несколько минут из главных ворот появился свекр Сумитры. Это был невзрачный человек с морщинистой кожей. Они выстроились в линию для фотографирования, поставив между собой своего внука.

После этого Стивенсон задал несколько вопросов и выяснил, что личность Шивы по прежнему доминировала в Сумитре, по крайней мере, так было до тех пор, пока она не уехала. Однако, вскоре беседа превратилась в сущий ад. Люди стали говорить хором, выкрикивать, смеяться, толкать друг друга. Сидящий рядом с нами человек говорил громче всех и пытался захватить общее внимание, от него разило спиртным.

Глядя на него Сатвант сказала:

- Этот человек меня пугает. Нужно уезжать отсюда.
- Он угрожал или что? - спросил я.
- Нет, просто он сильно пьян и я беспокоюсь.

Мы поинтересовались, можно ли каким-то образом найти адрес Сумитры. Человек из толпы выкрикнул: “Может быть, если вы дадите 3000 рупий, я смогу вам помочь найти ее адрес в Дели”.

“Вы говорите, что знаете ее адрес и готовы продать нам его?” - спросила Сатвант.

Человек быстро ретировался: “О нет, нет. Я просто говорю, что это будет столько вам стоить, чтобы узнать ее адрес в Дели”.

Но его намерения были очевидны. Белые люди, машина с водителем, фотокамеры и европейская одежда - в их глазах у нас было очень много денег. Так почему бы нам не поделиться с ними какой-то частью? Такова была их позиция и это создавало ощутимое напряжение. Затаенное ощущение обиды на нас терзало их изнутри.

Сатвант была уверена, что Сумитра прячется где-то рядом, может быть даже внутри дома. Чтобы развеять свое подозрение, она спросила у свекрови может ли она поговорить с ней в доме наедине.

“Зачем? - ответила женщина. - Зачем вам нужно в дом?”

Я стал думать о том, как достойно отступить, но Стивенсон не торопился: “Давай спросим у них еще кое-что”.

Мы пробыли там час.

Когда мы наконец собрались, толпа сопровождала нас по полям до самой машины, забегая вперед, толкаясь и подрезая. Стивенсон поскользнулся (или его толкнули) и упал в пшеницу, я помог ему выбраться и остаток пути он прихрамывал.

Мужчины помогли нашему автомобилю выбраться из грязи, водитель выехал на сухое место и остановился в ожидании нас. Взобравшись на пригорок мы обернулись и прокричали слова прощания.

Когда мы выехали на асфальт, Сатвант заметила: “У меня есть реальные сомнения по этому делу”.

Я знал, что она имеет ввиду. Мы выяснили, что Сумитра и ее муж ездили в Дели раньше, когда ей было 18 и как раз перед тем, как у нее начались припадки.

Информации было не так много, но хронология заставляла задуматься.

Может быть Сумитре понравилась городская жизнь, там она вполне могла улучшить навыки письма и чтения. Перспектива возвращения в глухую деревню могла вызвать острую депрессию. Поэтому, услышав об убийстве девушки из высшей касты в ближайшем городе, она не задумываясь ухватилась за эту возможность. Состояния транса, кстати, могли быть вполне реальными - вызванными депрессиями и нервными истощениями.

Отец Шивы, охваченный мстостью к семье убившей его дочь, мог поддержать ее заявления, так как они подтверждали его подозрения. Этот мотив был достаточно убедительным. Но если был заговор, то в нем должно было участвовать множество людей - вся семья Шивы, несколько друзей и знакомых были вовлечены в махинацию.

В Агру мы возвращались по другой дороге: она была менее разбитой, а деревень по пути было немного. Тем не менее, последние часы езды застали нас в кромешной темноте, лишь сквозь дымы навозных костров тускло просвечивали звезды, да изредка мир оживал фарами грузовиков и автобусов проносящихся нам навстречу. Я начал думать, что мы играем с судьбой - до сих пор мы успевали съезжать на обочину в попытках увернуться от встречного грузовика, или же объехать внезапно появившийся перед нами скутер или телегу, но могло ли это продолжаться долго? Двенадцать часов езды и неудачная поездка сделали свое дело - в машине царил усталость и уныние. Я скучал по семье. Здесь, в Индии, в отличие от Ливана у меня не было доступа к интернету и я не мог позвонить по межгороду из городских телефонных будок. Чувство изоляции и огромного расстояния - половина планеты до родных, ощущалось особенно остро. Я попытался унять эти мысли и направить их в конструктивное русло: дает ли знание о реинкарнации спокойствие перед лицом этих болезненных ощущений? Ответ пришел незамедлительно: я не хотел другой жизни, я хотел жить в *этой*.

Стивенсон заговорил о лекции, которую он планировал прочитать в Вирджинии на конгрессе, посвященном исследованиям на периферии научного мейнстрима. Каковы фундаментальные основания науки? Вот вопрос, который он намеревался раскрыть.

В основном, продолжал он, его задачей было поколебать некоторые устоявшиеся представления. Одним из таких стереотипов была идея, что любой эксперимент можно при желании повторить и добиться тех же результатов. Многие его коллеги снисходительно относились к его исследованию именно по этой причине - спонтанные детские воспоминания не воспроизводились в лабораторных условиях. "Мы не можем повторить полет

метеора или взрыв вулкана, но это же не мешает нам исследовать их?” - задавался он вопросами.

“Но ведь каждый может пройти по вашим стопам и сделать тоже самое, - возразил я, - опросить свидетелей, проверить документы. Им лучше дважды подумать, конечно, прежде чем ехать в Шарифпуру”.

Думаю, несмотря на темноту, он заметил мою улыбку. Через несколько секунд он продолжал: “Прогнозируемость - еще одна догма”. Традиционная наука говорит, что теория должна обладать предсказательной силой, что любой поставленный эксперимент должен приводить к ожидаемым результатам. Например, в деле турецкого бандита Стивенсон предположил, что у парня кроме родинки на подбородке, должна быть родинка еще и на голове и угадал. Но это было исключение. Стивенсон не мог предсказать полет души и то, какой именно ребенок начнет вспоминать жизнь своего умершего соседа. Значило ли это, что его работы неправильны?

И снова, я подумал, что он застопорился на одном месте. “Но вы можете прогнозировать и я думаю, это будут достаточно сильные предсказания, - сказала я. - Вы можете предсказать, что существующие случаи сменятся новыми, не менее серьезными. Вы с уверенностью можете предсказать то, что исследователи, добросовестно опрашивающие детей, семьи и других свидетелей не смогут объяснить сложившиеся факты в рамках обычных представлений”.

Стивенсон не останавливался. Фальсифицируемость, например. Идея, что для теории должна существовать возможность постановки эксперимента, который ее опровергнет. Говоря простыми словами, научная теория должна быть способна ошибаться. Критики зададут вопрос: “Как вы можете доказать, что кто-то *не реинкарнирует?*”

Впрочем, не думаю, что Стивенсона будут спрашивать об этом. Скорее, всем захочется быть уверенным в том, что реинкарнация *не является* самым правдоподобным объяснением всех этих случаев.

Мы поговорили об этом еще немного, но когда я закончил, он выглядел мрачнее, чем обычно. Он собрал почти три тысячи дел, ключевые особенности которых многократно повторялись снова и снова. Он занимался этим почти четыре десятилетия и был удостоен лишь мимолетного внимания научной общественности. Сейчас его время подходило к концу и он понимал это.

“Есть один старый афоризм, - сказал он мрачно, - развитие науки идет от похорон к похоронам. Среди научной элиты мощные консервативные

настроения. Их не переубедить, они умерли для новых идей, должно вырасти новое поколение”.

Я начал раздумывать об этом в тишине, когда из мрака ночи до нас донеслась очередная серия сигналов - кто-то ехал навстречу.

Тогда он спросил меня прямо: “Почему они не могут принять доказательства?”

Люди? Почему люди не могут принять? Или все-таки я? Я должен выразить свое мнение или чужое?

Я осторожно ответил: “Что же, эти доказательства делают реинкарнацию возможной, но насколько? Мы не знаем, что есть душа. Нам неизвестны механизмы, при помощи которых она переходит из тела в тело. Много чего мы не знаем, думаю в этом проблема”.

“Но разве есть другое объяснение тому, что мы видели? Я изучал другие возможности, отсеивая лишние, кроме реинкарнации ничего не остается”.

Я почувствовал небольшое отчаяние. Мне захотелось оглохнуть. “Ну, наверное реинкарнация единственно разумное объяснение тому, что мы видели. Но я не убежден в этом абсолютно, ведь может быть некая комбинация культурного влияния, в сочетании с экстрасенсорными способностями. Может быть, какие-то базовые человеческие потребности нуждаются в выражении и сила коллективного бессознательного как-то продуцирует эти...”

Я послушал себя со стороны и подумал, бог мой, что я несу?

От этих мыслей у меня разболелась голова. Я выучил тот же урок, что и Стивенсон много лет назад: идеальным все кажется только на первый взгляд, а когда ты начинаешь копать вглубь, вопросов становится больше, чем ответов. Я чувствовал, словно какая-то неведомая сила парила над нами, складывая ситуацию так, что все собранные подтверждения нельзя было сбрасывать со счетов, но и нельзя было выложить на суд, без единого сомнения.

До сих пор любому единичному случаю можно было дать "нормальное" объяснение, поупражнявшись в логической гимнастике. А если идти путем этих сомнений дальше и дальше, от одного дела к другому? Довольно скоро, реинкарнация начала мне казаться наименее фантастической альтернативой. Как только я приму достоверность одного дела, я приму и остальные. Как только реинкарнация станет возможной единожды, она тут же станет более простым объяснением дела Шивы, молочника и других, нежели натянутая цепь заговоров и случайных совпадений, которыми я тщился объяснить их все это

время.

И я спросил себя откровенно: готов ли я принять реинкарнацию, с учетом всего того, что увидел и услышал?

Что-то меня останавливало. Какой-то фактор, который я чувствовал, но не мог ухватить мыслями.

Часть 4

Соединенные Штаты - дети по соседству

Земля Дикси

Когда я вернулся в США и перечитал свои записи, во мне рефреном зазвучал вопрос: почему здесь нет таких дел?

А еще я обнаружил, что люди не очень любят слушать, вместо этого они, едва услышав про реинкарнацию, начинали делиться историями о своих детях или о детях знакомых, которые, по их мнению, жили в прошлом.

Большинство историй были туманны, отрывочны и не открывали ничего нового, кроме, разве что, уже имеющегося понимания того, что дети удивительные существа без всякой реинкарнации. Одна женщина поведала мне, как ее дочка заявила: “Я помню, как раньше я была в небе”, а двухлетняя дочка другой, сообщила, пристально глядя на маму: “Я рада, что выбрала тебя”.

Я вспомнил ужас своей дочери при встрече с обручем. Она столкнулась с ним попав в шкаф для игрушек и кричала так, будто ее убивали. Страх из прошлой жизни? Или необъяснимая причуда развивающегося мозга?

Более того, с моим сыном история была еще интереснее, в детстве он говорил: “Когда я был папой...”. Через несколько дней, вернувшись домой из командировки я спросил его об этом.

“Я был маленьким тогда, - заявил он мне, - и не знал как сказать это правильно. Теперь я знаю, что правильно говорить нужно: *когда я стану папой*”.

Думаю, на этом примере понятно, как общество обуславливает детей и заставляет их подавлять и отсеивать воспоминания прошлой жизни. В любом случае, среди всего что я услышал, не было того, за что можно зацепиться.

Вот еще несколько историй. Соседка, работающая в детском саду воспитателем, рассказала, что у нее в группе как-то была девочка, которая подолгу говорила о том, как она жила в Вирджинии. Однажды, при встрече с ее матерью, она заинтересовалась у нее, когда они переехали из Вирджинии. Та выглядела удивленной и заявила: “Мы никогда не жили в Вирджинии”.

Еще одна знакомая, работающая няней, поведала об истории еще одной девочки, за которой она ухаживала. Она рассказывала так: “Перед тем, как я стала собой, я жила в Сан-Франциско со своей лучшей подружкой Бонни. Однажды мы путешествовали в фургоне и погибли”.

Я не имел ни малейшего представления к чему может привести расследование этих дел, если я начну задавать вопросы детям и их родителям. Может быть, ребенок из Вирджинии вспомнит достаточно для того, чтобы выяснить там ее точный адрес. А выяснив подробности аварии, удастся идентифицировать личность погибших в истории про Сан-Франциско. Это можно сделать даже сейчас, просто просмотрев все отчеты об авариях за последние 5-10 лет.

Конечно, моя знакомая не помнила имени девочки, да и имя Бонни вряд ли было настоящим именем.

Я рассказал эти истории своему другу Гену Вейнгартену, автору и редактору *Вашингтон Пост*, величайшему скептику, парню, который скорее сунет руку в мясорубку, нежели поверит в существование паранормальных феноменов. Ген дал мне закончить, а затем сказал: “Ты же помнишь ту историю с братом Арлен?”

Арлен это жена Гена, родившаяся в семье потомственных переселенцев Северо-Востока. Тем не менее, как только ее младший брат Джим начал говорить, он заявил: “Я родился в Дикси”.

Нет, поправляли его родители, ты родился в Бриджпорте, в Коннектикуте, но тот продолжал настаивать: “Нет, я родился в Дикси”.

“Это было странно, - сказала мне Арлен, - почему именно Дикси? Мы не понимали откуда он вообще взял это слово? В Коннектикуте? В 60-х?”

Я спросил ее, допускали они мысли о том, что это могла быть реинкарнация?

“Ты шутишь? - ответила она. - Скорее, это было очередное доказательство того, что он был более странным, чем обычные дети.

Вскоре семья совершила путешествие на юг, во Флориду.

Арлен не помнила о путешествии, поэтому я позвонил ее матери, живущей на побережье, вблизи Майами.

- Да, я помню эту непростую поездку - красный универсал, муж, свекровь и двое детей вместе со мной. Автострад в то время не было, поэтому мы ехали по старой 301-й дороге. Арлен было девять, а Джиму шесть. Джим часто говорил: «Я из Дикси». Он говорил это как-то странно, как-будто бы с каким-то акцентом. Мы подшучивали над ним, говорили, что он из Бостона, но он упрямо твердил: «Нет, я из Дикси». Иной раз, мы интересовались: «С чего ты решил, что ты оттуда?», но он не отвечал, а мы не настаивали. Много вопросов тогда не задавали.

Когда мы приехали на юг, он сильно разволновался, стал отсчитывать

мили с минутами в ожидании того момента, когда приедут его бабушка и дедушка из Дикси, а также мама и папа. Я сказала: «Мы твои мама и папа», но он ответил: «Нет, вы не они», решительно так ответил.

Мы проезжали Джорджию, когда он стал безумствовать по настоящему. «Я покажу вам, где мы жили, - кричал он, - вон туда! Здесь навверх по холму и по дороге за деревья».

- Он описал дом? - спросил я.
- Он сказал, что это был старый дом.
- Вы съехали с шоссе, чтобы посмотреть то место?
- Не хотели беспокоиться. После этой поездки он больше не говорил о Дикси. Акцент стал пропадать, а через две недели полностью исчез.

«Мы были рады тому, что он наконец-то заткнулся,» - со смехом сказала Арлен, когда я пересказал ей свой разговор с ее матерью.

Вряд ли Джим помнил эту историю, но тем не менее, я позвонил ему. Он работал телевизионным мастером в Массачусетсе.

«Не думаю, что я вспомню больше, чем рассказала моя мать,» - сказал он поначалу.

- Ты помнишь это как семейную историю, или все-же у тебя есть свои собственные воспоминания об этом путешествии?
- Я могу описать тот дом. Крыльцо с качелями, ивы под домом, штакетник. еще я помню своих родителей.
- Ты имеешь в виду твоих и Арлен?
- Нет, я имею в виду своих родителей в том доме. Лица нечеткие, но гордые и влиятельные. Я был ребенком, избалованным и испорченным, все вокруг меня суетились. Вот все что я помню.
- Что ты думаешь в связи с этим? Может ты реинкарнирован?
- Не уверен. Мы были ирландскими католиками, а в их воззрениях нет реинкарнации. Быть может, параллельные вселенные или что-то такое.

Одно я понял точно: выяснить недостающие детали не составляло труда, даже если в этом деле были задействованы параллельные вселенные. Я мог затащить Джима в автомобиль и поехать в Джорджию по шоссе 301, там дожидаться, пока он укажет на тот поворот на холм и опознает дом, если тот конечно сохранился. Ну, а если нет? Все что он помнил, это аристократическая пара с единственным ребенком живущая в доме с качелями на крыльце и штакетником. В южных штатах середины века каждый третий дом с такими признаками”.

С практической точки зрения, все вместе это превращалось в забавный

анекдот, но я не мог прекратить думать об этом. Передо мной была семья, которая не просто не верила в реинкарнацию, но даже никогда не думала об этом. И конечно, они никогда не слышали об исследованиях Стивенсона, тем более, что в те времена, он еще к ним не приступил. Но все же, за исключением отсутствия интереса семьи, по форме дело было очень похоже на ливанские случаи. Первые слова ребенка были, что он не *отсюда*, а откуда-то *оттуда*. Это не его родители, его родители выросли в Дикси и их родители выросли там же. *Я покажу вам, где мы жили.*

Это отвечало на вопросы, почему нет случаев. Они *есть*. На этот случай я наткнулся случайно, по знакомству, если затеять систематический поиск, результатов наверняка будет больше.

Стивенсон не занимался такими поисками на американском континенте. Он печатался, у него были знакомые, поэтому дела сами находили его. За прошедшие десятилетия он собрал и достаточно глубоко исследовал около сотни случаев.

В целом, американские дети сообщали гораздо меньше подробностей, чем дети в Ливане и Индии, особенно это касалось имён, что осложняло идентификацию. Фактически, был только один четкий и проверенный случай, когда ребенок вспомнил жизнь своего дедушки, так называемое “семейное дело”.

Однако, независимо от того, насколько убедительны были факты этого “семейного” дела, само по себе оно имело два фундаментальных недостатка. Первой и очевидной была мотивация - горе родителей и желание вернуть любимого члена семьи способствовали тому, что они сами того не осознавая могли сфабриковать дело. Второе - ребенок сам мог обычным образом узнать детали и подробности жизни деда и формировать воспоминания о нем, выдаваемые за воспоминание из прошлых жизней.

Когда мы сидели в парижском аэропорту, в ожидании отлета в Индию, Стивенсон рассказал мне об этом деле, которое он расследовал в Чикаго. Мать ребенка, официантка по имени Данкин Донатс, потеряла своего первого сына - он умер от рака в возрасте трех лет. У него была искалечена нога, опухоль в левом полушарии мозга, а также в районе левого глаза. Перед смертью он научился ходить при помощи костылей. Но вскоре его состояние ухудшилось, он ослаб, был госпитализирован и скончался.

Мать была потрясена горем и продолжала скорбеть даже после того, как родила еще двоих. А родив четвертого ребенка, она уверовала, что это ее переродившийся сын. Малыш имел родовые отметины в тех местах, где были

проблемы у первого: уплотнение на голове в месте расположения опухоли у первого ребенка, дефект в левом глазу, врожденный дефект костей ноги, из-за которого он будет прихрамывать и родинка на груди, в том месте куда доктора вставили трубку при проведении реанимации. Одно время родинка даже сочилась.

Проблема с этим делом была в том, что глубокое и продолжительное горе матери давало больше оснований считать случай некоей формой сбывшейся фантазии, нежели доказательством реинкарнации. Расположение родимых пятен могло быть совершенно случайным, но она уверовала в перерождение сына. Скоротечность жизни первого ребенка в сочетании со страстным желанием матери верить в то, что это вернулся именно он, поставят крест на возможных будущих заявлениях ребенка, как на доказательстве реинкарнации.

Я понимал, что любые, даже самые лучшие “семейные дела”, будут иметь изначальный недостаток такого плана, что с самого детства дети находятся в среде, информационно насыщенной различными подробностями жизни умерших родственников. Тем не менее, с одним делом я хотел познакомиться поближе. Все-таки, этот тип дел составлял большой процент среди случаев американской коллекции Стивенсона.

“Я не против того, чтобы вернуться к этому делу, - сказал мне Стивенсон, - есть моменты, которые я хотел бы перепроверить”.

Итак, однажды утром мы пробирались на автомобиле через живописные холмы южных окрестностей Шарлотсвилля в направлении вершин Голубого хребта. Мы ехали по делу девятилетнего мальчика, чья семья была уверена в том, что в нем живет душа его дяди, погибшего подростком под трактором, за двадцать лет до его рождения.

Семья согласилась видеть меня на условиях, что я не буду разглашать их имена и местоположение. Они жили в крошечном домике, в небольшой долине зажатой среди неправдоподобно красивых, поросших лесом, холмов.

“Это все наша земля,” - сказала мне тетя мальчика, пока я, стоя одной ногой на крыльце и задрвав голову, разглядывал окружающие красоты. Это была старшая сестра умершего дяди. Крошечная, очень низкого роста женщина, работающая методистом в местной школе. Ее младшая сестра была гораздо крупнее, это она была матерью мальчика. Они пригласили нас в сумрачную гостиную, посреди которой в огромном мягком кресле устроился объект нашего исследования по имени Джозеф. Едва взглянув на нас, он вернулся к просмотру субботних утренних мультфильмов. Это был пухлый, как его

мать, стриженный под горшок круглолицый мальчик с немного затравленным взглядом. Его тетя позже поведала нам, что его одноклассники насмешливо называли его “мальчик с фермы”.

“Забавно, но не один из этих детей не нашел бы отсюда дорогу в город,” - захихикала она, покачивая головой.

Дядю звали Дэвид, он был за рулем трактора, когда тот перевернулся и раздавил ему грудь. Джозеф же родился с тяжелой формой астмы и довольно долго не мог пойти в школу по этой причине.

“Мои родители были раздавлены смертью Дэвида, - сказала тетя. - Они избегали говорить о случившемся. Никаких случайных упоминаний о нем ни до, ни после рождения Джозефа. Так что, он не мог ничего слышать об этом”.

“Об этом” - это серия заявлений, сделанные Джозефом, которые заставили думать, что он воплощение Дэвида. Сперва он почти всегда называл свою бабушку мамой, а к матери обращался по имени, но это никого не встревожило, в конце концов она с сестрой тоже называли его бабушку мамой. Но вскоре Джозеф начал делать другие заявления.

“Однажды мы просто сидели на тротуаре перед домом родителей и он смотрел на крышу дома. Затем он позвал мою мать и сказал: «Эй, мам, помнишь как мы с папой залезли на крышу и покрасили ее в красный. У меня все ноги были в краске? Ты назвала нас сумасшедшими».

Мама сказала: «Джозеф?» Он не отвечал. Она была в смятении: «О мой бог, Дженни, ты слышала, что он только что сказал? Это же Дэвид тогда красил, он вымазался так, что краски на нем было больше чем на крыше».

Это было в 1962г., но с тех пор мы ее перекрасили в зеленый.

Еще был случай, мы ехали по 11-му шоссе и он заявил: «В моем детстве здесь не было домов, здесь был лес в котором мы охотились». Или еще, как-то мы проезжали мимо зданий Федерации американских фермеров, он сказал: «Я помню, что раньше здесь было поле кукурузы. Я собирал ее вместе Гартон Кларком и Стэнли Флордом».

Я спросила: «Что, правда?» и он ответил: «Да, мы еще поссорились из-за рабочих ботинок».

Мы заинтересовались насчет людей, чьи имена он называл.

“Я не знаю таких, - ответила она, - но, это распространенные имена в этой местности”.

Время от времени Джозеф делал новые заявления, но он как-будто не делал различия между прошлой жизнью и нынешней.

- Как-то раз он заявил: «Когда мы будем играть с сохнувшими простынями

как раньше?» Когда мы были детьми мы играли в прятки среди развешанного белья. Но мы уже лет двадцать не вывешиваем простыни, а сушим их в сушилке, как и все.

Он никогда не говорил, что его зовут Дэвид или что-нибудь, типа: «Я был твоим братом, а теперь я твой сын». Впрочем, однажды, когда мы рассматривала фотографии в альбоме, я показала ему фотографию Дэвида, он поглядел на нее и сказал: «Похоже это я».

- Дэвид выглядел абсолютно по другому, чем Джозеф, - сказала Дженифер.

Стивенсон стал задавать намеченные им уточняющие вопросы, а я проглядывал предыдущее интервью. Добравшись до последних страниц, я чуть не ойкнул вслух - там говорилось про “невидимого друга” Джозефа, по имени Майкл.

В течении нескольких лет у него был воображаемый друг, рассказала Дженифер. Я много раз слышала как он разговаривал с ним и называл его по имени, когда был один в комнате. Он даже отдавал игрушки Маклу, один раз отдал ему шляпу.

“Мне кажется это забавно, особенно когда я начинаю с ним спорить и бросаю в него машинки, они пролетают прямо через него,” - заявил он однажды матери.

“Он думает, что я его вижу,” - сказала Дженифер.

Так ли это?

“Иногда по телу пробегают мурашки или словно холодный ветер рядом. Иногда, когда Джозеф играл с Майклом, наша собака лаяла. Однажды здесь была моя племянница Джеми и он пригласил ее поиграть с Майклом, когда она вернулась, то сказала: “Мне не нравится играть с Майклом. Они гадкие”.

Но, уже довольно давно про Майкла ничего не слышно: “Он разозлился на меня и ушел,” - сказал ей Джозеф.

Он не упоминал Майкла по фамилии и не давал повода думать, что он как-то связан с умершим дядей. Но, однажды проезжая мимо кладбища, он сказал ей: “Давай остановимся и сходим к могиле Майкла. Это там где американский флаг”.

Множество детей играет с воображаемыми друзьями, множество людей верит в самые разные вещи и из того факта, что его мать развлекала идея существования невидимого друга у ее сына, вовсе не следовало то, что ей нельзя доверять в отношении историй о ребенке и умершем дяде.

Но, как сказал Стивенсон как-то раньше: “Уверен, что в суд бы я с этим не

пошел”.

Уходя, мы спросили, нет ли еще чего-то такого, что Джозеф сказала или сделал?

“Много чего было, - ответила его тетка, - но мы же не ходим за ним по пятам с тетрадкой”.

Мы уже выходили на крыльцо, когда сзади раздался возглас Дженифер: “Я вспомнила! Когда он был маленьким, он настаивал на покупке огромной обуви, совсем не по размеру. Так и говорил: «Мам, я ношу 8-й размер». Закатил истерику в магазине и не мог остановиться. Нам пришлось купить эти огромные туфли, приехать домой и надеть их на него, чтобы убедить его, что они ему не подходят”.

“А какой размер был у Дэвида?” - спросил я.

Впрочем, ответ был уже ясен.

Грань науки

Эта неделя выдалась для Стивенсона напряженной, она совпала по времени с ежегодной конференцией организации “Общество за научные исследования”, одним из основателей которой Стивенсон являлся. Он говорил мне об этом событии в Ливане и позже в Индии; он питал большие надежды, что организация сможет разрушить стену отчуждения парапсихологии и поможет таким же как он выбраться с периферии на передний край научных исследований.

В том, что конференция проходила в родном городе Стивенсона я не усматривал совпадений: он был идейным вдохновителем этого общества, как благовейно утверждали его члены. Чуть ранее, он составил и озвучил программную речь будущей конференции, рассказав о том, что мы вкратце обсуждали, возвращаясь из неудачной поездки в Шарифпуру, что подобные полевые исследования точно так же имеют право относиться к науке, хоть и отличаются по своим методам от лабораторных.

Я не слышал речь, но прочел ее, после того, как обнаружил ее в адресованном мне конверте на ресепшене отеля, в котором я поселился. Выступление было в его обычной манере, но даже в таком виде, 40 лет надежд и разочарований, были сжаты всего лишь в три предложения: “Трудности возникают когда данные наблюдений вступают в конфликт с «фактами», которые большинство ученых считают установившимися и неизменными, - пишет он. - Ученые имеют склонность отвергать противоречивые наблюдения. Тем не менее, история науки убеждает нас, что новые наблюдения и теории в итоге одерживают победу”.

Стивенсон был настолько востребован, что один раз даже попросил меня подменить его на еженедельной утренней игре в теннис. (Учитывая его поразительную выносливость в путешествиях я был ничуть не удивлен, что его партнерами в парном теннисе оказались люди на двадцать лет моложе его).

Он был настолько занят, что у меня оставалось время побродить по кампусу университета: он был совсем рядом, через дорогу от отеля, и заглянуть на какие-то лекции на конференции.

Впервые у меня появилась возможность исследовать один из самых замечательных кампусов страны, рано наступившее лето максимально

благоприятствовало этому. Деревья были полны листьями, а полуденная температура перевалила за 25°. Университет Вирджинии это памятник гениальности Томаса Джефферсона - идеальное творение, созданное в идеальный момент времени. Величественные купола, заросшие плющом стены, затененные газоны и лениво тянувшиеся тротуарчики вдоль кирпичных заборов и белоснежных колонн налагали магическое заклятье. Я чувствовал дюжий оптимизм Джефферсона, его безграничную веру в человеческий разум. На заре 19-го столетия, когда университет был построен, перед наукой, казалось, не было никаких препятствий и вселенная была готова открыть все свои тайны и секреты. Все Бытие должно было стать таким же упорядоченным, спокойным и ухоженным, как этот кампус.

Прошло более года, с тех пор как я посещал здесь Стивенсона. С той поры я как одержимый погрузился в изучение литературы по квантовой теории, биохимическим исследованиям и искусственному интеллекту. Для меня это были практически непроходимые вещи, стоявшие на границе моих представлений о мире, за которыми начинались темнота и незнание. То немногое, что я знал об этой границе, было соткано из смутной веры в авторитет науки, я знал, что со времен Джефферсона она шагнула вперед так, как он и мечтать не мог, но мне этого было недостаточно. В конце концов, до открытия всех тайн вселенной должно пройти еще очень много времени.

Я не вдавался глубоко в детали того, чем занимаются эти люди. Мне нужно было исследовать эту границу, я должен был понять, есть ли там что-то такое, что прольет свет на мои собственные сомнения.

Закончив школу я знал, что даже электроны и частицы, составляющие ядро атома, не являются “базовыми строительными элементами материи”, за которыми гоняются физики. И у меня всегда было подозрение, что мир материи на субатомном уровне становится достаточно странным и перестает работать так, как люди привыкли в обычной жизни.

Чего я не мог постигнуть, это того, что вся наука о субатомном мире базировалась на таинстве. Физики, экспериментирующие с этими частицами не могли одновременно предсказать их положение и скорость. И дело было не в недостатке знаний или опыта - это было невозможно, в буквальном смысле. Частицы просто двигаются в пространстве совершенно непривычным для нас образом. И мало того, что нам неясна сама сущность этих частиц, так они и ведут себя совершенно загадочным образом: если взять парные частицы и разъединить их, то воздействие на одну из них приводит к изменению другой. Возникает вопрос, как?

Некоторые ученые думают, что здесь скрыта чисто физическая тайна, что частицы мгновенно обмениваются информацией. Проблема здесь однако в том, что частицы могут быть на сколько угодно большом расстоянии друг от друга и скорость передачи информации между ними должна превышать скорость света, что невозможно.

В чем причина и каковы механизмы такой мгновенной синхронности ученые не знали. Этому феномену физики дали не вполне изящное название “квантовой нелокальности”.

Еще я с удивлением обнаружил, что принцип выученный мною в школе “материю нельзя ни создать ни уничтожить” стал первой жертвой моих разбирательств. Оказалось, что материя всего лишь еще одна форма энергии, а саму энергию достаточно трудно классифицировать, так как она может существовать, потенциально, по крайней мере, в абсолютном ничто. В буквальном смысле из ничего что-то может выскочить в реальность; энергия и материя возникнут из вакуума и также исчезнут обратно.

Границы реальности оказались гораздо менее определенными, чем можно было представить.

Даже само время было далеко от того устойчивого представления, которым обладали о нём люди. Моих смутных познаний в теории относительности Эйнштейна не хватило, чтобы быть в курсе того, что время зависит от того, где и в каких условиях его наблюдают. Гравитация и скорость без преувеличения меняли форму пространства и времени.

Трудно было сказать, что являлось более странным: время, текущее чуть медленнее на вершине Эвереста, чем у его подножия, или идея того, что время это всего лишь еще одна координата - четвертое измерение в единой вселенной, где прошлое, настоящее и будущее это лишь аспекты единого целого.

В каком-то смысле, прошлое, настоящее и будущее могут существовать (применяя единственно подходящий к нашему трехмерному миру термин) одновременно. И вот в чем проблема, наш язык не создан для познания четырехмерной реальности, равно как и наш опыт, который абсолютно последователен, безусловно предан идее того, что время существует лишь *сейчас*, а все прошлое и будущее есть память и воображение.

На что был бы похож мир, если видеть его в четырех измерениях?

Представить было трудно, но мне пришла на помощь аналогия с кишечником: он выглядит коротким и плоским на картинке, но стоит добавить третью координату, как он разворачивается в объемную сложную структуру.

В реальности, однако, то есть в трехмерном пространстве, явления не появляются, не исчезают и внезапно не меняются. Они больше похожи на конус, покоящийся в пространстве. Но двумерное существодвигающееся через трехмерное пространство не сможет его видеть иначе, кроме как в двух измерениях, в рамках последовательности событий распространяющихся из одной точки. Будь я двумерным существом, я бы ни за что не догадался, что это был конус, а тем более, что он существовал до того, *перед тем* как я прошел его и оставил позади.

Может быть все эти странные феномены открытые и не признанные наукой и являются таким “конусным эффектом”? Может быть странными они представляются только для трехмерных существ обреченных плыть сквозь четырехмерное пространство и видеть только тени вещей за пределами их понимания?

И кто “мы”, кстати? Генетики, биологи и компьютерщики десятилетиями соперничали между собой пытаясь создать, или если это невозможно, дублировать, или на худой конец лишь *определить* что есть сознание. Никто не был близок к решению.

Оставив нас... где? В состоянии парализующего трепета?

Это был явно не тот финал, который понравился бы Джефферсону. И это недовольство, как мне кажется, разделяли люди, собравшиеся сейчас в этом неторопливом месте. “Общество за научные исследования” - добровольное объединение ученых из числа тех, кто видит, как буксует традиционная наука, не в состоянии объяснить некоторые вещи, а ортодоксы и консерваторы клеймят некоторые идеи, даже не желая обсуждать их.

Не все члены организации выдвигали такие радикальные идеи, как Стивенсон. Некоторые были просто тотальными скептиками. Но каждый из них был заинтересован в попытке применять научный подход к исследованиям, высмеиваемым мейнстримом, таким как: НЛО, жизнь после смерти, экстрасенсорное восприятие и лечение, в конце концов узнать, правда ли что менструальные циклы женщин синхронизируются в результате совместного проживания.

Разнообразие тем и докладов на конференции было невероятно. Начиная от вполне серьезных: “Центр проверки эффективности дополнительных и альтернативных методов в устранении болей среди выбранной группы пациентов” и заканчивая горячным “Сердце не насос, качающий кровь по сосудам, как вода течет по трубам. Совсем наоборот... работоспособность кровеносной системы обеспечивается тремя факторами: собственным

движением, импульсом и... безусловно, самое главное, силой космической левитации... 300 лет скрываемой в тени за ложными теориями Борелли и Ньютона”.

Силой космической левитации?!

Некоторые из участников вообще не принадлежали к ученым, только этим и можно было объяснить граничащие с паранойей доклады, общий смысл которых сводился к тому, что истинные знания скрывают от общественности специально. Однажды днем, войдя в аудиторию, я был загнан в угол возбужденной женщиной: “Вы журналист, - шипела она на меня с яростью дикой кошки, - расскажите мне, почему газеты не печатают реальные фотографии из марсианской экспедиции?”

Я сразу догадался, что ее так встревожило: фотографии, из которых было понятно, что так называемое “лицо Бога” не более чем кучка камней.

“Любому видно, что первая фотография, та самая, на которой отчетливо видно лицо, с намного большим разрешением чем последующие, якобы улучшенные, которые газеты опубликовали после облета. Кто-то взял старые, плохого качества фотографии и подменил ими реальные, - она набирала обороты. - Либо так, либо они были поддельными”.

- Но зачем кому-то скрывать правду про это? - спросил я.
- Я бы тоже хотела это знать, - ответила она, тревожно оглядываясь по сторонам.

Шутка заключалась в том, что эта женщина не раз была замечена в компании достаточно значимых людей.

Один из лекторов, демограф Дэвид Бишай из университета им. Джона Хопкинса выступал с докладом с интересной гипотезой, объяснявшей почему взрыв населения не отменяет существование реинкарнации. Сам Бишай не верил в нее, но однажды ночью, он смотрел одно шоу, из серии “научные тайны” и услышал об этом достаточно распространенном аргументе скептиков.

“Очевидно, что это неправильно,” - сказал он. Во-первых, отметил он, по последним оценкам число умерших за все время людей превышает число живущих сегодня. Но даже если бы это было не так, это не имело бы значения. Он нарисовал диаграмму на аудиторной доске, линия разделяла два гипотетических пространства “А” и “Б”. “А” было тем миром, что мы знали, в который люди попадали при рождении и уходили из него после смерти.

“Давайте начнем с предположения, что люди приходят в наш мир неизвестно откуда и уходят неизвестно куда, пусть это будет мир “Б”. Думаю,

все с этим согласны”.

С дальних рядов аудитории раздались протестующие голоса: “Но вы предполагаете, что приходят и уходят они из одного и того же места”.

Бишай развернулся от доски на которой рисовал и прищурясь, взгляделся в аудиторию.

“Окей, - сказал он, - мы не можем быть едины в этом вопросе. Давайте просто скажем, что независимо от того, откуда они возникают и куда они уходят, для наших целей мы определим это как одно место и назовем его пространством “Б”.

Его позиция была такова: даже если “новые души” не рождаются, пространство “Б” могло быть изначально создано с огромным количеством душ. Рост населения в “А” пространстве сопровождается уменьшением численности душ в пространстве “Б”, но оно может обладать огромным резервом, позволяя неограниченно расти населению в “А” пространстве.

Он был прав. Это было очевидно. Я вспомнил свою многомесячной давности дискуссию с Рикардо на балконе квартиры Мадж в Бейруте. Как он насмешливо относился к реинкарнции и ее доказательствам. Было бы интересно послушать, чтобы он сказал по поводу Дэвида Бишая.

Выступление Бишая я застал случайно, на самом деле я пришел послушать Джима Такера, 39-летнего детского психиатра, который начал работать со Стивенсоном 5-ю годами ранее. Стивенсон высоко отзывался про Такера и хоть никогда не говорил об этом, думаю, желал бы видеть его своим преемником.

Такер собирался рассказать о случаях, изученных им в Юго-Восточной Азии, в Бирме и Таиланде, о традициях наносить на тела умерших угольные метки, в надежде, что когда душа умершего перевоплотится, то новорожденный будет иметь родимое пятно в том же месте.

Худой, темноволосый, с резкими чертами лица и представительным внешним видом, Такер показал несколько впечатляющих слайдов на которых угольные отметки на трупах практически идентично совпадали с родинками у новорожденных. Я услышал еще нечто важное для себя: в семейных случаях “перерождения” совпадения были существеннее, чем в случаях с незнакомыми людьми.

Как он объяснил, шансы на то, чтоб семья нашла отметину на ребенке в том же месте где была метка на трупе могли быть не такими уж большими, если речь шла о поисках среди знакомых им детей - в конце концов они могли

выбрать среди сотни рядом живущих; но шансы того, что соответствующая родинка появится на ребенке близком родственнике были астрономически маловероятны.

Но, тем не менее, именно это произошло с теми случаями, которые Такер расследовал.

Я заметил, что Такер держался с той же спокойной непринужденностью, как и Стивенсон во время нашей первой встречи. Он говорил довольно тихо, но тем не менее его было прекрасно слышно в большой аудитории.

“Есть несколько объяснений данному феномену, - сказал он. - Первое, это то, что появление родинки можно объяснить чистым совпадением, либо же тем, что родственники забыли точное место на теле, где они ставили знак. Другим можно считать некую форму материнского воздействия - когда ожидания матери, что ребенок родится с родинкой в конкретном месте каким-то образом способствуют ее формированию. Третье объяснение состоит в том, что некоторые случаи представляют собой реинкарнацию предыдущей личности”.

После выступления я нашел Такера в холле и представил себя. Я спросил, как он заинтересовался этими исследованиями.

“Лет 5 назад я и не думал о реинкарнации,” - сказал он. Но потом, проглядев книги Стивенсона, заинтересовался. Было совпадением, что сам Стивенсон жил и работал в этом же городе, но Такер мог никогда и не заинтересоваться, если бы не наткнулся на отчет, напечатанный в местной газете об исследовании околосмертного опыта в ходе клинической смерти пациентов с болезнями сердца, которым занимался отдел Стивенсона. Он позвонил и вызвался добровольцем, требовалось анализировать медицинские отчеты на предмет. Постепенно стал обедать вместе с сотрудниками и заинтересовался основным направлением исследований.

Такер спросил, читал ли я критические отзывы об исследованиях Стивенсона. Я ответил, что читал и мое мнение о большинстве из них самое нелестное.

“Из всех аргументов, - сказал я, - один достаточно весом, как мне кажется: пациенты с Альцгеймером постепенно утрачивают свою личность - воспоминания, способности, темперамент. Все это распадается в прямой связи с физическим износом мозга. Вопрос такой, если даже частичное разрушение мозга влечет за собой полную утрату личности, то как мы можем говорить о том, что возможна реинкарнация когда мозг полностью уничтожен?”

“Здесь стандартный ответ, - возразил Такер, - и он таков: представьте себе

радио. Если вы бросите его на пол, то вы не сможете его больше слушать. Но радиоволны никуда не исчезнут, просто нечему будет принимать их.

Скептики возразят конечно, дескать: «Откуда исходит радиосигнал?» Вопрос точно такого же типа, как и: «Что происходит внутри черной дыры?» или: «Что было до Большого Взрыва?»».

Я столкнулся с Такером еще раз, когда уезжал из города. У нас была длительная беседа, в конце которой он выразил сожаление, что как я и подозревал, чувствовал и Стивенсон также.

“Мы должны двигаться дальше в попытках понять механизмы, которые стоят за этими случаями, - сказал он, - вместо того, чтобы постоянно доказывать что они существуют”.

“Проблема в том, - ответил я, - что если вы начнете разговоры про то, как душа перемещается из тела в тело, до того как объясните всем, что есть собственно душа, вы будете выглядеть глупо”.

Он устало кивнул. Было понятно, что эта мысль для него не нова.

Мое участие в конференции было намечено в заключительных выступлениях: я был одним из пятерых участников дискуссии о том, как СМИ освещают науку. Каждый из нас подготовил 10 минутный доклад на соответствующую тему, но вскоре мы обнаружили, что истинная причина нашего пребывания там, заключалась скорее в том, чтобы стать вентиляционной отдушиной после выступления различных “альтернативных” ученых. Трое докладчиков было репортерами, представляющие местную газету, телевидение и радио, а четвертый был еще один мой друг из *Вашингтон Пост*, Джоэль Аченбах. Организаторы знали, что я пишу книгу о Стивенсоне, поэтому пригласили и меня также, а я в свою очередь предложил им пригласить Джоэля, который писал книгу, как он выразился, про “чужих”.

Джоэль, один из умнейших людей, что я знал, был колумнистом *Геральд*, до того как мы познакомились и занимался популяризацией науки. Он рассказал, что его книга, помимо прочего, развенчивала идею о том, что жизнь на Земле возникла при участии инопланетян. При этом, он много размышлял о науке и о том, как она работала, защищая ее с консервативных позиций, что многими подвергалось критике на конференции.

Мне пришло в голову что на этой конференции он точно не будет лишним и я оказался прав. Джоэль не просто заткнул всех за пояс, но и спровоцировал оживленную дискуссию, настаивая на том, что научный мейнстрим являлся таковым по вполне конкретным причинам: мне это понравилось, он не зашел

слишком далеко, не строил теорий заговоров и не делал поспешных выводов. Он просто настаивал на том, что все что теории должны сопровождаться строгими доказательствами и подтверждаться результатами экспериментов.

За свои слова он был решительно осужден человеком из аудитории, который объявил его жертвой и одновременно орудием ортодоксальной науки, отрицающей новые идеи. Мужчина поведал, что занимается обобщением доказательств эффективности холодного синтеза, на секундочку - потенциального источника бесконечной энергии. Но все его старания пропадают даром, потому что научный мейнстрим считает, что холодный синтез невозможен, а журналисты типа Джоэля раболепно транслируют это мнение в прессу.

“Если он действительно разобрался как работает холодный синтез, - сказал Джоэль после, - я не думаю, что ему нужны те, кто будет верить. Он мог бы просто осветить Вашингтон ночью при помощи бутылки воды”.

Наступали сумерки, взятая мною напрокат машина везла нас через заросшие деревьями пышные холмы в направлении усадьбы Томаса Джефферсона под названием Монтичелло. Помимо совместной работы с Джоэлом, нас объединяло еще и соседство по комнатам, когда мы впервые оказались в Майами. Это было много лет назад, но какая-то неуловимая магия теплого ночного вечера потянула меня обратно в те дни.

“Ну, так что за дела у тебя с этим Стивенсоном?” - спросил Джоэль.

Я рассказал ему вкратце про поездку в Ливан и Индию. И что после всего с чем я познакомился за почти год путешествий на другой половине земного шара, невозможно просто так взять и отбросить все, что видел. Но, одновременно, некоторые сомнения меня не покидали.

Он сказал ровно то, что я ожидал от него услышать: как можно рассуждать про реинкарнацию. если нет ни малейшего намека на то, что такое душа и существует ли она? А если душа существует, как она проникает в тело или перемещается из одного в другое? Все те вещи, о которых дети рассказывали, разве они не поддаются объяснению? Да, это очень интересно. Из этого получится хорошая книга. Но это не наука. Едва ли цепь случайностей и заговоров сложится так, чтобы это можно было объяснить нормальным образом и вырастет в рабочую теорию. В отсутствии убедительных доказательств существования и перемещения души разумный человек должен отдать приоритет маловероятному перед необъяснимым.

“Поверь мне, я думал об этом очень много, - ответил я ему. - Это просто...”

Солнце уже скрылось за холмами на западе. Теплый, влажный ветерок

продувал машину насквозь. И наконец я понял, что гнездились в глубине моей души с самой Индии, а может и раньше.

- Не хочешь услышать длинную историю? - спросил я.
- Конечно.
- Когда я только закончил колледж, это было Двухсотлетие Независимости, лето 1976, мы с другом решили прокатиться по стране. Обычное дорожное приключение. Это путешествие превратилось в непрерывную болтовню. Мы ехали, слушали наши записи на кассетах и трещали без умолку. О чем еще могут говорить парни после колледжа, о девушках конечно. Начали сразу лишь только отъехали с Восточного побережья. В тот момент в моей жизни было две девушки и с каждой из них у меня в голове связывалось разное будущее. Первое будущее представлялось безопасным и традиционным, как у всех. Другое было рискованным, отчаянным, практически прыжок в неизвестность. И вот мы ехали, слушали кассеты, перематывали пленку и снова слушали, и постепенно в моем уме каждая из этих девушек и будущее с ними связанное стали ассоциироваться с песнями, которые мы слушали. Боб Дилан со своим *Shelter from the storm* связывал меня с комфортом и безопасностью, а с другой стороны был дикий, неукротимый Спрингстен с песней *She's the one*.
- Две великие песни, - сказал Джоэль.
- Чертовски верно. Они меня здорово цепляли. И девушки и песни. И мы обсудили это с головы до ног, еще и наизнанку вывернули. Ну а как еще, если нам по двадцать два года, мы безработные и несемся в ночи по пустому шоссе, убегая от восхода туда где мы ни разу не были? В общем мы ехали на запад, места становились все глуше, людей все меньше, а эту тему мы обмусолили уже до тошноты. Заехали к своим знакомым в Феникс, а затем повернули к Лос-Анжелесу - он был конечным пунктом нашего назначения. По пути мы собирались остановиться и пройтись по Большому каньону. Но поскольку было уже сильно за полдень, мы решили остановиться в кемпинге, в часе езды, провести там ночь, а рано утром вернуться в Каньон. Кемпинг был просто плоской площадкой с несколькими деревьями у подножия холмов в полумиле от шоссе. Три парковочных места - ни воды, ни электричества, ничего кроме кольца для костра, деревянного стола и места для палатки. Вокруг никого не было, мы были полностью одни.

Мы проехали первые два места и свернули к третьему, самому дальнему. Поставили палатку, развели костер и решили взобраться на холм. Близился вечер и пока мы дошли до верха уже стало темнеть. Мы снова пустились в разговоры об этой дилемме и чем больше мы говорили, тем яснее я понимал как трудно принять правильное решение. Выбор женщины для меня превратился в выбор жизненного пути. Броситься в омут, совершать неожиданные, смелые, но неосмотрительные поступки? К чему это приведет к славе или к смерти? Или шагнуть в безопасный мир комфорта и бытовой надежности, но не трусость ли это? Не придется ли потом сожалеть о таком первом шаге?

Я начал размышлять о более конкретных вещах. Должны ли мы ехать в Лос-Анджелес, как планировали? Или развернуться на юг и отправиться в terra incognita в Мексику? Вернуться назад во Флориду и традиционно для выпускников начать поиск работы? Или осесть на Западе и попытаться устроиться в Фениксе - без денег, без связей, не имея ничего, кроме нереализованного потенциала.

Короче, ты уловил смысл. Это было жизненное распутье, перелом. Я никак не мог решиться, увидеть плюсы и минусы каждого пути и это жутко кошмарило меня тогда.

Когда мы наконец спустились с холмов в лагерь, стояла уже кромешная тьма. Я был расстроен, мой мозг буквально кипел. Мы постояли перед костром, тыкая в него палками и мой друг сказал: «Наверное, нужно садиться в машину и двигать в Мексику».

Идея привлекала меня. Это было смело и импульсивно, здесь таилось приключение. Но затем, я начал думать о том, как я устал, что нам придется ночевать в душной машине на обочине дороги, чувствовать себя глупо из-за брошенного лагеря и Большого каньона, который мы так и не повидали.

Моя голова начала разрываться. Я прокричал: «Подожди! Это такое же решение, как и все остальные». И внезапно меня осенило, как разрешить мои сомнения: «Я больше не буду думать над этим. Просто буду ждать знаков».

Моя голова мгновенно прошла. Я ощутил полное безмолвие вокруг и внутри меня. Мы просто стояли у костра и слушали как потрескивают сучья.

Не более чем через минуту в ночи послышался звук ревущего мотора. Он пропал, но затем стал приближаться. Потом показался свет фар, он то

скрывался за холмами, то вновь выныривал. Затем, мы поняли, что автомобиль повернул к нашему кемпингу, потому что фары стали светить прямо в глаза. Ты помнишь, да, что кемпинг был пустой полностью? Спустя несколько минут он подъехал, проехал первую стоянку, вторую, завернул к нам и встал совсем рядом, буквально в нескольких десятках метров.

Джоэль подпрыгнул на сиденье и ударился головой в крышу:

- Вот дерьмо, - поморщился он, - только не говори мне, что там играл Брюс Спрингстен.
- Боковая дверь сдвинулась в сторону, - продолжал я, - нас оглушили знакомые ритмы гитары и клавиш, и знакомый голос Спрингстена - She's the One.
- Вот дерьмо! - повторил он снова.
- Она проиграла уже на три четверти и когда он спел: "И сегодня ночью ты должен попробовать вырваться снова..." - музыка прервалась, было слышно как кто-то выключил магнитофон. Фары погасли, дверь захлопнулась обратно и все стихло. Ни одного звука. Ни голосов. Ни шороха. Ничего.

Джоэль засмеялся.

- Мы с другом глядели друг на друга. Затем я сказал: "Забавно - просишь знак, а он тут как тут. Яркий, ослепительный, мигающий неоновый огнями. Но ты, до сих пор не знаешь что бы это значило".

Мой друг сказал: "Разве это не очевидно?"

И я знал, что он имеет ввиду. Это было совершенно очевидно: "знак" говорил мне откинуть все сомнения, ехать за моей безбашенной девушкой и пуститься с ней в неизвестность без всякого страха. Если бы кто-нибудь описал бы мне эту сцену, я бы подумал точно также. Но стоя там, в центре случившегося, я никак не мог решиться. Мне сразу стало понятно, что такое невыразимо абсурдное совпадение ни в коей мере не может быть практическим руководством к действию. Событие было слишком странным, слишком подавляющим и примитивно простым одновременно. Я обрел твердую уверенность, что вселенная насмехается надо мной, над моей эгоцентричностью, но одновременно произошло странное: мои тревоги исчезли.

Даже несмотря на то, что я сразу понял, что с этим знаком что-то не так, прошли годы, прежде чем я стал видеть его так, как сегодня. По какой-то причине, меня осчастливили этим даром: странной, но неопровержимой

демонстрацией того, что наш мир это не только геологическая поверхность. Что все, чем мы окружены, все что есть вокруг нас - не просто бездушная, пустая, механическая конструкция. Что есть какая-то сила извне, за пределами нашего знания, которую, тем не менее, мы может ощущать и иногда даже взаимодействовать с ней. Моя личная жизнь с ее мелкими проблемами каким-то образом оказалась связана с невероятно огромной и могущественной силой, которая в состоянии устроить небольшое представление ради того, чтобы навести порядок в мыслях отчаявшегося и запутавшегося малыша.

Сам подумай. Середина ночи, пустой кемпинг в сердце пустыни. Два парня болтают о песнях и женщинах. И вот, спустя минуту после того, как один из них говорит: «Я просто буду ждать знаков» появляется фургон в котором играет и более того, выключается в нужный момент та самая песня. Я мог бы подумать, что это галлюцинация, если бы у меня не было свидетеля. Ближе к утру, спросонья мы услышали, как открылась дверь фургона, включился магнитофон, песня доиграла до конца, дверь хлопнула, автомобиль завелся и уехал.

Мы выехали уже довольно давно, но поместья Джефферсона не было видно. Я понял, что пропустил поворот и мы покидаем границы штата. Я развернул автомобиль на 180 градусов и мы направились обратно.

“История отличная, спору нет, - сказал Джоэль. - Я не буду уточнять все-ли произошло именно так, как осталось в твоей памяти. Но я не думаю, что здесь имеет место какое-то магическое вмешательство, когда простое, пусть и маловероятное событие, превращается в доказательство некоего нового феномена. Да и что за феномен, в точности? Будем изучать мощь твоего мозга, способного затянуть водителя с шоссе на парковку? Дай мне теорию, отвечающую за то, что случилось и мы ее рассмотрим.

Все что у тебя есть - это очень необычное событие и никакой теории, которая бы объясняла это иначе, чем каким-то феноменом соединяющим разум людей и физическую реальность. Что здесь подразумевается - если одни люди мучаются сомнениями, куда и с кем им поехать, то обязательно должен возникнуть фургон с соответствующей песней Спрингстена? Лично я не чувствую себя под контролем какой-то силы исходящей из мозга других людей. Самое простое объяснение, не требующее никакой мистики, если уж ты меня спросишь, это то, что люди просто проезжали мимо, устали и решили остановиться на ночлег. Вот и все. Ах, да, они слушали Спрингстена. Просто они решили поступить именно таким образом, а не другим, вот и все.

Проблема с паранормальными явлениями заключается в том, что они по определению настолько за границами нормальности, насколько это теоретически возможно. Так что, ты не можешь доказать, будто там что-то есть - ни доказать, ни опровергнуть. Короче говоря, я не исключаю возможность того, что может существовать какая-то связь между твоими мыслями и фургоном, свернувшим к тебе на стоянку. Я просто нахожу ее маловероятной”.

Теперь уже я засмеялся.

“Вот оно, - продолжая улыбаться, сказал я, - это то, что объединяет эту историю и те случаи реинкарнации. Я знаю, что там была связь и я просто не могу отрицать ее: аргумент точно такой же. Есть ряд событий, которые невозможно объяснить нормальным образом. Есть свидетельства и есть свидетель. Ты говоришь: «Нет возможности провести эксперимент, который бы опровергал или наоборот доказывал», а я говорю, что определенно стоит поискать другие случаи и посмотреть - действительно ли там что-то необъяснимое или люди просто мошенничают, а может ошибаются. Просто, в моем случае, так уж выходит, я не буду удивлен если свидетели откровенно лгут, заблуждаются или говорят правду. Кто-нибудь другой был бы удивлен, но не я, потому что я знаю, что подобное случается.

Таким образом появляется вопрос, ну хорошо, а что дальше? Ты скажешь: «Это совпадение». Отлично, а я готов тебе ответить: *ни в коем случае*. Потому что, это полностью расходится с тем, что случилось в моей жизни. И я уверен, что все эти дети, родители и прочие свидетели не могут лгать или заблуждаться. Эти дети говорят о том, что не узнали бы никогда в жизни. Я верю в это.

В моем случае, я не считаю за совпадение то, что произошло со мной в ту ночь в кемпинге, хоть и не принял очевидный посыл того знака. Он был был до такой степени явный, что казался ложным.

То же самое и здесь, говорить: “Эти дети знают то, чего не могут знать, а значит они реинкарнированы”, это слишком примитивно для меня. Слишком линейно. Мы самонадеянно полагаем, что мы знаем о вещах, о которых мы на самом деле ничего не знаем, например о времени, или о человеческой личности.

Таким образом, я прихожу к тем же выводам, что и в первый раз: не так уж и важно услышать от этих детей о том, что происходит после смерти, гораздо важнее познать внутреннюю механику мира - те огромные, недоступные нашему пониманию, но не безразличные к нам силы, которые приводят его в движение”.

Перед нами наконец показались железные ворота Монтичелло. Закрытые и запертые на замок. Я взглянул на часы. Мы еще успевали вернуться, совершить вечернюю пробежку и успеть на банкет в честь окончания конференции. Я вырулил на дорогу ведущую к кампусу и Джоэль, как обычно, оставил за собой последнее слово: “Я ничего не имею против твоего личного понимания. Просто говорю, что это не наука”.

Лишь расставшись с ним я наконец сообразил как ему возразить: если это не наука, значит нужно чтобы она ею стала.

Куколка

“Вам обязательно повезет, как и мне, - написал мне Стивенсон, перед вылетом в Шарлоттсвилль. - Я разговаривал с матерью по поводу того дела, о котором я рассказывал по телефону. Она согласна переговорить с вами. К сожалению, с учетом предыдущих обстоятельств, я не смогу составить вам компанию”.

Я был доволен. Это должно стать моим последним интервью и устранить неясности. Американский случай, ребенок вспоминал жизнь незнакомого с семьей человека. Был шанс, что история может стать первым “несемейным” делом в Америке, в котором удастся опознать предыдущую личность.

На самом деле, история была страшно похожей на случай Арлен Вейнгартен, с ее братом Джимом, мальчиком из Дикси. Малыш из Вирджинии просто тащился от ковбойских ботинок и голубых джинсов с самого детства. Он отказывался носить что-либо другое и постоянно говорил о “своей” ферме. И однажды в путешествии он начал кричать: “Смотрите, вот моя ферма”. До сих пор, родители не предприняли попыток проверить его заявления.

Дорога к месту моего назначения, новому пригородному району рядом с магистралью, заняла около двух часов. Это было одно из тех мест, где дизайн абсолютно всего, от почтового ящика до черепицы на крыши, утверждается ассоциацией домовладельцев, а заросшая лужайка перед домом считается практически государственной изменой. Домики выстраивались вокруг “живописного” утинового пруда; в каждом дворе были посажены дубовые саженцы, уже начинавшие отбрасывать небольшую тень. Трюк казаться чем-то большим был довольно бесхитростным, но все-же, большие двухэтажные дома вдоль извилистых улочек чем-то напоминали поселок Новой Англии.

Были какие-то странные ощущения от этого шоссе и хорошо знакомого пейзажа Америки 90-х за окном, от понимания того, что через несколько минут я буду задавать те же самые вопросы, что задавал в каменных домах на холмах Шуф и в лачугах Утта-Прадеш.

Дебби Ленц было тридцать пять лет, она была рыжеволоса и неформально свежа. Они с мужем владели двумя SPA-центрами в городе, которые появились исключительно благодаря ее твердости и настойчивости. Ранее она работала инструктором аэробики в одном из этих салонов, когда владелец

бизнеса внезапно исчез из города, оставив зал с неоплаченной арендой, тысячные долги по зарплате и множество недовольных клиентов с оплаченными абонементом. Выбор у нее был невелик, она могла стоять и жалеть себя перед закрытым залом, либо убедить посетителей заплатить еще раз. Так она и сделала, за две недели собрав 35 тыс. долларов и открыв зал снова. Через некоторое время они выкупили здание, а потом купили еще одно. В районе она считалась своего рода столпом местного бизнес-сообщества. (Главным образом по этой причине, она не хотела светить свое настоящее имя, Дебби Ленц это псевдоним).

“Вы должны понимать с какими людьми мне приходится иметь дело, - сказала она мне, когда мы сели за кухонный стол, - они подумают, что все это какое-то сумасшествие”.

Сама Дебби не задумывалась о реинкарнации и прочих навязчивых идеях New Age. Она принадлежала к тем миллионам американцев, которые отлично себя чувствовали в мире без бога и мистики, руководствуясь по жизни правилом “хорошие вещи случаются с хорошими людьми”.

У нее был достаточно трудный и достойно пройденный жизненный путь, она могла с полным правом считать себя хорошим человеком. Ее отец, писатель, в молодости работавший с Родом Серлингом, умер от инфаркта когда ей было три года. Ее мать снова вышла замуж, но муж оказался пьяницей и дебоширом, он ненавидел Дебби.

Когда я спросил у нее, верит ли она в то, что личность каким-то образом сохраняется после смерти, она ответила так: “Много раз ночами я рыдала в кровати, всем сердцем тоскуя о своем отце. И я не чувствовала абсолютно ничего внутри, его там не было”.

Одиннадцать лет назад, после того, как она вышла замуж и уехала на восток, обнаружилось что у нее рак: двойная опухоль правого яичника.

“Радиационная терапия уничтожила яичник, - сказала она, - левый сохранился, но спустя два года у меня была плохая беременность, доктор запаниковал, ему показалось что произошел разрыв яичника и он удалил его. В общем, когда я проснулась и он сказал мне об этом, я поняла, что никогда не смогу иметь детей, потому что знала, что правый у меня не работал”.

Анализ крови подтвердил, что эстрогены у нее больше не вырабатываются. Она стала бесплодной в 24 года. Доктор направил ее на эстроген-заместительную терапию.

Дебби поставила на стол два высоких бокала воды со льдом. (“Нам тренерам по фитнесу нельзя пить слишком много воды,” - прошептала она,

подвигая ко мне свой бокал). Снаружи вошел ее 5-летний сын Роберт.

Я видел его когда приехал, он нарезал по двору круги на разукрашенном хот-вилсе. Я обратил внимание, что одет он был в шорты, а вовсе не голубые джинсы. На ногах были большие, резиновые ботинки, чтобы ноги не скользили по педалям трайка. Он прошел к столу, привлекательный светловолосый малыш с задумчивыми голубыми глазами.

“Мам, мне скучно,” - заявил он.

“Ты видишь, я разговариваю, - ответила она ему. - Пойди поиграй или посмотри Никелодеон [детский телевизионный канал]. После обеда поедem в супермаркет”.

“Но мам,” - начал было Роберт, но затем потопал делать как ему сказали.

- Впервые вижу его в шортах, - сказала Дебби. - Он отказывается носить что-нибудь кроме синих джинсов. С того самого момента когда начал связно говорить, хотел носить ковбойские ботинки. Он проел мне все мозги, пока год назад я наконец не купила ему их. С тех пор, я не видела его в другой обуви. Он даже ходил в них купаться в бассейн.
- Эй, Роберт, - крикнул я через комнату, - а чего это тебе так сильно нравятся ковбойские ботинки?”

Он лежал на животе перед телевизором, лениво выстукивая ногой по полу.

- Просто они мне нравятся, - ответил он не оборачиваясь.

Дебби села напротив и продолжила с того момента, где прервалась.

“Я сидела на гормонах пять или шесть лет и чувствовала себя не очень хорошо, тогда я пошла к своему онкологу и он сперва подумал, что опухоль вернулась, потому что симптомы были очень похожи - сильная усталость, медлительность, у меня начали выпадать волосы, мне бросало то в жар то в холод, я остро реагировала на погоду. Он собирался провести множество анализов и когда я вышла из его офиса, вдруг, как гром среди ясного неба, меня озарило: я беременна. Это было очень странно. Я пошла и сделала тест на беременность, он оказался положительным. Я позвонила доктору, вернулась к нему, сдала кровь для анализа, а он мне заявляет: «Дебби, этот анализ такой же, как и тогда, когда мы обнаружили рак. Ты не беременна, скорее всего, рак вернулся снова». Я говорю ему: «Нет, это неправда». На следующее утро я пошла к своему гинекологу и она сделала мне УЗИ. Я была беременна”.

Ее доктор был изумлен: “Она сказала, что шансы моей репродуктивной системы после удаления яичника и радиационной терапии зачать нормального ребенка приближались к одному на миллион. В буквальном смысле.

Но настоящая битва произошла между моим онкологом и гинекологом, первая не хотела чтобы я рожала ребенка, так как была уверена, что беременность активизирует спящие раковые клетки. Они спорили об этом безудержно. Я сдавала то одни анализы, то другие. Они постоянно мне рассказывали про врожденные дефекты, с которыми ребенок может появиться на свет. И тогда я сказала своему мужу: «Знаешь, у меня есть другое предложение на этот счет. Мне неважно, что у него не будет ног или глаз, это не имеет значения. Так для чего я тогда делаю все эти тесты?»

Гинеколог назначил еще одно УЗИ на 5-м месяце и я согласилась. Они сделали процедуру, результат был отличный. Он сидел внутри и сосал свой палец, у него все было на месте - и руки, и ноги, все было в порядке. Я все сама видела. Но они не успокоились и сообщили мне, что у него возможно синдром Дауна».

Ничего этого у Роберта не было, он вообще-то выглядел на удивлениемышленным пареньком.

- Как-то раз вечером мы были в магазине, помню было довольно холодно, мой муж держал его на руках, он посмотрел на меня и сказал: «Холодно». А я такая: «О мой бог, ему же чуть больше 6 месяцев».

Отдельными предложениями Роберт заговорил после года.

- Он, казалось, всегда понимал, что мы ему говорим. - сказала Дебби. - Например, мы никогда не учили его словам 'сзади', 'прямо перед тобой', 'вокруг' - он знал их с самого рождения. Крошечный ползунок, но когда скажешь: «Роберт, сзади», он немедленно оборачивался.

Роберт возвращался с настольной игрой в руках.

- Как поиграть в «Горки и Лестницы»? - спросил он.
- Почему бы тебе не разобраться самому с этим? - предложила ему Дебби.

Он снова плюхнулся перед телевизором и начал разворачивать игровой стол.

- Когда вы в первый подумали, что он говорит о прошлой жизни? - спросил я.
- Все началось с шутки. Однажды мы с мужем были в гостях, Роберт всюду ходил и говорил: «Моя ферма». Люди улыбались и говорили: «Ого, так ты живешь на ферме!», а мы тоже улыбались и отвечали: «Нет, это было в прошлой жизни». Так мы начали шутить на эту тему.

Роберту было тогда два года. Ленцы жили в старом пригороде, в полчаса езды от того места, где они жили сейчас. Вокруг было несколько ферм, но Роберт не интересовался ни одной из них, просто твердил все время: «Моя

ферма».

“Он становился старше и начинал говорить все больше. В три года он рассказал, что когда ему было тринадцать он начал курить в сарае. Это было как гром с неба: «Мама, на моей ферме мы курили с 13 лет». Меня это взволновало. Теперь, где бы мы ни были, он поднимал веточку, карандашик или что-нибудь еще напоминающее сигарету и делал вид что курит. Ни я, ни мой муж никогда не курили. Даже дыма не переносим. В детском саду, куда он ходил, тем более никто не курил.

О чем он еще рассказывал? Про трактор, про всякую фермерскую утварь, про работу на ферме, про коров... На его ферме было полно коров. Да, и еще он рассказал, что сарай был поврежден штормом.

Однажды, не так давно, наверное прошлой зимой, мы с ним сидели перед телевизором и мой муж развел огонь в камине, он затих и внезапно сказал: «Моя мама раньше стояла у огня, когда была с большим животом». Он сказал: «Давай покажу», встал с места подошел к камину и встал там, потом сказал: «Она стояла и гладила свой живот, вот так. Он был очень большой у нее. Она стояла так и грелась». А когда мы спросили сколько у мамы было детей, он ответил: «Шесть».

Однажды, женщина которая за ним присматривала, поинтересовалась у меня: «Дебби, что это за ферма, о которой он все время говорит?». Я очень удивилась и спросила у нее: «Он и тебе рассказывает?», потому что я никому не говорила об этом, не могла понять что же все это значит. Мы переговорили с ней и я выяснила, что у нее он говорит то же самое, что и у нас дома: у него была мать, которая его «оставила», злючка-сестра, зеленый трактор, черный пикап. Все совпадало. И вот что интересно, когда разговариваешь с детьми, они каждый раз выдумывают что-то новое и фантазируют, но когда у тебя одна и та же история с самого рождения это достаточно невероятно.

Иногда, когда Роберт говорил со мной про ферму, он менялся в голосе. Это легко было понять, его голос становился певучим. И начиналась история, она могла быть довольно странной, вроде: «На моей ферме было колесо обозрения». А потом голос становился прежним и история заканчивалась”.

Мы говорили уже больше часа. Пока меня все это интриговало. Но я хорошо помнил о том, что говорил Стивенсон: дети часто ведут себя так как Роберт, но когда они делают конкретные заявления о жизни незнакомцев, которые потом подтверждаются, это меняет абсолютно все. В этом случае уже не получится просто отмахнуться от них и сказать: «Это же дети».

До своего отъезда в Ливан я бы объяснил этот случай просто:

захватывающая история о том, насколько загадочными могут быть наши дети и что они не всегда разделяют фантазии и реальность. Я бы также предположил, что Дебби рада обманываться, думая, что она различает интонации в голосе сына, когда тот рассказывает что-то смешное, например, про колесо обозрения на своей ферме. Я бы просто подумал, что все это части одной большой истории, порожденной живым воображением.

Но сейчас я смотрел на вещи иначе и у меня не было выбора, кроме как относиться к всему этому с большей долей серьезности.

Были и другие вещи, которые казались необычными, так, у Роберта очень рано проявился интерес к мотоциклам.

“Мы ехали по дороге, сзади нас догонял мотоцикл, Роберт сказал тогда: «Смотри мам, это Харлей». Действительно, это был Харлей. Забавно, но он мог отличить Харлей от Сузуки. Я, например, без понятия. Ему нравились кожаные куртки, длинные волосы, серьги, татуировки. Однажды на улице, он во все глаза рассматривал кого-то позади меня, это оказался мужчина, с ног до головы покрытый татуировками, он сказал: «Смотри как здорово... Посмотри на него».

Тот мужчина услышал его слова, обернулся и начал смеяться: «Эй, дружище, это же самый страшный мамин кошмар, разве нет?»”.

- Чтонибудь еще расскажете о Роберте, что-то необычное, вроде этого случая? - спросил я.
- Ну, мы с мужем не едим мясо, а когда он был с сиделкой, она готовила мясо на барбекю, дала ему попробовать, а он никак не мог наесться. Ему было месяцев 10 тогда.
- Вы спрашивали его имя и когда он жил на ферме?
- Да, но он не говорит. Он говорит только про ферму и все. Он не отвечает на вопросы о ней. Ему не интересно беседовать об этом, ему нравится *рассказывать*.

В ноябре 1995, рассказывала Дебби, они купили этот дом. “Мы жили здесь уже полгода и каждый раз, когда нам нужно было в продуктовый магазин, мы выезжали на 301-е шоссе. Муж как-то сказал: «Знаешь, есть путь короче». В общем, однажды, мы решили свернуть направо, не выезжая на автостраду и попытаться добраться другим путем. Как только мы свернули, Роберт как взбесился, ему тогда было три года, он начал прыгать и кричать: «Моя ферма, мам, моя ферма. Смотри, вот там, моя ферма». Мои волосы встали дыбом, честно говоря.

В общем, мы едем и я говорю: «Милый, я не вижу никакой фермы. Здесь

детский садик, в который ты пойдешь перед школой». А он заладил свое: «Нет, она здесь. Она здесь, я знаю, мам». Мы никогда раньше не ездили этой дорогой, ни я, ни муж; проехали детский сад и когда мы подъехали к развилке, о мой бог - недалеко виднелась ферма. И тут Роберт словно взорвался: «Это она!» Но он все время говорил про сарай на территории и я сказала: «Дорогой, но здесь нет сарая про который ты рассказывал». Он продолжал кричать: «Дальше, дальше, заворачивай!»... Мы проехали мимо дома и действительно, за ним прятался большой, старый сарай, его не было видно с дороги. Он показал на него: «Видишь мама! Видишь, я тебе говорил!» Мы проехали дом, белый кирпичный дом справа от развилки, невдалеке паслись коровы».

Через несколько месяцев в руки Дебби попала книга Кэрол Боуман, написавшую о своих детях, которые под регрессивным гипнозом якобы вспоминали свои прошлые жизни. Я читал эту книгу в самом начале своих исследований и не нашел ничего особо выдающегося, поведение детей было типичным для всех, кто подвергался гипнотерапии: дети рассказывали о своих жизнях в прошлом, но не было ни одной конкретной детали, за исключением таких, которые можно почерпнуть из бульварных романов или художественных фильмов.

Однако, учитывая то, что происходило с сыном, книга затронула какие-то струны в ней. Она связалась с Боуман, а та дала ей телефон Стивенсона. Он вместе со своим молодым помощником Джимом Таккером опросил ее и заинтересовался тем домом, который так взволновал Роберта.

Стивенсон нашел кое-что интересное. Дом принадлежал одной и той же семье с 1962 года, его владелец умер в ноябре 1992, за четыре месяца до рождения Роберта. Некролог в газете говорил о нем немного: “82-летний риелтор и фермер”.

Другие члены семьи, по всей видимости, до сих пор продолжали жить в этом доме.

“Роберт больше не волнуется, когда мы там проезжаем. Он не говорит об этом. А я и не настаиваю, потому что..., - тут она внезапно прервалась. Я почувствовал, как она ищет ответ в своих мыслях и не может найти, - потому, что, о чем тут говорить?”

Я поинтересовался, как она воспринимает его воспоминания сейчас.

- Я не знаю во что верить, - сказала она и перевела разговор. - Есть другая история. У одной из воспитательниц Роберта есть дочка, Эшли, ей два года. У нее шумы сердца и шрам над сердцем, выглядит как шрам. Она родилась с этим. Эшли не разговаривает, ей два года, но она не говорит.

А еще она боится некоторых людей - темноволосых мужчин. Это у нее словно фобия.

- Есть в воспоминаниях Роберта что-то такое, что заинтересовало бы вас?
- вернулся я к теме.
- Я обратилась к Кэрол Боуман потому, что меня тревожило поведение Роберта. Оно казалось не очень нормальным. Если что-то получалось не так как он хотел, он внезапно раздражался, так делают многие дети, но он говорил при этом: «Я ненавижу свою жизнь». Обычные дети так не говорят, согласитесь. И когда у него начинались такие вспышки гнева, он становился неуправляемым. В детстве, мне приходилось держать его по несколько часов на руках, прежде чем он прекращал дергаться. Его привычки напоминали манеры взрослого, а не характер ребенка. Мы с Кэрол подумали, что это как-то связано с его воспоминаниями, что его сестра сделала с ним что-то неприятное в прошлой жизни. Потом эти татуировки и мотоциклы. Может быть, он был в дурной компании, да все что угодно. Может, он был депрессивным человеком, кто знает?

Зазвонил телефон: это была сиделка Роберта.

“Она может поговорить с вами, если вы захотите,” - сказала мне Дебби, после того как положила трубку. Я уточнил адрес. Няня жила на другом конце города, в полчаса езды. Собрав свои вещи, я вспомнил, что так и не задал одного важного вопроса.

- У Роберта есть родовые отметины?
- Знаете, - сказала Дебби, - Стивенсон спрашивал меня про это и я сказала нет. Но я забыла про те, что на голове. У Роберта есть вот здесь, - она указала пальцем чуть выше линии волос на лбу, а затем сместила палец к затылку.

Они всегда там были, с самого рождения. Знаете, он был почти лысым до двух лет. Я вспомнила про это недавно, когда мы были в бассейне. У него такие тонкие волосы, что когда они намокают, то становится видно череп. Ко мне пришла мысль: что чем-то он действительно похож на старика, с редкими волосами, с родимыми пятнами. Подумала, что нужно дать знать Стивенсону.

Роберт, милый, иди сюда на секундочку, - позвала она сына. Он подошел и встал перед матерью, она откинула ему волосы и показала небольшую выпуклую родинку, чуть выше лба, а потом другую, побольше и потемнее, в задней части головы. - Меня особенно вот эта беспокоит, - сказала она, показывая на большую из них. - Она слишком темная. Я возила его к

доктору, дело в том, что в бассейне он слишком много бывает на солнце а у меня тоже был рак кожи, мне его вылечили за три месяца.

Незадолго до полудня, я поехал через город к сиделке. Ехать предстояло около получаса, поэтому у меня было время подумать. У Дебби я пробыл все утро, но пазл не складывался. Я не привык к тому, что не знаю ситуацию с другой стороны, у меня не было свидетельств другой семьи, чтобы понять, насколько правдиво все сказанное ребенком.

Все время, что я ехал, мне отчаянно хотелось вернуться назад к Ленцам и сказать: “Давай съездим на эту ферму”.

Но Дебби так и не решилась сделать это самостоятельно, было ли у меня право заставлять ее делать это? Каждая секунда промедления отдаляла меня от ее дома со скоростью 55 миль в часах. Я бы поговорил с сиделкой, вернулся в Шарлоттсвилль и у меня никогда больше не представилось бы возможности постучать в заветную дверь.

Конечно же, задумавшись, я пропустил съезд с шоссе и мне пришлось сделать круг, чтобы вернуться. Двухэтажный, обшитый пластиковой вагонкой дом располагался в рабочем квартале. Я постучал в сдвижную стеклянную дверь на первом этаже. Через дверь был виден гараж, переделанный в детскую комнату, по которой носились с полдюжины ребятишек. Сиделка, блондинка по имени Донна, открыла дверь и сказала: “Том? Звонила Дебби и просила вас перезвонить ей”.

Телефон не отвечал. “Наверное, они пошли с Робертом в магазин, как и планировали,” - догадался я.

“Я дам вам ее мобильный номер,” - сказала Донна.

Дебби сняла трубку на третьем гудке.

- Вы забыли записную книжку, - сказала она, - я не знаю, наверное там важные записи.
- Вы будете дома через час?
- Я постараюсь.
- Ок. Я тогда подъеду, - сказал я и начал сомневаться.
- Дебби?
- Да?
- Вам не кажется, что пора постучать в двери?

Мне показалось, она ждала моего вопроса.

- Вы готовы к беседе?
- Да, если вы настаиваете.

- Тогда сделаем это.

Сиделка ничем не удивила: это была уже знакомая история - Роберт рассказывал ей про ферму, они с Дебби сравнили показания и убедились, что он говорит одно и то же. Я проговорил с ней около получаса, а затем вернулся через город обратно к дому Дебби. На месте, однако, возникла проблема: Роберт ждал друзей-первоклашек, которые вот-вот должны были вернуться из школы и не хотел никуда ехать.

“Мы собираемся ехать на твою ферму,” - сказала Дебби. Внезапно Роберт преобразился, это выглядело ровно так, как описывала Дебби до этого. Он стал топтать ногами и истерично кричать: “Нет! Я хочу играть с мальчиками! Я не хочу! Не хочу! Я ненавижу вас! Не поеду! НЕНАВИЖУ! НЕНАВИЖУ!”

Тем не менее, мы запихнули Роберта на заднее сиденье внедорожника и выехали. Дебби спокойным и уверенным тоном пыталась говорить с ним, но он вопил всю дорогу. Улучив момент, когда он затих в передышке, я поинтересовался у него, что ему купили в супермаркете. Он мне ответил совершенно спокойно, таким тоном, будто до этого ничего не происходило - его гнев улетучился так же внезапно, как и появился.

В миле от нас, на развилке появилось едва различимое белое строение. Мы объехали вокруг, чтобы оглядеть ферму снаружи. Я взглянул на Роберта, который сидел молча. Затем он подался вперед и заявил: “Здесь было колесо обозрения”.

Я взглянул на Дебби, она напряженно сжимала руль и казалось ничего не слышала. “Я реально нервничаю сейчас,” - сказала она, уловив мой взгляд.

Мы проехали по тенистой аллее и остановились на большой открытой площадке, прямо перед домом. Маленькая девочка, раскачивающаяся на детской площадке, завидев нас, сорвалась в направлении дома. Если у старика была жена, то это должно быть его внучка.

- Твоя мама здесь? - успел выкрикнуть я ей в спину.

Она остановилась, повернулась к нам и застеснялась: “Нет, нет. За мной здесь смотрят”.

На крыльцо вышла молодая женщина.

- Вы здесь живете? - спросил я.
- С мамой и бабушкой, - ответила та. - Моя мама смотрит за детьми. Она берет их на день.
- Вы не будете против, если мы поговорим с вашей мамой?

Она сделала несколько шагов и открыла стеклянную дверь: “Мам, тут

какие-то люди, они хотят поговорить с тобой”.

Изнутри появилась плотная, привлекательная женщина лет сорока пяти. “Входите внутрь, - сказала она со специфическим южно-вирджинским акцентом. - Меня зовут Линн”.

Я прошел в прихожую, прохладную и темную после жаркого полуденного солнца. Прямо перед нами была большая кухня, она выглядела достаточно древней. Дебби шла следом за мной, за её за спиной виднелся плотно прижимающийся к ней Роберт.

У меня не было ни малейшего представления о том, как начинать разговор. На меня выжидающе смотрела Дебби.

“Этот парень абсолютно уверен, что он жил здесь раньше,” - сказал я.

Линн выглядела озадаченной. “Но милый, - сказала она, - это невозможно. Мы живем здесь уже очень много лет”.

“Дело в том, - продолжила Дебби, - он думает, что жил здесь в предыдущей жизни”.

Рот у Линн слегка приоткрылся от удивления, казалось, что сейчас она скажет “ой”, но усилием воли она победила это желание. Она смотрела на Дебби с выражением скептицизма и симпатии.

- Слушай, милая, - начал она. - Я так не думаю. Я слышала раньше об этом, но мой отец владел этой фермой около 40 лет.

- Мальчик все время говорит о какой-то ферме, которая ему принадлежала, - объяснил я ей, - и он убежден, что это именно здесь.

Я увидел в ее глазах признаки понимания.

- Ферма была у моего отца. Он был риэлтором.

- У вашего отца были какие-то увлечения, чем он по настоящему увлекался? Роберт много говорит о мотоциклах.

- У меня был друг, который разбился на мотоцикле. А папе они никогда не нравились. Хотя, у него были грузовики.

- Интересно. Помните какого цвета?

- Белые. Белые грузовики.

Я мысленно прикидывал: мотоциклы отпадают, грузовики белые, вместо черного.

- Он курил? - спросила Дебби.

- Как паровоз, упокой господь его душу.

- Вы случайно не знаете, когда он начал курить?

- Рано. Я не знаю точно, когда был подростком. В шестнадцать, быть может?

- Роберт упомянул, что его наказали, когда застукали за курением в сарае в тринадцать лет, - сказал я, - вам ничего не известно про это? Семейная история или типа того?
- Ну, - она подумала секунду, - у папы был брат, он жил вон в том доме, позади нашего, в то время это было одно хозяйство, рядом там была прачечная с негритяжкой, которая жила при доме. Они были подростками, спустились за одеждой в прачечную, покурили, а бычки не затушили, одним словом, прачечная сгорела дотла. Конечно, тогда им сильно попало.

У нас тогда были коровы, несколько коров и свиней. А еще мы выращивали сою. Папа грузил все это в грузовик и отвозил на рынок.

Свиньи, коровы, соя? Мне все это очень сильно напоминало ферму. Я вспомнил некролог: “Риэлтор и фермер”. А Роберт рассказывал про перевозку травы в кузове пикапа.

Подробностей, однако, было немного. Роберт рассказывал о шестерых братьях и сестрах. Линн сказала, что всего в семье было восемь детей. Роберт говорил о сарае, пострадавшем во время шторма - это тоже не вязалось с рассказом Линн. Ее отец никогда не рассказывал о злой сестре; у него не было татуировок. Да, он носил ковбойские ботинки и синие джинсы, но на ферме и не принято одеваться по другому. Совпадало лишь то, что он умер незадолго до рождения Роберта, но таких совпадений можно было набрать тысячами.

Похоже, приходило время признать поражение.

И внезапно я вспомнил, что нужно было спросить.

- У вашего отца были какие-то отметки или шрамы на теле?
- У него были множественные фибромы. Мне в наследство от него тоже досталось, - она вздохнула. - Одну, самую большую, он хотел удалять незадолго до смерти.

Я немного ожил.

- А где они располагались? - спросил я.
- Ну... Смотрите, - она сложила руку лодочкой, имитируя форму опухоли, наклонила голову и поднесла руку к затылочной части головы, точь в точь к тому месту, где у Роберта была большая родинка.

Она посмотрела на меня, потом на Дебби. Выглядела она так, словно собиралась заплакать. “Мой отец был замечательным человеком, - сказала она, голос дрожал. - Он умер когда ему было 82 года, почти шесть лет назад и взгляните на меня, мне до сих пор грустно. Он был добрейшим человеком,

особенно с женщинами. Если видел беременных, обязательно подходил и спрашивал: «Не нужно ли тебе что-нибудь, милая?»

Когда я была беременная, он все время предлагала мне пиццу”.

Она засмеялась и по ее щекам покатались слезы. Потом похлопала себя по круглому животу: “Предполагаю, что во мне до сих пор большая часть моего папы,” - улыбнувшись сказала она.

Она повернулась к Дебби.

“Если в вашем сыне есть что-то от моего отца, мне будет ужасно приятно,” - сказала она.

Из темной комнаты справа от нас, внезапно появилась шумная и громкая ватага смеющихся детишек, промчалась мимо нас и исчезла за сдвижной дверью. Снаружи скрипели качели, слышались детские крики и смех. Линн обратилась к Роберту: “Может ты хочешь выйти и поиграть с другими детьми?” Роберт не отвечал, он плакал, уткнувшись в мамину спину.

Дебби попыталась повернуться к нему, он отчаянно сопротивлялся. “Что не так, милый?”

Линн присела.

“Не плачь, солнышко, - сказала она. - ты не должен стыдиться. Можешь сказать мне все что хочешь, я всегда буду рада тебя слышать. Я всем говорю, что вернусь бабочкой, я верю в это. У меня будут восхитительные красочные крылья”.

Вернувшись в машину, Роберт сидел молча.

- Почему ты плакал там? - спросил я.
- Я не знаю, - ответил он, - просто плакал.
- Тебе понравилось говорить с тетей?

Глаза у него расширились и он выразительно кивнул.

Когда мы подъехали к их дому, Дебби спросила:

- Эта леди знакома тебе, милый?
- Да, - ответил Роберт, помедлил и посмотрел на нее, - почему, мам?

Благодарности

Я бесконечно признателен и восхищен мужеством доктора Стивенсона, который, едва меня зная, благосклонно позволил сопровождать себя в рабочих поездках по трем континентам; без тени сомнения разрешил изучить множественные подробности его личной и рабочей жизни. Моя благодарность не в меньшей мере касается и его помощников - доктора Сатвант Пасрич из Индии, Мадж Абу Иззедин из Ливана, доктора Джима Таккера из США, а также всего коллектива Отдела Личностных Исследований университета Вирджинии, чья помощь мне явно выходила за рамки служебных обязанностей.

Я признателен людям участвовавшим в процессе работе над книгой, вносящих дельные советы и предложения, особенно Лизе Шродер, Давиду Фишеру, Биллу Розу и Джону Доршнеру.

Также я благодарен Бобу Тишенкелю, который привлек мое внимание к работе Брайана Вейса. Он явился соавтором моей статьи о Брайане для журнала *Miami Herald's Sunday Tropic*, которую я позже положил в основу второй главы этой книги.

Издание этой книги было бы невозможно без помощи моего агента Ала Харта; экспертного мнения моего редактора Фреда Хеллиса и директора журнала Дуга Клифтона, который выделил мне столько времени, сколько требовалось.

Избранная библиография

- Almeder, Robert. "A Critique of the Arguments Against Reincarnation." *Journal of Scientific Exploration* 11, no. 4 (1997): 499–526.
- Capra, Fritjof. *The Tao of Physics*. Boston: Shambhala, 1991.
- Edwards, Paul. *Reincarnation: A Critical Examination*. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1996.
- Mills, Antonia, et al. "Replication Studies of Cases Suggestive of Reincarnation by Three Independent Investigators." *Journal of the American Society for Psychical Research* 88 (July 1994).
- Penrose, Roger. *Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness*. New York: Oxford University Press, 1994.
- Stemman, Roy. *Reincarnation: True Stories of Past Lives*. London: Judy Piatkus Publishers, 1997.
- Stevenson, Ian. *Ten Cases in India*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1972.
- . *Twelve Cases in Lebanon and Turkey*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1980.
- . *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1995.
- . *Reincarnation and Biology, Vol. 1: Birthmarks and Vol. 2: Birth Defects and Other Anomalies*. Westport, Conn.: Praeger, 1997.
- Weiss, Brian. *Many Lives, Many Masters*. New York: Simon & Schuster, 1988.

Об авторе

Том Шродер премированный журналист, редактор и писатель на протяжении более чем двадцати лет. Писатель в четвертом поколении (его дед Маккинли кантор получил Пулитцеровскую премию), редактор раздела *Sunday Style* в *The Washington Post*. С 1985 по 1998 редактор журнала *Miami Herald's Tropic*, среди прочих обязанностей, редактор юмористической колонки широко известного юмориста Дейва Барри. Совместно с Барри задумал идею романа *Naked Came the Manatee*.

В 1995, в соавторстве с Джоном Барри, Шродер публикует обласканную критиками повесть “Видя свет”, биографию известного фотографа национального парка Эверглейдс. Проживает в Северной Вирджинии, со своей женой Лизой и двумя детьми Эмили и Сэмом. Старшая дочь Джессика учится в университете Флориды, пишет достойные, к ее чести, пьесы и имеет намерения продолжить писательскую династию.

1. Даниэль Джирди, 27-летний бухгалтер держит фотографию 25 летнего механика по имени Рашид Хаддидж, погибшего в авткатастрофе в 1968г. вблизи пляжа в Бейруте. С самого детства Даниэль описывал детали аварии и делал другие заявления довольно точно совпадающие с обстоятельствами жизни и смерти Рашида. Свидетели утверждают, что он опознал многих родственников Рашида, которых до этого ни разу не видел.

2. Йен Стивенсон пересекает реку в Бирме в 1979г. Прошло двадцать лет с момента начала его исследований и пройдет еще столько же. За 40 лет он соберет более 2000 тыс. детских воспоминаний о предыдущих жизнях. *Из архива Йена Стивенсона.*

3. Сюзанна Ханем, 1973г. Сюзанна вспоминала жизнь женщины (Ханны Мансур) умершей в госпитале в Вирджинии после неудачной операции на сердце. Родители Сюзанны рассказали, что с того момента как она начала разговаривать, она снимала телефонную трубку и раз за разом повторяла в нее имя “Лейла”. Позже выяснилось, что Лейла это имя дочери Ханны. Члены семьи подтвердили, что перед операцией та безуспешно пыталась дозвониться своей дочери. *Из архива Йена Стивенсона.*

4. Сюзанна в возрасте 7 лет, в 1979г. К этому моменту она уже познакомилась с изначально предубежденно настроенной семьей умершей и заставила их поверить. Маленькая девочка испытывала огромные чувства к мужу покойной и была потрясена, узнав, что он женился повторно. *Из архива Йена Стивенсона.*

5. Сюзанна Ханем в 25 лет. Лицо обнаруживает значительное сходство с лицом Ханны (фотография ниже). Сюзанна не вышла замуж и по прежнему проявляет стойкий интерес к мужу Ханны, несмотря на протесты семей.

6. Ханна Мансур в 21 год в своем венчальном платье.

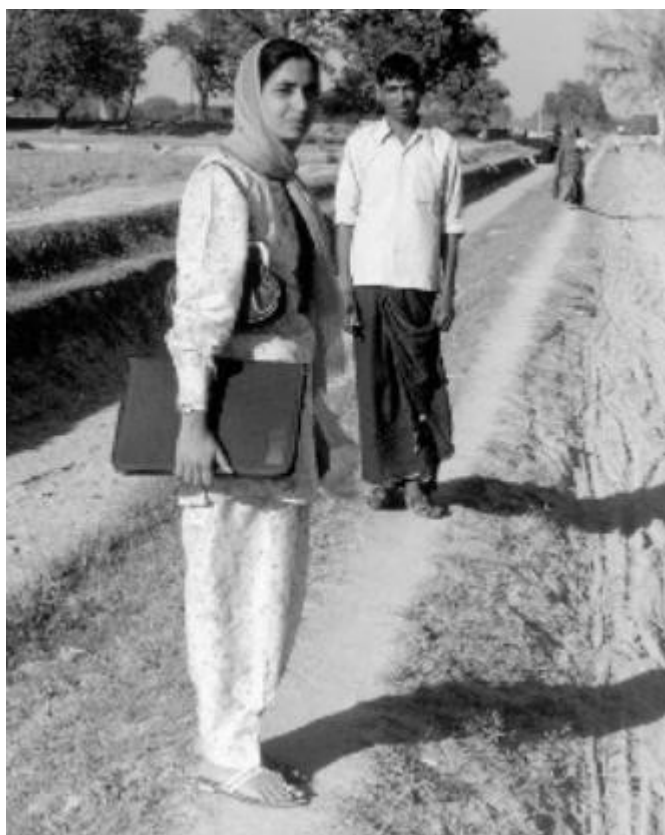

7. Притти, девочка из маленькой индийской деревни. Вспоминала жизнь умершей девушки-подростка по имени Шейла из соседней деревни (в центре следующего фото, в верхнем ряду). Опознала отца Шейлы, когда тот пришел к ней, забралась к нему на колени и просила увезти домой.

9. Протеже Стивенсона в Индии, доктор Сатвант Пасрич. Скептики отказывались принимать ее исследования, апеллируя к тому, что она из сикхов, чья религия поддерживает идею реинкарнации. Она оппонировала тем, что исследованные ею случаи разбивают представления о работе реинкарнации принятые в сикхизме. *Из архива Йена Стивенсона.*

10. Селяне, собравшиеся поглазеть на американского доктора, приехавшего изучить обстоятельства странного случая с молодой 18-летней женщиной, в результате которого она, к полной неожиданности всех своих родственников, сменила личность, говоря о себе как о женщине, убитой при странных обстоятельствах в городке, где она никогда не была.

11. Мясник и его дочь. Отец верит, что девочка реинкарнация своей двоюродной сестры умершей за работой от пожара в доме за сотню метров от их лачуги. Девочка вспоминает такую же жалкую и нищенскую жизнь, что разбивает доводы скептиков, будто все эти воспоминания являются лишь плодом фантазии о лучшей жизни.

12. Девочка из тех же трущоб слышав о приезде Стивенсона принесла показать ему свою сестру. Девочка родилась без руки и боится котов, как сказал ее дядя. “Наверное ее руку съели коты в прошлой жизни,” - как саркастически заметил один из местных зевак. Несмотря на распространенные в Индии верования в реинкарнацию, конкретные случаи часто подвергаются смеху и сомнениям.

13. 11-летний Башир, вспоминал жизнь юноши по имени Фади, погибшего от взрыва снаряда во время Ливанской гражданской войны. Лишь начав связно говорить, стал повторять: “Я не Башир, я Фади”. Когда умер его “предыдущий” отец, он впал в столбняк и сильно горевал на похоронах, семья умершего приняла его как родного сына.

14. Автор (слева), ливанский помощник и переводчик Мадж Абу Иззедин (в центре) и доктор Йен Стивенсон на холмах вблизи Бейрута в 1997г. в конце ливанской поездки.

15. Сунита Чандак (слева), утверждала, что жила в маленьком городке под названием Бельгаон. Отец Суниты привлек к помощи местного журналиста, чтобы найти это поселение. Когда Сунита там оказалась, по заверениям свидетелей, она в точности опознала множество мест и людей, а также указала на вещи, которых много лет уже не существовало. Ее сестра близнец Анита (справа).

16. Стивенсон в 1998г. Ему почти 80 лет, но он по-прежнему на ходу, пробирается сквозь хаос стран третьего мира (Индия в данном случае) в поисках доказательств реинкарнации.

